

В. И. ПУШКИН

ПОЭТЫ-
ДЕКАБРИСТЫ

ПОЭТЫ-
ДЕКАБРИСТЫ

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

1 9 6 0

ПОЭТЫ-ДЕКАБРИСТЫ

В. РАЕВСКИЙ, А. БЕСТУЖЕВ, П. КОЛОШИН,
Н. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН, П. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН,
Н. ЛОРЕР, Н. БЕСТУЖЕВ, Г. БАТЕНЬКОВ,
Н. ЧИЖОВ, М. БЕСТУЖЕВ, В. ДАВЫДОВ.

с о в е т с к и й
п и с а т е л ь

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. М. Семенко*

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

1

«Мы... имели слово, потрясающее сердца равно всех сословий в народе: свобода», — писал из крепости во время следствия своим судьям декабрист П. Г. Каховский. Во всей Европе конец XVIII и начало XIX века были эпохой национально-освободительных, антифеодальных движений. «Дух преобразования заставлял, так сказать, везде умы клочкотать», — эти слова П. И. Пестеля воссоздают атмосферу всеобщего брожения и недовольства деспотическими порядками, которая характеризовала тогда общественные настроения во многих странах, в том числе и в России.

Когда складывалось мировоззрение старших декабристов, были еще живы впечатления французской и американской революций конца XVIII века, из уст в уста передавались подробности расправы с русским деспотом Павлом I. Многие из числа будущих декабристов героически сражались в Отечественной войне 1812 года, войне против тирана, угрожавшего отечеству. Те, кто был еще слишком молод, чтобы участвовать в войне

с Наполеоном, в 1820—1823 годах стали свидетелями восстания Семеновского полка в Петербурге, массовых крестьянских волнений на юге России, восстания в Греции против турецкого ига, революционных вспышек в Испании, Италии, Португалии.

Жажда независимости — национальной и политической — повсеместно определяла общественные настроения. В странах Западной Европы борьбу с феодально-абсолютистским гнетом возглавила еще прогрессивная в те времена буржуазия, стремившаяся отвоевать для личности право на свободу от национальных и сословных ограничений. Русская буржуазия отличалась косностью и реакционностью; как указывал В. И. Ленин, в России выразителями самых передовых общественных настроений стали «лучшие люди из дворян».¹

Усиление политической оппозиции и начало деятельности декабристских тайных обществ относятся ко времени окончания заграничных походов 1814—1815 годов. Чувство народной гордости не позволяло больше мириться с самоуправством и неуважением к человеку. При этом декабристы защищали интересы не только «благородного сословия», хотя, в сущности, и были, по словам В. И. Ленина, «страшно далеки»² от народа. Выступая от лица всего народа, они в то же время боялись его революционной активности.

Декабристы гордились коллективным подвигом

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 295.

² Там же, т. 18, стр. 14.

русского народа в годы Отечественной войны. «Мы были дети 1812 года», — говорил М. И. Муравьев-Апостол. Ф. Н. Глинка писал, что русские солдаты в «скромной простоте своей явили себя истинными героями сего времени»; А. С. Грибоедов намеревался создать драму «1812 год», главным героем которой должен был стать крепостной крестьянин, ратник народного ополчения. В замечательном публицистическом произведении В. Ф. Раевского «О рабстве крестьян» с горячим сочувствием говорится о крепостных, которых защитники рабства называли «счастливыми»: «Эти счастливы в изодранных рубищах, с бледными, изнуренными лицами и тусклыми взорами просят не у людей (ибо владельцы их суть тираны), но у судьбы пищи, отдыха и смерти».

Освобождение крестьян, как реформа первостепенной значимости, входило в программу всех без исключения декабристских политических организаций.

Своеобразие движения декабристов заключалось в том, что оно осуществлялось дворянскими интеллигентами. Декабристы были наиболее передовой, образованной частью русского дворянства. Духовный склад декабриста воссоздан А. С. Грибоедовым в Чацком. Разумеется, в Чацком не следует видеть декабристского «вождя» или заговорщика. Но в нем воплощены черты лучших людей его времени — и это черты декабриста: свободолюбие, страстная защита просвещения, ненависть к бесчестности и холуйству, гражданское мужество.

Декабристы — наследники давней просветительской традиции в России. Было бы глубоко неверным нивелировать декабристов, не принимать во внимание тех, часто очень глубоких, различий, которые между ними существовали, — различий в политических и философских убеждениях, литературных вкусах и т. д. Но общим культурным наследием для всех декабристов, независимо от индивидуальных и групповых их расхождений, были передовые идеи Просвещения XVIII века.

«Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершались в мире», — писал Рылеев в первоначальном наброске предисловия к «Думам». Согласно просветительской теории, «невежество» включало в себя необразованность умственную, нравственную, гражданственную; напротив того, «просвещение» — это обширный комплекс высоких и благородных понятий во всех областях человеческой деятельности. Просвещенность, с точки зрения декабристов, — основа разумного устройства общества. В том же наброске Рылеева читаем: «Один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество».

В «Законоположении» Союза благоденствия особое место отводилось просвещению в этом широком смысле слова. В сфере влияния Союза благоденствия находились литературно-театральное общество «Зеленая лампа», «Вольное общество любителей российской словесности» и его печатный орган «Соревнователь просвещения и

благотворения». Специальный отдел «распространения познаний» Союза благоденствия должен был «изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего». Каждому члену Союза благоденствия «Законоположением» предписывалось, чтобы он «склонял своих молодых знакомых к полезным занятиям... занимал их различными предметами, но таким образом, чтобы всех занятий, всех действий, всех помышлений последствие было — общее благо».

Защита просвещения всегда оставалась для декабристов священной обязанностью. В. Ф. Раевский в Сибири вспоминал, как он «вспыхнул», когда на следствии брат царя Михаил Павлович обрушился на «пансионы» и «университеты» — ненавистные властям рассадники «вольнодумства». В период николаевского царствования дворянская интеллигенция попала в немилость; победившей властью просвещенность рассматривалась как «вредная» способность мыслить, «рассуждать», быть недовольным.

Декабристы всемерно стремились к тому, чтобы содействовать воспитанию в России общественного человека, чтобы образовать для будущей России гуманных, сознательных граждан отечества. Сами слова «гражданство», «гражданин» являлись программными терминами декабризма. Высокий «сан» гражданина прославлял в своем знаменитом стихотворении Рылеев («Гражда-

нин»); Раевский с гордостью писал о молодом поколении, в котором зажглась «гражданства искра» («Сатира на нравы»).

Примером своего собственного общественного служения декабристы стремились воспитывать других. С этой целью «Законоположение» Союза благоденствия обязывало членов тайного общества «не токмо не... уклоняться от общественных обязанностей, но как истинные сыны отечества с удовольствием их принимать, с рачением исполнять и как непорочным поведением, так и правосудием и благородством возвышать во мнении других занимаемое ими место».

С повышенным вниманием декабристы относились к моральным, этическим проблемам. И в этом также они являлись последователями Просвещения XVIII века, которому в значительной мере был свойствен этический пафос. В первом же параграфе первой книги устава Союза благоденствия, где говорилось о цели общества, членам его предписывалось убеждать своих сограждан, что «добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной». В уставе «Общества соединенных славян» — наиболее демократического среди тайных организаций того времени — вопросы морали занимали большое место. Моральную силу декабризма подчеркнул В. И. Ленин, назвав декабристов «лучшими людьми из дворян».

В этом смысле чрезвычайно характерно то, что писал Е. И. Якушкин, сын декабриста, о глубоких причинах нравственного порядка, сыгравших

роль в разительном расхождении путей декабристов и их бывшего единомышленника, в свое время члена Союза благоденствия, а затем крайнего реакционера, душителя польского восстания 1863 года М. Н. Муравьева. С декабристами, по словам Е. И. Якушкина, будущего «вешателя» еще в начале 1820-х годов разделили не столько политические убеждения, сколько «различие нравственных сил и нравственного уровня».

Будучи революционерами и гуманистами, декабристы с интересом и симпатией относились к другим народам, ценили их вклад в сокровищницу человеческой культуры, их борьбу за свободу. Свободолюбивые предания о героях античности, героическая борьба за независимость современной Греции, подвиги, совершавшиеся в 1821—1823 годах повстанцами в Италии, Испании, Португалии, сопротивление колонизаторам в Южной Америке — все это воспринималось участниками декабристского движения со страстью и волнением и служило широким фоном для революционной пропаганды, материалом для выработки своей собственной революционной «генеалогии». По словам И. Д. Якушкина, Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит были у каждого из декабристов «почти настольными книгами». Имена римлянина Брута, американцев Вашингтона и Франклина провозглашались как символы гражданской доблести. Портрет Р. Риго, казненного в 1823 году вождя испанских повстанцев, был выставлен 14 декабря в окнах некоторых магазинов. Декабристы глубоко чтили Байрона, умев-

шего «грязнуть негодованием в притеснителей» (выражение П. А. Вяземского); после смерти великого английского поэта А. А. Бестужев писал Вяземскому: «Мы потеряли брата... в Байроне, человечество — своего бойца».

Вольнолюбивая русская мысль всегда с негодованием клеймила расовую и национальную дискриминацию как одну из форм угнетения человека. Еще в самом начале столетия был написан очерк писателя-радищевца В. В. Попугаева «Негр», тогда же — гневное стихотворение Н. И. Гнедича «Перуанец к испанцу», в 1810-х годах — «Плач негра» В. Ф. Раевского. А в 1830-х годах, уже из Сибири, М. С. Лунин писал о лицемерии современных ему расистов: «Признав торжественно равенство людей перед законом... они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество».

В идеологии декабристов уважение к общечеловеческим ценностям совмещалось со страстным патриотизмом. Декабристы были убеждены в величии России, в высоких духовных качествах ее народа, в естественном праве этого народа на разумное и свободное общественное устройство.

В истории России декабристы видели доказательство ее высокого предназначения, проявление исконного свободолюбия русского народа. Связанный с декабристскими кругами поэт Н. И. Гнедич утверждал, что вольнолюбивая мысль «может быть видима во всех деяниях, предприятиях, вол-

нениях и переворотах», совершившихся русским народом.

Декабристы и те, кто был к ним идейно близок, воспринимали свою собственную деятельность как выражение глубоких потребностей русской жизни. Программный характер имела высокая ораторская проза В. Ф. Раевского: «...Патриотизм, сей светильник жизни гражданской, сия таинственная сила, управляет мною. Могу ли видеть порабошение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слезы слабых, бурное негодование и ожесточение сильных — и не сострадать им? . . . О, Брут и Вашингтон! Я не унижу себя, я не буду слабым, бездушным рабом — или с презрением да произносит имя мое мой ближний! . . .»

После разгрома восстания в официальных кругах пытались утверждать, что «заговор» был явлением случайным, не имевшим корней в русской почве, что свободомыслие и «опасные теории» декабристы почерпнули в «чужих краях». Эта версия фигурировала и при допросах в Следственной комиссии; но — характерная деталь — когда члену Южного общества В. Л. Давыдову на допросе сказали, что русские тайные общества были подражанием немецкому Тугендбунду (умеренное немецкое политическое общество. — И. С.), он с твердостью ответил: «Извините, господа! Не к немецкому к Тугендбунду, а просто к *бунту* я принадлежал»

Подавляющее большинство декабристов на казни и в ссылке нашло в себе достаточно душев-

ных сил, чтобы в необычайно трудных условиях сохранить верность убеждениям.

Противники декабристов говорили, что они застыли в своих представлениях 1820-х годов, что для них «никогда не наступило 15-е декабря». Эта формула была и несправедлива и справедлива — но совсем не в том смысле, какой ей придавали недоброжелатели.

Декабристы всегда оставались революционерами, врагами деспотизма; они гордились тем, что искупили «любовь к земле родимой кровью» (Кюхельбекер, «Тень Рылеева»). Г. С. Батеньков из крепости писал царю: «Глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался».

Н. И. Лорер в «Воспоминаниях» утверждал через сорок лет после своего вступления в тайное общество и отъезда на юг, что если бы теперь ему было дано изменить этот шаг и тем самым всю свою судьбу — он бы ни за что не согласился. А. И. Одоевский писал в одном из своих лучших стихотворений («На переход из Читы»):

За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

В Сибири декабристы с жадностью ловили отзвуки новых освободительных движений, развивавшихся на Западе. Во время перехода из Читы в Петровский завод до них дошли вести об Июльской революции 1830 года во Франции;

они горячо сочувствовали Польше, восставшей против владычества Николая I. И в новых условиях твердым убеждением наиболее последовательных декабристов оставалось убеждение в необходимости революционного обновления русской жизни, высказанное А. И. Одоевским в его знаменитом ответе на послание Пушкина «В Сибирь»:

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы...

Для наиболее зрелых и стойких декабристов действительно «никогда не наступило 15-е декабря» в том смысле, что они не изменили своим убеждениям. Но оно наступило для них в другом смысле. После восстания декабристская мысль не застыла, не окостенела; она развивалась, углублялась, шире охватывала как опыт прошлого, так и непрерывно развивающееся настоящее. Глубже и объективнее декабристы начинали понимать процессы, происходившие в русской истории и современности. Особенно важной была наметившаяся у некоторых из них тенденция к демократизации убеждений. Это остро проявилось у С. Г. Волконского, В. Ф. Раевского, В. К. Кюхельбекера, М. А. Бестужева, Г. С. Батенькова. В поэме А. А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский» подчеркнута необходимость поддержки вождя народом.

Среди декабристов, казалось бы оторванных от общественной жизни, находились люди, с трезвостью и точностью умевшие определить ее харак-

тер и в 1830-е, и в 1840-е годы, и даже в годы предреформенные, когда у значительной части передовых деятелей, даже (временно) у Герцена, возникли либеральные иллюзии. М. С. Лунин в записке «Общественное движение в России в нынешнее царствование» (1830-е годы) отмечал: «В сущности, ничего не изменилось. То же молчание в государственном совете, то же взяточничество в правительствующем сенате, то же идолопоклонство в синоде». В начале царствования Александра II Г. С. Батеньков писал Е. И. Якушкину, что «железными рельсами», по которым всегда движется тирания, являются «уголовный кодекс, тюрьмы и арестантские роты» (правда, Батенькову не чужды были и надежды на правительственные реформы). В. Ф. Раевский, в своих взглядах ближе других декабристов подошедший к революционно-демократическому мировоззрению, следующим образом характеризовал эпоху либеральных обещаний: «Государство, где... личности выше законов... где законы практикуются только над сословием или стадом людей, доведенных до скотоподобия, там не гомеопатические средства необходимы».

На будущее России декабристы всегда смотрели оптимистически, верили в прогресс, в конечное торжество гуманности и свободы. Эта вера ярко проявилась в словах Н. И. Тургенева: «Мы, по крайней мере многие из нас, увидели цель жизни народов, цель существования государств, и никакая человеческая сила не может уже обратить нас вспять».

Декабризм — широкое идеологическое движение, охватившее значительную часть дворянской интеллигенции. Под термином «декабризм» следует понимать не только политическую деятельность тайных обществ, но определенный тип мировоззрения, включающий в себя передовое понимание политики, истории, эстетики, морали, литературы. Все, что было лучшего и прогрессивного в русской культуре 1810-х и первой половины 1820-х годов, питалось декабристскими идеями. Исключение — В. А. Жуковский, выдающийся поэт, по-своему тоже испытавший воздействие просветительской литературы XVIII века, но считавший не политическую борьбу, а нравственное самосовершенствование человека наиболее верным путем к улучшению общественного устройства.

Теснейшим образом связан с декабризмом Пушкин, во второй половине 1810-х годов и начале 1820-х годов создавший «Лицинию», «Вольность», «Деревню», «К Чаадаеву», «Нюэл:», «Кинжал». «Горе от ума» Грибоедова — гениальное осуществление декабристской идеи высокой общественной комедии, в которой положительный герой, человек декабристского склада, поставлен в резкий конфликт со «старым миром». Под влиянием декабризма находился поэт Н. И. Гнедич; героическая тематика, учительность его поэзии соответствовали революционно-просветительскому духу устава Союза благоден-

ствия. Были связаны с декабризмом П. А. Вяземский, автор «Негодования» и «Русского бога»; Н. М. Языков, блестящий поэт «буйства молодого», как определил его Пушкин. Известное воздействие декабристских идей испытали А. А. Дельвиг и Е. А. Баратынский (характерно, что К. Ф. Рылеев намеревался заняться изданием сочинений Баратынского).

Из среды декабристов в прямом смысле слова, т. е. членов тайных обществ, вышли выдающиеся деятели в самых разных областях культуры — талантливые писатели, критики, историки, математики, публицисты, экономисты: К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский, А. А. Бестужев, Ф. Н. Глинка, В. Ф. Раевский, П. А. Катенин, Н. А. Бестужев, Н. И. Тургенев, А. О. Корнилович, Г. С. Батеньков, В. И. Штейнгель, М. А. Бестужев и многие другие.

В уже неоднократно упоминавшемся уставе Союза благоденствия был специальный раздел «Слово», посвященный задачам развития словесного искусства. Литературу, прежде всего поэзию, декабристы считали большой силой в воспитании «чувств высоких и к добру увлекающих». Выше говорилось о том, что в сфере влияния Союза благоденствия находились литературно-театральное общество «Зеленая лампа», «Вольное общество любителей российской словесности», журнал «Соревнователь просвещения и благотворения»; к этому надо добавить журналы «Сын отечества», «Невский зритель», альманах «Русская старина». В. К. Кюхельбекер совместно с В. Ф. Одоевским

издавал альманах «Мнемозина»; К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев издали три книги альманаха «Полярная звезда» (на 1823, 1824, 1825 годы). К «Полярной звезде» декабристы сумели привлечь наиболее талантливые литературные силы — Пушкина, Баратынского, Вяземского, Языкова.

Собственное поэтическое творчество декабристов весьма обширно и необычно по своей литературной судьбе. Многие из литераторов-декабристов писали и успели занять видное место в литературе до 14 декабря 1825 года (Рылеев, А. Бестужев, Кюхельбекер, Катенин, Ф. Глинка). Талант других обнаружился после 14 декабря, — так было с А. Одоевским, поэтом декабристской каторги. Поэтическое творчество В. Ф. Раевского, ранее других подвергшегося репрессиям, не было широко известно его современникам ни до, ни после восстания. Во второй половине 1820-х и в 1830-х годах в новую фазу вступило дарование А. Бестужева, вышедшего на путь романтической поэзии и прозы. Этот второй период творчества Бестужева получил шумное признание современников. Иначе сложилась судьба Кюхельбекера. Современники так и не узнали, что в 1830-х и 1840-х годах, в крепости и в сибирской ссылке, Кюхельбекер вырос в глубокого и самобытного поэта, что многие произведения его поздней лирики находятся на уровне лучших созданий поэзии того времени.

Поэтическое наследие декабристов дошло до нас в далеко не полном виде. Лучше всего сохранилось то, что было опубликовано до 14 декабря

1825 года. Утрачено много рукописных произведений додекабрьского периода, так как по приказанию Николая I Следственная комиссия уничтожила списки, которыми располагала в ходе следствия. Случайно избегли уничтожения произведения В. Ф. Раевского: они находились не в делах Следственной комиссии, а в делах Главного аудитора военного министерства.

То, что создавалось декабристами в Сибири, также в значительной мере утрачено безвозвратно, так как либо попало в случайные руки, либо сознательно уничтожалось самими ссыльными из опасения жестоких репрессий. В 1832 году за «сочинительской» деятельностью декабристов был установлен особый надзор, после того как возникло целое дело по поводу опубликования в журнале «Московский телеграф» баллады Н. А. Чижова «Нўча». Положение стало еще более угрожающим после 1841 года, когда за свои смелые «Письма из Сибири», распространившиеся в Сибири и в Европейской России, ссыльный декабрист М. С. Лунин был подвергнут новым репрессиям и заключен в Акатуйскую тюрьму, где вскоре погиб.

В эпоху декабризма литература стала сильнейшим средством выражения общественного сознания. «Эта литература, распространявшаяся контрабандой, указывала на направление и настроения умов в России. . . Маленькие шедевры, дотоле небывалые, показывали, что дни, когда они рас-

цвели, были эпохой оживления, надежд и, надо прибавить, здравого смысла и глубокой мысли», — писал в своих мемуарах Н. И. Тургенев, имея в виду декабристские политические сатиры, эпиграммы, пародии, агитационные песни. Н. А. Бестужев так объяснял причину того впечатления, которое производила поэзия Рылеева: «...Окруженные шпионами деспотизма, посреди рабских похвал, посреди боязливой лести и трусливого подобострастия, посреди целой империи, стнящей под игом тяжкого самоуправства, мы вдруг внимаем голосу поэта, возвещающему нам высокие истины, впервые нами слышимые, но знакомые нашему сердцу».

Сам Рылеев писал:

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.

(«Бестужеву»)

Творчество декабристов удовлетворяло потребность времени. Как и вольнолюбивая поэзия Пушкина, их произведения были глубоко современны, пропитаны идеями свободы общественной и личной. Своих литературных противников декабристы обвиняли именно в «несовременности», в отсутствии живого содержания, «живых чувств»; характерно, что преобладание последних считал сильнейшей стороной своих стихов Рылеев:

Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства;
Я не поэт, а гражданин.

(А. А. Бестужеву, *Посвящение
к поэме «Войнаровский»*)

Этими словами Рылеев, внешне как бы отказываясь от поприща и славы поэта, по существу утверждал свое непререкаемое право на них, утверждал поэзию определенного направления.

«Думы» Рылеева, которые Пушкин не без оснований осуждал за «однообразие» и прямолинейную нравоучительность, тем не менее были восторженно приняты современниками, а декабрист Н. Бестужев в своих «Воспоминаниях» доказывал в этой связи, что есть не только поэтические формы, но и поэтические идеи и чувства. С Н. Бестужевым, поставившим Рылеева выше Пушкина, согласиться, конечно, нельзя; более объективно и справедливо писал о впечатлении, остающемся после чтения стихов Рылеева, Н. П. Огарев: «...Тайна этого впечатления заключается в человечески-гражданской чистоте и доблести поэта, заменяющих самую художественность, или, лучше, доведенных до художественного выражения».

Как наследники Просвещения с его учительностью и дидактизмом, поэты-декабристы вовсе не считали, что агитационно-пропагандистская направленность «мешает» искусству.

В исследовательской литературе давно замечено, что стиль гражданской поэзии декабристов строился на употреблении слов-«сигналов», воз-

буждающих гражданские эмоции: «тиран», «вольность», «рабство», «зло», «закон», «народ», «трон» и т. д.

Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

(Рылеев. «К временщику»)

Эти слова даже в тех стихах, которые лишены прямо выраженной политической темы, указывали читателю на ее внутреннее присутствие:

Свирепствуй, грозный день!.. Да страшную
Промчится не в возврат невинных скорбь ^{грозую}
Да адские дела померкнут адской тьмою... ^{'и стон,}
И в бездну упадет железной злобы трон!

Написавший эти строки В. Ф. Раевский («Элегия II») уверял Следственную комиссию, что здесь речь идет о «злобе» осенних бурь, что это «элегия к осени». Однако символика ненастья, неустройства пробуждала политические ассоциации; а слова «невинных скорбь», «трон» были словесными «сигналами», указывающими на гражданский смысл стихотворения.

Важно отметить, что и без слова «трон» содержание приведенных строк также могло бы восприниматься как политическое, но тогда перед нами была бы аллегория. Аллегии в поэзии того времени были весьма распространены; по воспо-

минаниям современников, как аллегорическое изображение жажды политической свободы воспринимались два стиха Пушкина из «Братьев-разбойников»:

Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...»

Но не в аллегоричности заключался основной принцип стиля гражданской поэзии. Аллегория — это иносказание (в приведенных стихах Пушкина под словом «лес» понимали вольный мир). Наличие аллегии не объясняет основных принципов декабристского стиля.

Поэты-декабристы широко пользовались словами политического обихода, в первую очередь словами, уже освященными традицией гражданской оды XVIII века: «гражданин», «вольность», «трон», «царь», «отечество» и т. д. Следует помнить, что такие слова были «сигналами» не только политического, но и эстетического порядка. Они «сигнализировали» о принадлежности к заведомо поэтическому словарю, воссоздавая колорит торжественной поэзии XVIII века.

Однако в политической лирике декабристов намечалось и новое, по сравнению с гражданской одой классицизма, словоупотребление. В поэзию начинали проникать слова современных декабристам политических документов, лозунгов, программ.

В конце 1810-х годов П. А. Катенин написал революционный гимн на мотив революционной французской песни 1791 года:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! Лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас. . .

Здесь употреблено слово «деспотизм» — в то время специфический термин декабристского политического обихода. Подобные слова на равных правах с «высокими», «гражданственными» словами включались в поэтический словарь, обрастали эстетическими ассоциациями. Политические термины переставали быть только политическими терминами, приобретали отсвет поэтичности.

Заложенные в агитационной поэзии возможности художественной выразительности с колоссальной силой проявились в декабристских стихах Пушкина.

Владыки! Вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

(«Вольность»)

Эти стихи имеют программный политический смысл. Пушкин провозглашает здесь конституционные требования раннего декабризма. Однако слова «владыки», «венец», «трон» пробуждают

у читателя не только политические, но и эстетические эмоции, вводят его в мир торжественной поэтичности. Двукратным употреблением слова «выше» — этим приемом нагнетения, принадлежащим к специфически художественному построению речи, — придана эстетическая окраска слову «вечный». В общем контексте и слово «закон» — в особенности в словосочетании «вечный закон» — приобретает яркий поэтический колорит.

В системе декабристской гражданской поэзии слово отличалось известной отвлеченностью, суммарностью. По своей природе это был условный поэтический язык, принадлежащий в основном к сфере «избранной» лексики. Этой стилистической тональности подчинялись и слова нового политического обихода. Словоупотребление еще не было конкретным; оно носило общий, в значительной мере абстрактный характер. В стиле воплощалось мировоззрение — просветительское, рационалистическое понимание общества и человека.

В основе просветительства лежало представление о том, что истина, добро, красота, нравственность имеют некое вечное, общечеловеческое содержание. Отсюда — особая устремленность декабристов к понятиям и словам «всеобщим». Но огромную роль в декабристской поэзии играли так называемые применения. Слово «тиран» воссоздавало и некий обобщенный образ тирана, и — в первую очередь — тирана отечественного. «Рабство», «трон» — это были прежде всего современное русское рабство и современный русский трон.

Свобода, отчизна! священные слова!
Иль будете вечно вы звуком пустым?

Ф. Глинка в своих «Опытах двух трагических явлений» (1817) вложил эти слова в уста античного героя, но обращены они к современной России. В. Ф. Раевский на уроках правописания в полковской школе без всяких комментариев диктовал слова «свобода», «отечество», «тиран», «вольность», — это были декабристские слова-сигналы, пробуждавшие гражданское самосознание его учеников.

3

Революционно-просветительское мировоззрение декабристов определило их историческое место в литературе, определило характер того литературного направления, которое было ими создано. Это направление — революционный романтизм, проникнутый прежде всего агитационно-пропагандистским пафосом. Творчество декабристов являло собой своеобразную форму революционного романтизма — русский революционный романтизм эпохи стремительного подъема освободительного движения.

Каждый из поэтов-декабристов шел своим путем, однако общедекабристская группировка в литературе существовала и отличалась единством общих устремлений.

В 1819 году близкий тогда к декабристским кругам поэт и критик П. А. Вяземский писал:

«Провалитесь вы, классики, с классическими своими деспотизмами! Мир начинает узнавать, что не народы для царей, а цари для народов; пора и вам узнать, что не читатели для писателей, а писатели для читателей». В России первой половины 1820-х годов романтизм воспринимался преимущественно как «литературная революция», ниспровержение сковывающих инициативу художника формальных канонов, отказ от обязательных предписаний поэтики классицизма. Сходной трактовки романтизма придерживался Пушкин, понимавший романтизм прежде всего как свободу творчества, свободу от жанровых и иных обязательных норм. «Пишу пестрые строфы романтической поэмы» — так определял Пушкин «Евгения Онегина»; по той же причине он считал «Бориса Годунова» «истинно романтической» трагедией. Романтизм «покоряется одним законам природы и изящности, отвергая насильство постановлений условных», — еще раз подчеркивал Вяземский.

Не все литераторы-декабристы приняли участие в спорах о романтизме, но, в сущности, все наиболее значительные декабристские поэты первой половины 1820-х годов были затронуты романтическими веяниями.

Характерная особенность декабристского романтизма — сочетание в нем романтических принципов с элементами классицизма. Это не было эклектическим, механическим соединением разных методов. Декабристский романтизм — ранний революционный романтизм в России, сохранивший

связь с идеями Просвещения. Как уже говорилось выше, декабристы не отказались и от просветительского рационализма. Потому декабристская поэтика в значительной мере опиралась еще на наследие классицизма.

Создавая свою поэтическую систему, поэты декабристского круга обращались к тем явлениям искусства, которые были отмечены духом свободлюбия, серьезностью и «возвышенностью» содержания, гуманистическим и высоким пониманием человека, общественным пафосом, интересом к отечественному. Все эти отличительные черты были характерны для русского классицизма. Сама возможность объединения в декабристской литературе романтических тенденций с классицистическими во многом определена своеобразием русской литературы XVIII века.

Существеннейшей особенностью литературной программы декабристов — патриотов и революционеров — было требование национальной самобытности культуры и искусства, что вытекало из того присущего декабристской идеологии патриотического пафоса, о котором шла речь выше.

Еще в 1815—1816 годах Ф. Глинка выступил с патриотическими «Письмами русского офицера», в том же 1816 году появилось в печати его «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Ф. Глинка призывал русских писателей к созданию патриотического исторического повествования — «избранных мест истории нашей». В «Зеленой лампе» велась ра-

бота над «Словарем знаменитым людям Российского государства». Патриотической идеей было одушевлено творчество П. А. Катенина, выдающегося деятеля раннего декабризма.

В 1824 году В. К. Кюхельбекер развернул в издававшемся им совместно с В. Ф. Одоевским альманахе «Мнемозина» кампанию в защиту самобытности русской культуры и в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» провозгласил: «Да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первую державою во вселенной!» В той же статье Кюхельбекер писал: «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей поэзии».

Декабристы первыми выдвинули в России самый термин «народность». Но они еще не вкладывали в этот термин демократического содержания, трактуя народность как национальную специфику. И при такой трактовке они опирались прежде всего на традицию русской литературы XVIII века, где эта проблема уже была поставлена. Так, характерной особенностью русской классической трагедии, в отличие от французской, было обращение к темам национальной старины, понимаемой, правда, рационалистически-отвлеченно («Синав и Трувор» и «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова, «Рослав» и «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина и др.). Таким образом, новые романтические веяния вполне соответствовали принципам, выработавшимся у

декабристов еще на почве русского классицизма.

Классицизм в России и ранний романтизм сходились и в том, что проблема национальности, «народности» разрешалась только на материале исторического прошлого народа. Новизна же романтической народности состояла в воссоздании характерных, так сказать «индивидуальных», черт эпохи и народа. Этого не было в русской трагедии XVIII века, где безраздельно господствовало абстрактное понимание истории и где русский человек IX столетия ничем не отличался от русского человека XVII столетия.

Декабристы рассматривали прошлое как школу для настоящего; они особенно ценили героизм, проявленный русскими в борьбе с татарским нашествием, борьбу Украины с польской шляхтой, республиканские подвиги древнего Новгорода и Пскова. Эти эпохи прошлого и их деятели идеализировались в поэзии и драматургии декабристов. Не столь важным казалось проникновение в истинный смысл событий и воззрений прошлого, как использование его героических традиций в интересах настоящего. Подлинный историзм, то есть понимание объективного характера исторических закономерностей, не был еще доступен декабристам. Но патриотическая гордость, стремление подчеркнуть вольнолюбивые предания русского прошлого были сильной стороной декабристского подхода к истории, способствовавшей воспитанию революционного духа.

Программу историко-патриотической поэзии, по-

дымающей темы национальной старины, выдвинул В. Ф. Раевский и настойчиво ее пропагандировал в кишиневских беседах с Пушкиным и в произведениях, написанных в 1822 году в Тираспольской крепости («Певец в темнице», «К друзьям в Кишинев»). Из Тираспольской крепости В. Ф. Раевский обращался с призывом к Пушкину, высоко ценившему убеждения «первого декабриста»:

Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век златой,
Природы дикой и святой
И прав естественны уставы.

*(Вариант стихотворения
«К друзьям в Кишинев»)*

Пушкинские наброски поэмы и трагедии о Вадиме Новгородском (1821—1822) явились откликом на призывы Раевского. Но Пушкин уже шел иным путем и не стал продолжать начатое. Программу, намеченную Раевским, осуществил Рылеев.

В «Думах» Рылеева национальная старина использовалась как материал для гражданской проповеди. Примеру Рылеева последовал А. Бестужев в стихотворении «Михаил Тверской». В большинстве своем «Думы» были недостаточно историчны; поэтому Пушкин, стремившийся к новому, реалистическому пониманию истории, считал, что «национального, русского нет в них ничего». У Рылеева люди XIV века также, в сущности, ничем не отличались от людей XVIII века.

Таковы Димитрий Донской, Волынский, Державин (при этом, конечно, декабристская революционность была неизмеримо более глубокой, чем оппозиционность Княжнина; само содержание гражданской проповеди, влагаемой Рылеевым в уста героев прошлого, совсем иное, чем в вольнолюбивых тирадах XVIII века).

В более поздних «Думах» заметно уже характерное для романтизма стремление конкретизировать, исторически уточнить если не самый характер героя-трибуна, то обстановку, место действия, пейзаж («Иван Сусанин», «Ермак», «Петр Великий в Острогжске»). В поэмах Рылеева эта тенденция еще более ощутима. По сравнению с «Думами» здесь романтический колорит народности резко усилен; украинские нравы и природа воспринимались русским читателем в известной мере как некая экзотика, и Рылеев весьма тщательно воссоздает их специфический, «индивидуальный» облик («Войнаровский», «Исповедь Наливайки», «Палей»).

Объединение в декабристской поэзии традиций классицизма и романтизма было связано также со стремлением воплотить высокий героический идеал.

Классицизм привлекал декабристских поэтов напряженностью гражданских, общественных эмоций, узаконенным классической теорией преобладанием «высоких» тем и «высокого» стиля. Прямыми предшественниками декабристов были русские просветители конца XVIII — начала XIX века, в частности группа поэтов-радищевцев

(И. Пнин, В. Попугаев, И. Борн). Поэты-радищевцы придерживались гражданственной «высокости» классицизма, его торжественного ораторского тона. Таковы были оды И. Пнина «На смерть Радищева», «Человек», «витийственные» гражданские стихи Н. И. Гнедича и другие произведения этого стиля.

В литературной борьбе начала 1820-х годов декабристы выступили с программой серьезного искусства, подымающего значительные проблемы времени, не «унижающего» себя безделками и пустяками. «Серьезным» называл впоследствии стих Рылеева Герцен; в Петропавловской крепости А. Одоевский писал:

В темнице есть певец народный,
Но не поет для суеты. . .

(«Сон поэта»)

Один из пунктов «Законоположения» Союза благоденствия гласил: «Описание предмета или изображение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии». Так понятие серьезности смыкалось с понятием «высокости», и «высокость» становилась синонимом значительности содержания.

В. К. Кюхельбекер в программной статье «О направлении нашей поэзии» ратовал не только за высокие темы, но и за высокие жанры, защищал оду и нападал на элегию. Спор о жанрах был, в сущности, спором о содержании литературы.

Кюхельбекер, так же как Рылеев и А. Бестужев, обвинял в незначительности содержания школу Карамзина и Жуковского.

Со специфических позиций декабристского революционного романтизма декабристская критика расценивала и творчество Пушкина, когда начались его расхождения с идеологией и эстетикой декабризма. А. Бестужев и Рылеев, прочитав первую главу «Евгения Онегина», одобрили в ней лишь те места, где «мечта уносит поэта из прозы описываемого общества» (отзыв об «Евгении Онегине» в «Полярной звезде» на 1825 год), содержанием же главы в целом остались недовольны: «Для чего ж тебе из пушки стрелять в бабочку?» (письмо А. Бестужева Пушкину от 9 марта 1825 года). Простота пушкинского повествования была воспринята как незначительность, идейная бедность. Отметим попутно, что и в дальнейшем «Евгений Онегин» не снискал признания декабристов.

В прямолинейном понимании «высокости» проявлялись и романтические понятия о «возвышенном», о «мечте», и отзвуки эстетики классицизма, рационалистический подход к искусству. Именно по этой линии наметились творческие разногласия декабристов с Пушкиным, в 1824—1825 годах открывшим для русской литературы новый, реалистический метод, одной из важнейших сторон которого был принцип «высокой простоты».

К традициям классицизма вела декабристов просветительно-революционная трактовка «общего» и «личного». Поэзия должна была вклю-

*

читься в ту борьбу за общественного человека, которую страстно вели декабристы.

Защищая гражданскую оду, Кюхельбекер писал в упомянутой выше статье: «В оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в супостатов, блажит праведника, клянет изверга».

Спор со школой Жуковского шел о том, что должно быть главным содержанием поэзии: «общее» или «личное».

Отрицательное отношение к поэзии Жуковского сложилось не у всех декабристов одновременно; очень многие из них в начале своего творческого пути отдали дань элегической поэзии. Кюхельбекер еще в начале 1820-х годов преклонялся перед Жуковским; А. Бестужев в 1819 году именовал его «честью века и народа» и подражал ему; Жуковскому (а также Батюшкову) в течение нескольких лет после создания гражданской сатиры «К временщику» подражал в своих стихах и Рылеев. Но около 1824 года отрицательное отношение декабристов к Жуковскому стало единодушным. В 1824—1825 годах воззрения ведущих декабристов стремительно революционизировались. Сосредоточенность поэзии Жуковского на внутренней жизни стала восприниматься как эгоистическая ограниченность. Такое понимание не было справедливым, — Жуковский закладывал основы русской психологической лирики, и читатель нашего времени, в более чем столетней исторической

перспективе, хорошо это осознает. Но неприятие декабристами мечтателя — Жуковского было явлением закономерным в период подготовки ими революционного переворота.

На революционно-просветительской основе строился программный образ декабристского поэта и — шире — положительного героя, рупора авторских идеалов, превыше всего ставящего общественное благо, обличителя «тиранства» и эгоистических «страстей». Истинный поэт понимался как трибун, глашатай правды, бич деспотизма. При всех творческих различиях, в этом был смысл поэтической проповеди Рылеева, Ф. Глинки, Кюхельбекера, В. Раевского; после 14 декабря — А. Одоевского.

В. Раевский в стихотворении «К друзьям в Кишинев» обращался с призывом к Пушкину:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать.

Декабристам импонировал широко представленный в гражданственной русской поэзии XVIII века образ библейского поэта-пророка, воссозданный позднее и Пушкиным в стихотворении «Пророк». Этот образ проходит через лирику Кюхельбекера

и Ф. Глинки, занимает значительное место в поэзии Грибоедова («Давид»).

Вместе с тем в литературе декабризма отразилось и новое, романтическое понимание личности. Новизна романтического героя заключалась прежде всего в том, что это был современный характер, «герой времени», с его современной психологией, а не проекция современных идеалов в абстрактную сферу «всеобщего».

Романтический характер открыл для передовой русской литературы Пушкин, в своих «южных» поэмах впервые поставивший проблему «героя времени», создавший образ романтической, «байронической» личности — свободолюбивой и вместе с тем затронутой разочарованием. При этом Пушкин, конечно, исходил из романтической трактовки личности, выдвинутой первым революционным романтиком в европейской литературе — Байроном.

Декабристскому поколению в Байроне был близок пронизывающий его поэзию дух протеста, ее мятежный герой. «Краски его романтизма часто сливаются с красками политическими», — писал о Байроне Вяземский.

Но Пушкин и декабристы создали самобытный, специфически декабристский вариант романтического героя. «Мировая скорбь» и «демонизм» байроновского героя (речь идет прежде всего о героях «Восточных поэм»), выражавшие трагическое положение личности в мире победившей реакции, были чужды русскому революционному романтизму, развивавшемуся в условиях подъема освободительного движения.

В отличие от героев Байрона, разочарование пушкинских героев не носило характера «мировой скорби»; оно было скорее общественным недобольством, чем разочарованием в прямом смысле слова. Недаром о Пленнике в поэме «Кавказский пленник» говорилось:

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в пустынном мире...
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

«Южные» поэмы Пушкина раскрыли перед декабристской литературой новые возможности творчества. В лирике за Пушкиным последовали Кюхельбекер и А. Бестужев, в поэмах — Рылеев, создавший, однако, совершенно особый тип революционно-романтической поэмы. Отчетливее, чем в «Думах», в поэмах была романтизирована и обстановка действия, и образ центрального героя. Героям поэм Рылеева в известной мере свойственна романтическая разочарованность, ореол таинственности, особенно ощутимый в поэме «Войнаровский»; в их духовной жизни усилено эмоциональное начало, не противостоящее уже, как в классицизме, «долгу» (тема любви в «Войнаровском»). Однако и в своих поэмах Рылеев не порвал с принципом, разрабо-

танном в «Думах». Разочарование рылеевских героев сведено к минимуму, а их свободолюбие сохранило формы активного тираноборчества идеальных гражданственных героев декабристской поэзии. Войнаровский и другие программные герои поэм Рылеева — вожди народных масс, борцы с деспотизмом за «благо общее».

Характерно и то, что нового героя, с его современным «романтическим» типом сознания, героизмом, психологической конкретностью переживаний, Рылеев поместил в рамку исторического сюжета и уже как бы опосредствованно, через историю, снова отнес к современности.

В целом в декабристской литературе первой половины 1820-х годов еще не сложились окончательно эстетические представления романтизма. Это сказывалось прежде всего в лирике — в отсутствии особого интереса к психологизму, к «внутренней» жизни, в понимании личной лирики как лирики «эгоистической». К философским романтическим теориям (в особенности к немецким) декабристы были довольно равнодушны. Интерес к философским концепциям романтизма возник лишь в организованном незадолго до 14 декабря обществе «любомудров». В поэзии «любомудров», в частности у Д. В. Веневитинова, впервые возник и образ романтического поэта — провидца тайн природы и «сердца».

Черты героико-романтического мирозерцания проявились в написанном еще в 1823 году (единственном дошедшем до нас) стихотворении

С. И. Муравьева-Апостола, одного из вождей южной группировки декабристов. В 1826 году, в Петропавловской крепости, стихотворение это, написанное по-французски, было переведено на русский язык оставшимся неизвестным поэтом-декабристом:

Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем;
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Познает мир, кого лишился он.

Но в первой половине 1820-х годов это романтическое самораскрытие было еще явлением исключительным. Оно приобрело новый мощный импульс после 14 декабря.

После крушения революционного движения декабристов в декабристской поэзии не могли не произойти существеннейшие сдвиги идейного и творческого порядка. Усилилось самоуглубление в лирике; надо было осознать происшедшую трагедию и исторически, и психологически; найти художественные формы для ее воплощения. Рылеев, крупнейший из декабристских поэтов, погиб. Перед гибелью им были написаны стихи, свидетельствующие не только о громадном потрясении, им пережитом, не только о большом таланте Рылеева, развитие которого было тра-

гически оборвано, но и о возможности создания им новых поэтических средств:

И кровь и плоть преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать.
Но тщетный страх не должен вас тревожить;
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять,
И этим зла вам причинить не может.

(«Князю Е. П. Оболенскому»)

Заключительные три стиха стилистически адекватны прежней «гражданской», агитационной поэзии Рылеева. Но в первых четырех найдены такие словесные средства для воссоздания переживаний потрясенной души, которые не были доступны прежней декабристской поэзии, чуждавшейся психологического самораскрытия.

В последекабрьской поэзии Кюхельбекера, А. Одоевского, В. Раевского, А. Бестужева, Чиждова, Барятинского («Тюремные стансы»), в замечательной «исповеди» узника — «Одичалом» Батенькова — личностный элемент резко усилен. Общая тенденция — психологизация лирики, интерес к личному, и при этом — общественное осмысление личного. Грань между «частным» и «гражданским», проводившаяся в агитационной поэзии, была снята. По-новому поэты-декабристы обращаются к элегической форме, насыщая ее содержанием личным и в то же время гражданственным: трагизм судьбы борцов за обнов-

ление России осмыслен как проявление общей исторической трагедии родины, придавленной деспотизмом.

Пути последекабрьской поэзии поэтов-декабристов во многом совпадают с путем Лермонтова. Это был новый этап развития русского революционного романтизма. Связь Лермонтова с наследием декабризма общеизвестна; это наследие Лермонтов принял в тяжелых условиях политической реакции; родственные настроения и идеи питали его раннюю лирику и «позднюю» лирику декабристов.

Литературная деятельность декабристов в Сибири не только не прекратилась, но отличалась интенсивностью и разносторонностью. Этому способствовала совместная жизнь в Чите и Петровском заводе. Декабристы создали «каторжную академию», где литература заняла почетное место. В конце 1820-х годов заключенные в Читинском остроге декабристы намеревались издать альманах «Зарница», название которого должно было напомнить о «Полярной звезде».

Творчество декабристов стало более разнообразным, широко охватывая явления прошлого и настоящего. Формировалась психологическая лирика; в новых условиях продолжала развиваться «гражданская» патриотическая и сатирическая поэзия; наряду с по-прежнему привлекавшими декабристов темами русской старины большое место в их творчестве заняла тема Сибири. М. Бестужев с увлечением собирал якутские сказки, занимался этнографическим

изучением якутов; еще важнее, что заинтересовавший декабристов якутский фольклор вошел в их поэтическое творчество (баллады А. Бестужева, Чиждова).

Не только поэзия, но и поздняя художественная, а также публицистическая проза декабристов (очень значительная по объему) представляет и по богатству содержания, и с эстетической стороны огромный интерес. Таковы рассказы Н. Бестужева, политические памфлеты Лунина, мемуары и записки братьев Бестужевых, Лорера, Горбачевского и многих других. Разумеется, произведения декабристов периода каторги и ссылки не могли иметь такого широкого распространения среди современников, как их творчество до 14 декабря. Но многое доходило до читателя: легальным путем — проза Бестужева-Марлинского; нелегальным — стихи Одоевского, памфлеты Лунина. В бесчисленных списках продолжали ходить по рукам произведения агитационной поэзии Рылеева.

4

При всем единстве общего направления и судеб декабристской поэзии, в ней не было единообразия; каждый из поэтов-декабристов находил собственные решения общих задач. В пределах декабристской литературы существовали важные различия между творческими индивидуальностями. Нельзя не учитывать и разно-

временность прихода в литературу отдельных писателей-декабристов, и наличие среди них разных группировок.

Во второй половине 1810-х годов сложилась группа П. А. Катенина и А. С. Грибоедова. В нее входили также А. А. Жандр и Н. А. Бахтин (последний не участвовал в движении декабристов); в 1821—1822 годах к ней примкнул В. К. Кюхельбекер. Для этой группы был характерен повышенный интерес к поэзии классицизма, предпочтение высоких тем и жанров, обращение к античной и восточной тематике («Андромаха» Катенина и его переводы трагедий Корнеля и Расина, «Давид» Грибоедова и др.). Наряду с витийственным стилем трагедий и поэм, где широко применялись архаизмы, церковнославянизмы, поэты данной группы разрабатывали так называемый простонародный стиль (его образец — баллады Катенина). Еще с 1816 года Катенин и Грибоедов вступили на путь резкой полемики со школой Жуковского.

Иные тенденции характерны для декабристских поэтов, группировавшихся в 1823—1825 годах вокруг «Полярной звезды» (Рылеев, А. Бестужев, юный А. Одоевский). Рылеев и А. Бестужев создавали массовую литературу революционного романтизма. Они избегали понятной лишь ценителям, по-своему изысканной архаики, а также «простонародной» грубости языка (тем не менее свои сатирические, агитационные песни Рылеев и А. Бестужев писали в «простонародном» духе). В целом рылеевская группа

не порывала с карамзинистской литературной культурой. В поэтическом творчестве Рылеева и его единомышленников отчетливо сказывалась проблематика романтизма.

Разумеется, индивидуальное художественное творчество каждого значительного поэта было шире и сложнее принципов его литературной группировки. Так, А. С. Грибоедов в «Горе от ума» закладывал основы русской реалистической драматургии, а вместе с тем его комедия выросла из просветительского понимания общества и человека и тесно связана с наследием классицизма. Особое место в декабристской поэзии занимает Н. И. Гнедич, близкий катенинской группе своим интересом к античности, но в то же время строго соблюдавший принципы изящной простоты языка. Своеобразным явлением в поэзии декабристов был Ф. Н. Глинка, сочетавший торжественную архаичность образов и стиля с элегическим лиризмом. Одним из наиболее значительных и сложных явлений декабристской поэзии было творчество Рылеева.

Из поэтов, представленных в настоящем сборнике, к рылеевской группе принадлежал А. А. Бестужев; в известной мере к ней тяготел П. И. Колошин.

Творчество А. Бестужева — яркий пример декабристского революционного романтизма. В центре внимания Бестужева, талантливого критика, прозаика и поэта, всегда стояли проблемы народности и личности.

Бестужев как поэт был склонен к субъективно-лирической манере. В его ранней поэзии сильна элегическая струя. Но в отличие от Жуковского и Карамзина, которыми А. Бестужев в течение долгого времени увлекался, в своем творчестве он весьма смело касался гражданских тем, нападал на общественные пороки и даже на власть. Его «Подражание первой сатире Буало» (1819) было запрещено цензурой и не печаталось при жизни автора.

В 1824—1825 годах взгляды Бестужева, как и Рылеева, стремительно развивались в революционном направлении. В его критических статьях выдвинулась на первый план пропаганда самобытности, гражданской активности, общественной заостренности литературы; большое место заняла критика Жуковского. Вместе с Рылевым Бестужев был создателем смелых агитационных песен. Находясь в переписке с Пушкиным, он всячески склонял ссыльного поэта к гражданственной поэзии; его письма к Пушкину представляют собой характернейшие образцы декабристской критической мысли. С большим увлечением Бестужев разрабатывал историко-патриотическую тему. Интересной попыткой следовать примеру рылеевских «Дум» является его стихотворение «Михаил Тверской». Здесь также на первом плане — обращенная к современникам гражданская проповедь; введена и сделана центральной отсутствующая у Карамзина в «Истории государства Российского» тема мести тирану.

В крепости, в 1827 году, Бестужевым были

написаны две песни поэмы «Андрей, князь Переяславский». Сильнее, чем у Рылеева, в «Андрее, князе Переяславском» звучат лирические мотивы; это определялось теми изменениями в последекабрьской поэзии декабристов, о которых уже шла речь. Гораздо шире дан у Бестужева исторический фон, тщательнее выписаны исторические и этнографические детали (боярский дом, обычаи предков, одежда и нравы половцев). Но в целом поэма Бестужева близка рылеевским поэмам. Бестужев придает своему герою программные черты мудрого и справедливого правителя-патриота; в уста героя вложены декабристские монологи об «общественном благе».

Поэтическое дарование Бестужева развернулось в Сибири и на Кавказе. Он черпал вдохновение в якутских легендах («Саатырь»), в картинах величественной природы («Шебутуй, водопад Станового хребта»). Лирическому герою его стихов свойственны свободолюбие, патриотизм, гордость участью изгнанника. Бестужев поэтизирует необычность, исключительность своего характера и своей судьбы. Трагизм его поэзии, выражавшей настроения последекабрьской эпохи, свойственные его стихам мотивы одиночества и горечи — близки раннему лермонтовскому романтизму. В некоторых случаях Бестужев намечает образы, близкие и зрелому Лермонтову. Таково стихотворение «К облаку» (1829), своей тематикой, своим скорбно-лирическим тоном напоминающее «Тучи» Лермонтова (1840):

Блести, лети на ветерке
Подобно нашей доле —
И я погибну вдалеке
От родины и воли!

Еще более отчетлива «лермонтовская» интонация следующего стихотворения Бестужева (1834):

Я за морем синим, за синею далью
Сердце свое схоронил.
Я тоской о былом, ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимую сталью,
Грудь от людей заградил.

И крепок мой сон. Не разбит, не расколот
Щит мой...

Здесь «лермонтовское», романтическое воплощение темы одиночества. «Не разбит, не расколот щит мой...» — образ, очень близкий лирике Лермонтова («Щит мой от стрел и меча заколдован...» — стихотворение 1840 года «Пленный рыцарь»). Стихом из поэмы Бестужева «Андрей, князь Переяславский» Лермонтов начал свой знаменитый «Парус» («Белеет парус одинокий...»).

Как уже говорилось, лирический субъективизм, в сочетании с героическим мироощущением, лежит в самой основе последекабрьской романтической поэзии, наследницы декабристского романтизма.

Поэзия П. И. Колошина и особенно Н. А. Чижова близка по манере к бестужевской, причем Колошин (сохранившиеся его произведения относятся к первой половине 1820-х годов) как бы дополняет раннего Бестужева, Чижов — Бестужева 1830-х годов.

Послание Колошина «К артельным друзьям» (1817) проникнуто вольнолюбивыми настроениями, патриотизмом. При этом Колошин чуждается одической «витийственности»; его произведение — дружеское послание. Интимно-непринужденный тон сближает стиль «Послания к артельным друзьям» с традицией карамзинистской поэзии. Несомненно влияние на Колошина поэзии Жуковского.

Друзья! Вот стон души моей
Скорбящей, одинокой!
Мечта золотая ранних дней
Еще от нас далеко.
Еще в тумане скрыта цель
Возлюбленных желаний.

«Мечта золотая» у Колошина — иная, чем у элегических поэтов. Это мечта о политическом обновлении России, и такова же «цель» его «возлюбленных желаний». Но, характерно, Колошин заимствует и лексику, и общую интонацию, и даже размер и строфику Жуковского (можно напомнить, в частности, «Двенадцать спящих дев»).

В наибольшей степени Колошиным использо-

ван «Певец во стане русских воинов» с его принципом лирического раскрытия патриотической темы:

Сплетенные рука с рукой,
На путь мы ступим жизни
И пылкой полетим душой
Ко счастью отчизны.
И кто возможет положить
Преграды нам в полете?
Кто для отчизны хочет жить,
Тот выше бедствий в свете.

Любопытны отдельные совпадения «Послания» с посланием «К Чаадаеву» Пушкина (например: «Но час пробьет, услышим мы Отчизны призыванья» и пушкинское «Отчизны внемлем призыванье»). Однако поэтический строй обоих посланий совершенно различен: в послании Пушкина нет даже намек на элегический стиль.

С традицией дружеских посланий связано и второе из печатаемых в настоящем сборнике стихотворений Колошина — «Пароход»:

Где ж ты, любезный краснобай,
Знакомец предков, К<орнилови>ч?
Скорее в лодку — приезжай!

.

Обрадуй, запасись старинкой;
Тебе недалеко ходить!

В том же 1824 году, когда это стихотворение было опубликовано, Кюхельбекер с иронией

писал о карамзинистских дружеских посланиях: «Трудно не скучать, когда Иван и Сидор... в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что, слава богу! здоровы и страх как жалеют, что так давно не видались» («О направлении нашей поэзии»). Слабые стороны дружеских посланий — камерность, многословие, загруженность деталями — в стихотворении «Пароход» преодолены, но воспринят важный принцип карамзинистской литературы: «писать, как говорят, и говорить, как пишут». Удача Колошина в том, что он сумел передать героическое содержание сильным, серьезным и вместе с тем разговорно-непринужденным слогом:

Здесь всё для твоего пера
И пища, и воспоминанье:
Здесь каждый камень есть созданье
И прочный памятник Петра.

Можно предположить, что «Пароход» привлек внимание Пушкина, читавшего журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», в котором стихотворение было опубликовано. Во вступлении к «Медному Всаднику» и в стихотворении Колошина есть сходные мотивы — разумеется, у Пушкина развитые с неизмеримо большей глубиной философской и исторической мысли.

Что касается поэзии Н. А. Чижова, то наиболее интересны стихотворения, созданные им

в Сибири, хотя он писал стихи и до восстания 14 декабря. Подобно последекабрьской лирике Бестужева, в стихах Чижова преобладает субъективно-лирическая тематика. Одно из лучших лирических стихотворений Чижова — «Журавли». Совершенно независимо и от Бестужева, и от молодого Лермонтова («Журавли» написаны в 1828 году) Чижов создает родственный им образ поэта-изгнанника, в своем одиночестве особенно интенсивно и глубоко ощущающего как свою близость к природе, так и разобщенность с ней:

Свободны вы, как ветер непостоянный,
Как лоно зыбкое морей,
Как мысль, летящая к стране желанной, —
Вы чужды участи моей.

Но, в отличие от Бестужева и тем более от Лермонтова, Чижов сильно тяготеет к условно-элегической манере. Она ощущается и в «Журавлях», и особенно в стихотворениях «К...» и «Вздых».

Значительное место в поэзии Чижова занимают сибирские темы, мотивы якутского фольклора. В балладах «Нуча», «Воздушная дева», как и в «Саатыри» Бестужева, намечен новый тип романтической баллады. Здесь необычность сюжета, экзотическая окраска являются не произволом фантазии романтика-поэта, но обусловлены национальной экзотикой самих якутских легенд.

Крупным и своеобразным декабристским поэ-

том был В. Ф. Раевский. Писать стихи Раевский начал с 1812 года. В течение долгого времени в его творчестве сказывались навыки традиционной элегической («легкой») поэзии, с ее условными темами любви, покоя и наслаждений. Однако в лучших из его ранних стихов («Глас правды», «Сатира на нравы», послания Н. С. Ахматову и П. Г. Приклонскому) как основная тенденция проступает патриотическая мысль. Традиционная тема легкой поэзии — разочарование в «суетном свете» — предстает как осуждение «низкой лести» и «знатных гордецов». Раевский в своей ранней поэзии сочетал мотивы дружеских посланий и элегий карамзинистской лирики с высокой гражданской одой Державина. В элегиях Раевского речь шла о величии человека, его колоссальных возможностях («могущество ума, дух сильный, дар свободы»), о противоестественности деспотизма, сковывающего человека «рабства цепью» («Элегия II»).

Стремление к серьезности, значительности содержания определяло особенности стиля молодого Раевского. В одном из своих лучших ранних стихотворений — послании «Г. С. Батенькову» — Раевский оригинально использовал научные термины и имена ученых, преобразовал их в поэтические образы, характеризующие своеобразный духовный мир его друга, будущего декабриста:

Те ж мысли правоты, размер во всех делах,
И поступь, сродная закону протяжений,

В объятиях кормилицы твоей
Ты различал неволю от свободы...
И небо ясное любил...

*(«Когда ты был младенцем
в колыбели...»)*

Наблюдение, анализ человеческого поведения вытесняли в зрелой поэзии Раевского ранее свойственный ему дидактизм. Но ораторскую манеру и черты учительности в стихах Раевский сохранил навсегда. Для его стихотворений характерен тон беседы, объяснения, спора, в них всегда намечен образ слушателя — или слушателей — его поэтических монологов. «Разговорность» зрелого стиха Раевского — черта, в некоторой степени родственная Некрасову.

С поэзией раннего Раевского можно сопоставить поэзию друга его юности Г. С. Батенькова. Но связь с классицизмом у Батенькова гораздо сильнее; его вкусы всегда были более архаичны. Даже в 1850-х годах его продолжала привлекать затрудненная, «витийственная» поэзия классического стиля.

Основная тема поэзии Батенькова — прославление России. Его образцами были оды Державина и, в еще большей мере, оды Ломоносова, с их громоздким синтаксисом, причудливой системой олицетворений и аллегорий.

В своем крупнейшем произведении — «Тюремной песни» — Батеньков восторженно славит беспредельность природных и духовных богатств России, с пафосом предрекает России невидан-

ный культурный и технический прогресс. Поэма изобилует образами в чисто ломоносовском духе:

Урал под золотом прогнется,
В алмазах Волга разольется,
Зев Дона жемчугá запрут.

«Тюремная песнь» Батенькова — произведение очень неровное, негладкое и в композиционном, и в языковом отношении. Это объясняется непрофессиональностью Батенькова как поэта, а также перенапряженностью его психического состояния в пору создания «Тюремной песни». Смысловая и стилистическая затрудненность выражается, с одной стороны, в крайностях ломоносовского «парения», с другой стороны — в страстности мистически окрашенных философских и религиозных построений. В патетический монолог изредка врываются лирически простые, исполненные трагизма мотивы:

Что день, в лишениях тужа,
Осиротевшая душа
Отчается во мраке дум.

Лучшее из написанного Батеньковым — созданное в 1827 году в крепости Свартгольм стихотворение «Одичалый». Среди других произведений Батенькова оно стоит особняком. Его отличительные черты — простота и при этом величайшая напряженность.

В «Одичалом» звук, ритм, значения слов использованы в их максимальных выразительных возможностях. Изображая одиночное заключение как предельную степень неволи, поэт уподобляет его противоестественной смерти заживо и с обостренной точностью обнажает контраст между свободой и заточением, жизнью и смертью, собой и другими. Эти «другие» — все вольное и живое, от забывших поэта друзей до ничтожных тварей:

Шмели покоятся в дупле,
Червяк в пыли по воле гнется —
И им не тесно на земле:
Им солнце светит, воздух льется,
Им — всё! . .

В стиле «Одичалого» нет элементов поэтической условности. Свобода, движение, жизнь червяка фиксируются, в сущности, лишь скупым «по воле гнется»

Один только раз поэт прибег к обычным формулам элегической поэзии — и сразу отбросил этот стиль, как бы перешел на другой поэтический язык. И сам контраст между изящными условностями и языком подлинного страдания и гнева производит сильнейший эффект:

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
И дышат ли зефиры в поле?

...Не верю. Всѣ переменялось:
Земля вращается, стена,
И солнце красное сокрылось...
Но, может быть, лишь для меня!

Страшная реальность изображаемого в «Одичалом» предельно обнажена:

Кукушка стонет, змей шипит,
Сова качается на ели,
И кожей нетопырь шумит —
Вот песнь кругом сырой постели.
Песок несется, ил трясется,
Выходит пар из мокроты,
И ржавый мох в болото ткется —
Вот мне приветные цветы!

Здесь сова и нетопырь — не условно-литературные атрибуты романтической баллады или элегии; реальность этих мрачных свидетелей смерти воплощена в своеобразном и точном «и кожей нетопырь шумит». С помощью неожиданной внутренней рифмы — «песок несется, ил трясется» — достигается впечатление сосредоточенности и напряжения. Той же цели служит единообразие рифмующихся слогов и плеоназмы («в тюрьме тюрьму» и т. д.) в следующих стихах:

И там уму
В тюрьме тюрьму
Еще придумалось устроить...

Легко ему
Во мраке — тьму,
В теснине — тесноту удвоить!

С большой психологической выразительностью в «Одичалом» передан поток сознания, где воедино сплетены жалоба и гражданский гнев, отчаяние и «гордое терпенье».

«Одичалый» — потрясающий человеческий и поэтический документ; по силе выраженного в нем чувства его можно сравнить с лучшими образцами психологической лирики первой трети XIX века.

Особое место среди других поэтов-декабристов занимает А. П. Бярятинский. Будучи поклонником классической французской поэзии, он и сам писал стихи по-французски. В 1824 году в Москве вышел сборник его французских стихов «*Quelques heures de loisir à Toulchin*» («Часы досуга в Тульчине»). В сборник вошло 14 стихотворений; среди них изящные послания в духе легкой французской поэзии, перевод на французский язык отрывков из трагедий В. А. Озерова «Фингал» и «Поликсена», стихотворное переложение отрывка из романа Шатобриана «Начезы» (об индейцах Северной Америки) и др.

Наиболее значительные произведения Бярятинского — дошедшая до нас в виде черновых набросков поэма о боге (1825) и созданные в Петропавловской крепости «*Stances dans un cachot*» («Тюремные стансы», 1826).

Поэма Бярятинского написана в традиции атеистической поэзии XVIII века, но при этом

Барятинский более непримирим и категоричен в своем отрицании бога:

Венчанный молнией, грозящий свыше нам,
Горячей крови ты вдыхаешь фимиам,
И всюду и всегда, творя тебе молитвы,
Вступают племена в неистовые битвы.
Ты сам источник зла: святилища твои
Багрят закланых жертв кровавые струи.
... Торжественная ночь, возжегшая светила,
Твое величие глазам моим явила,
Но пташки, схваченной зверьком, внезапный
крик,
Как жало острое, до сердца мне проник.
Жестокость злобного и хищного творенья
Опровергает ложь о мудром провиденьи.
Престол его давно уже разбить пора.
В добре он немощен иль мощен без добра.
Познай историю и естества уставы —
И скажешь наконец, что для его же славы,
Коль волею его мир обречен страдать, —
И был бы бог, его должны мы отрицать!

(Перевод Б. В. Томашевского)

В последнем стихе — полемика со знаменитым афоризмом Вольтера: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать».

«Тюремные стансы» написаны в совсем ином стиле; это лирико-философская (медитативная) элегия. По-другому, чем в «Одичалом», с подчеркнутой поэтичностью и лиризмом, но с той же глубиной и страстью воссозданы переживания узника:

За бренной земной суетою,
За дальней чертой мирозданья
Что значит веселье земное,
Что значит земное страданье?
Холодное небо надменно
Глядит на людское смятенье:
Смеется оно неизменно
Тщете наших слез и волненья.
...Прижавшись к решетке холодной,
Я слышу, смятения полный,
Как мчатся легко и свободно
Вперед невозвратные волны.
Вот так и судьба моя дивно
Уносится в вечность покоя,
Но жизни моей непрерывно
Стремление грозное!
...О волны! К чему укоризны?
Зачем я пою о страданьи?
К ногам угнетенной Отчизны
Мое отнесите дыханье...

(Перевод М. В. Нечкиной)

Созданные в одиночном заключении, «Тюремные стансы» сохранились в позднейшей записи декабриста Н. И. Лорера, воспроизведшего их по памяти.

Остальные авторы, представленные в сборнике, не были поэтами в прямом смысле слова. Тем не менее публикуемые стихотворения представляют большой интерес и свидетельствуют о разносторонней одаренности их авторов — выдающихся деятелей движения декабристов.

Воздействие декабристской идеологии и декабристской поэзии стало мощным стимулом в развитии передовой русской общественной мысли и передового искусства XIX века. Декабристы заслужили себе вечную память и в политической истории России, и в истории русской литературы. Разбуженные общенародным подъемом 1812 года, сами они «разбудили Герцена» (Ленин).

Характерно, что в «Былом и думах», значительнейшем произведении Герцена-революционера и Герцена-художника, использован опыт мемуарной прозы декабристов — публицистичной, политически заостренной (Герцену были известны воспоминания Н. А. и М. А. Бестужевых, И. И. Пущина, И. Д. Якушкина, С. Г. Трубецкого и др.).

Русская поэзия XIX века также развивалась под сильнейшим влиянием поэзии декабристов.

В лирику Лермонтова и его предшественника А. И. Полежаева глубоко вошла сама тема трагической судьбы декабристов; эта тема определила в их стихах образ поэта, обреченного на гибель:

Не розы светлого Пафоса,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине, —
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезилась во сне.

(Полежаев. «Осужденный»)

Юный Лермонтов писал:

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать...

.

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом...

(«1831-го июня 11 дня»)

Однако, как и у самих декабристов, у тех, кто были их непосредственными продолжателями, трагические мотивы отнюдь не исчерпывают содержания поэзии. После Полежаева и Лермонтова продолжателем декабристов явился соратник Герцена Огарев. Тема деятельности и судеб декабристов вошла в творчество Некрасова («Русские женщины», «Дедушка»). Некрасов развил и декабристскую традицию прямого, страстного, агитационного поэтического слова.

В истории новой русской литературы декабристы положили начало вольнолюбивой поэзии, и их наследниками были все те, кто подымал свой голос против деспотизма. Революционность и гуманизм писателей-декабристов, героический пафос гражданской доблести, непримиримость к общественному злу сделали их поэзию живым достоянием последующих поколений.

И. Семенко

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Владимир Федосеевич Раевский родился в 1795 году. Учился сначала в Благородном пансионе при Московском университете, затем — в Дворянском полку при Втором кадетском корпусе в Петербурге. Здесь он сблизился с Г. С. Батеньковым; тесная дружба, основанная на единомыслии, связывала их в течение всей жизни. По выходе из корпуса Раевский участвовал в Отечественной войне 1812 года; за храбрость, проявленную в Бородинском сражении, был награжден золотым оружием.

Вернувшись из заграничных походов, Раевский в 1816 году вышел в отставку, тяготясь аракчеевскими порядками в армии. В 1817—1818 годах он отказался от свойственных ему прежде монархических иллюзий. Снова поступив в 1818 году на военную службу, он получил назначение во Вторую (Южную) армию, находившуюся в Бессарабии, — в 16-ю дивизию, командиром которой вскоре был назначен декабрист М. Ф. Орлов.

В 1820 году в Кишиневе Раевский вступил в Союз благоденствия и стал одним из руководителей бессарабской группы декабристов. В организованной членами Союза благоденствия при 16-й дивизии ланкастерской школе он преподавал литературу, историю, географию и исполь-

зовал уроки для политического просвещения солдат.

Трактуя поэзию как мощное средство гражданского воспитания, Раевский работал над курсом «Поэзии» для дивизионной школы. В начале 1820-х годов им были созданы замечательные образцы декабристской публицистики — «О рабстве крестьян», «О солдате», распространявшиеся, по-видимому, не только среди офицеров, но и среди солдат.

Революционная настроенность, обаяние образованности и ума, принципиальность Раевского привлекли к нему Пушкина. Отчасти под воздействием Раевского складывались вольнолюбивые взгляды молодого Пушкина на историю.

6 февраля 1822 года Раевский был арестован по обвинению в революционной агитации среди солдат и юнкеров и заключен в Тираспольскую крепость. Поведение его на следствии было образцом мужества, хладнокровия, находчивости. Ранее других декабристов испытавший участь узника, Раевский под именем «первого декабриста» вошел в историю русского освободительного движения. В Тираспольской крепости написаны программные поэтические произведения Раевского — «Певец в темнице» и «К друзьям в Кишинев».

В 1823 году Раевского приговорили к смертной казни, но затем приговор отменили. После восстания 14 декабря он был привезен в Петербург и привлечен к следствию по делу декабристов; но и здесь сломить его волю не удалось.

Еще два года Раевский провел в одиночном заключении в крепостях (Петропавловской и польской крепости Замостье), после чего был отправлен в Сибирь, в село Олонки близ Иркутска, где прожил свыше сорока лет — сначала на положении ссыльного поселенца, затем — государственного крестьянина.

Раевский активно участвовал в общественно-политической жизни Восточной Сибири, энергично занимался хозяйственной деятельностью: огородничеством, подрядами, торговлей хлебом. Хозяйственные заботы часто и надолго отвлекали Раевского от поэтических занятий, но то небольшое, что им было создано в Сибири, принадлежит к лучшим его произведениям («Дума», «Предсмертная дума» и др.).

В 1829 году Раевский женился на крестьянке села Олонки. После амнистии 1856 года он не пожелал покинуть Сибирь, считая ее краем, менее испорченным деспотизмом, чем Европейская Россия.

Умер Раевский в 1872 году. В Олонках долго жила о нем память как о человеке, много сделавшем для крестьян. Здесь он создал первую постоянную сельскую школу. В его доме, сохранившемся доныне, помещается школа его имени.

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенья
Тому, кто дышит лишь войной!..
Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пуškai с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец вождь прострет рукою
И скажет: «Там упорный враг!»
Рассеем громы пред собою,
И исполин стоглавый — в прах!..

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огонь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок,
Узреть поля опустошенны,
Праx мирных сел и городов,
И небо, заревом возженно,

И вокруг — изрытый ряд гробов,
А пред собой — перуны мести
И твердокаменную грудь
С хоругвью: *«Смерть на поле чести, —
Или свершим опасный труд»*.
Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?

Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Неразлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лиют.
Постыдной доле их — презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам отчизны взор — награда
И милых по сердцу привет;
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам воспещет свет!..

Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,
И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникший слухом

К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел молодой,
Взлетит искать добычи бранной
Вослед испытанным вождям...
О други! близок час желанный
И близок грозный час врагам, —
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,
Дух мести — наше божество!

Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.
И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Грядут!.. с победными громами
И взором ищут стан врагов...
К мечам!.. Там ждет нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огонь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: *«Пасть — иль победить!»*

Между 1812 и 1821

ПЛАЧ НЕГРА

Задумчив, устремя к луне унылы очи,
Несчастный сын степей под пальмою родной
Стоял недвижимо в часы глубокой ночи,
И пращ его, и лук с губительной стрелой
Разбросаны. И конь, товарищ бурной битвы,
По шелковой траве медлительно бродил.
И пес — сей верный страж, сей быстрый
сын ловитвы —
Лежал и лай ночной с боязнью притаил.
И мрак и тишина полуночной природы
Питали мысль его отчаянной мечтой.
И он — сей белых бич, сей гордый сын
свободы —
Ланиты оросил горячею слезой!

«Нет радости в мире, нет Зоры со мною!
Я видел ветрила вдали кораблей,
Несущих добычу драгую стрелою
Далеко от милых отчизны полей!
Ах! мог ли провидеть отмщение рока?
Сегодня, зарею, колено склоня
Пред ярким сияньем светила востока,
Я чувствовал благодать небесна огня!

От братьев веселых чрез дебри и горы
Помчался я к милым родным шалашам,
Ласкаясь мечтою в объятиях Зоры
И в ласках младенца дать отдых трудам!»

Между 1812 и 1821

ГЛАС ПРАВДЫ

Сатурн губительной рукою
Изгладит зданья городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покроет тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать:
Где царства падшие искать
Среди рассеянных обломков?..

Где ж узрит он твой бранный прах,
Сын персти слабый и надменный?
Куда с толпою, дерзновенный,
Неся с собою смерть и страх,
По трупам братий убиенных,
Среди полей опустошенных,
Ты вслед стремился за мечтой —
И пал!.. Где ж лавр побед и славы?
Я зрю вокруг следы кровавы
И глас проклятий за тобой!..

Полмертвый слабый сибарит,
Мечтой тщеславия вспоенный

И жизнью рано пресыщенный,
Средь общих бедствий в неге спит.
Проснись, сын счастья развращенный!
Взгляни на жребий уреченный:
Тебя предвременно зовет
Ко гробу смерти глас унылый,
Никто над мрачною могилой
Слезы сердечной не прольет.

Вельможа, друг царя надежный,
Личиной истины самой
Покрыл порок корысти злой,
Питая дух вражды мятежной.
Каких ты ждешь себе наград?
Тебе награда — страшный ад;
Народ, цепями отягченный,
Ждет с воплем гибели твоей.
Голодных добыча червей,
Брось взор ко гробу уstraшенный...

Тиран как гордый дуб упал,
Перуном в ярости сраженный,
И свет, колеблясь, изумленный
С невольной радостью взирал,
Как шаткие менялись троны,
Как вдруг свободу и законы
Давал монарх — граждán отец —
И цепи рабства рвал не силой, —
Тебя ждет слава за могилой,
Любовь детей — тебе венец!

1814 или 1815

ПОСЛАНИЕ НИКОЛАЮ СТЕЦАНОВИЧУ АХМАТОВУ

Оставя тишину, свободу и покой,
Оставя отчий кров, семейства круг любимый,
Во цвете юных лет, неопытной стопой
Ты в шумный круг ступил тропой
невозвратимой!
Отчизне, долгу раб, в краю чужом один,
От милых в отдаленьи,
Обманчивой Фортуны сын!
Куда влечет тебя твое воображенье?..
На утренней заре удел твой испытать
Печали, огорченье;
Чувствительным сердцам назначено страдать
И горькою слезой платить за наслажденье.
Так, должен ты, мой друг! всем общий жребий
знать:
И твой веселый взор покроется слезою,
И вздохи кроткую улыбку умертвят,
Зоилов стрелы пред тобою;
Но жребий низких душ — в презренье исчезать!
Воспоминание дней ясных, невозвратных,
Мечты о счастье угасшем возвестят,
Что, в изменениях превратных,
Рассвет твой был... блаженнее стократ
И славы громкия, и почестей ничтожных,

И честолюбия, и пагубных страстей,
Предначертаний невозможных,
Которым нет конца средь тысячи путей.

Но ум возвышенный, тебе природой данный,
Но сердце нежное и благородный дух,
Под надзиранием отца образованны,
Тебе откроют путь ко славе, юный друг;
Для кроткого царя, для родины священной -
Приятно жертвовать собой;

В наш век чудесный, просвещенный
Примеры славных дел сияют пред тобой!
Отечество твое, под скипетром священным
Монарха славного, закон царям дает
И простирает длань народам угнетенным!

И изумляет свет!

Колосс надменный пал! Европа в удивленьи
Зрит победителя, свободу и закон!

Благословляя мир, повсюду в восхищеньи

Благословляет русский трон!

Так, юноша! гордись отчизною твоею!

Спешి ей долг отдать, ее достойным быть;

И добродетельной стезею

Спеши полезным быть и славу заслужить!

Делами славными героев восхищенный,

Ты с благородною душой

Стремись на путь, тебе судьбой определенный,

Неколебимую стопой!

В кругу общественных всечасных изменений,

Где в юности твоей всё ново пред тобой,

Ты будешь зрителем превратных приключений

И будешь сам судьбы иль случая игрой.

Приманки хитрых фей, любви обвороженье
Для сердца нежного опасны могут быть;
Но времени закон, но опыт размышленья
Сей пламенный огонь и чувства уменьшит.
И я на утре дней, страстям поработенный,
Цирцее отдал долг, ей жертвы приносил...
Но, ах! неверными стократно обольщенный,
Светильник пламенный рассудком погасил.
Пусть добродетели закон всегда священный
Тебя к бессмертию ведет среди путей,
Сокрытых от невежд, где разум просвещенный
Находит истину и в красоте своей.
Бессмертие по смерть великим достается:
Потомство, правды глас героя возвестит,
А истинный талант препон не ужаснется.
Приятная мечта — в потомстве вечно жить!
С спокойной совестью и поздней зарею
Воспоминание приятно усладит
Дни угасаючи под времени рукою;
Не вечно радости из полной чаши пить!
Придет и твой закат с приметной быстротою,
Исчезнет светлый луч, и твой веселый взгляд
Покроется навек определенной тьмою, —
Не сладостно ль своей отчизне долг отдать?
И, шуму удалясь, с пенатами, с семьею,
Протекшие часы ненастья забывать?
Подчас и с музами и с милою своею
Дни безмятежные свободно восхвалять?..

К МОИМ ПЕНАТАМ

От отческих полей, от друга отлученный,
Игра фортуны злой, коварной и страстей,
Мечтой обманчивой в свет бурный увлеченный,
Свидетель суеты, неравенства людей,
Сражаясь сам с собой, — я вижу преткновенье
На скользком сем пути и бездны пред собой.
Пенаты милые! услышите голос мой,
Внемлите странника бездомного моленье:
Вы, в юности меня хранившие от бед,
Теперь от роковых ударов защитите
И к дому отчому скорее возвратите:

Уже я видел бурный свет!

Как в ясный, тихий день воздушный метеор
Движеньем мрачных туч свод неба помрачает,
Так в утро дней моих меня тоска снедает,
И тщетно в будущность бросаю робкий взор:
Там новые беды грозят еще цепями...
О лары кроткие! да будет ваш покров
Над бедным путником, зовущим со слезами
На помощь вас одних; услышите скорбный зов —
И горести мои на время прекратите...
Под небом неродным веселий, счастья нет,
Меня вы к родине скорее возвратите:

Уже я видел бурный свет!

Честь, слава вдалеке взор слабый обольщают,
Богатство, титулы — совместны с суетой,
И Крезус пьет фиал тоски и скорби злой,
Сатрапы гордые средь роскоши скучают.
Нет, боле не хочу я славы и честей!
Знаком кровавый путь мне грозная Беллоны,
Средь сечи гибельной, средь громов и мечей
Я слышал славы клич — и жертв невинных
стоны.

Пенаты добрые! вземлите мой обет —
И бурю над главой моею отведите
И к дому отчему скорее возвратите:
Уже я видел бурный свет!

<1817>

ПОСЛАНИЕ ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПРИКЛОНСКОМУ

Qui vit content de rien possède toute chose.
*Boileau. V Epître*¹

Мой друг! взгляни кругом на наш подлунный
свет:

От трона царского до хижины убогой,
Везде увидишь след богини быстроногой,
Но постоянного для ней приюта нет.
Чем выше здание — тем ближе к разрушенью,
Опасен скользкий путь титулов и честей,
Опасны милости и дружество царей —
Кто ближе к скипетру, тот ближе к ниспаденью!
Как часто видим мы невежду и глупца
С титулом княжеским, в заслугах, уваженьи,
Который с гордостью бросает взор презренья
На долю скромную и бедность мудреца.
Но тратит ли, мой друг, мудрец свои надежды
Фортуне вопреки покоем обладать?

¹ Кто доволен малым, тот обладает всем. *Буало. V послание (Франц.) — Ред.*

Нет, тою же стезей он скрылся от невежды
Под кров беспечности о слабом сострадать!
И в рубище Солон дал Крезу наставленья,
Как смежны счастье и слава с нищетой, —
Пред Киром на костре от смерти роковой
Спасло нежданное счастливец предреченье.
Лишенного очей, в темнице и цепях
Зри Велизария и с ним превратность рока..
Давно ль Наполеон, полсвета бич и страх,
Мечтал оспаривать и власть и силу бога?
Где ж гром его побед?.. Фортуна за собой
Триумфы, почести и славу удалила.
Нет постоянного для смертных под луной,
Превратность — жребий наш, а верное —
могила!..

Чины и почести и всех богатств собор,
Когда нет мудрости, нас скукой отягчают,
Прельщается ль резцом и кистью грубый
взор?..

Безумцы остроту в безумце обретают;
Страшилище ума — они в кругу своем
Нерона с Августом в величии равняют,
Херила наших дней Пиндаром называют
И восхищаются Беатуса умом!..
Сословие невежд, гордящихся породой,
Без знаний, без заслуг, но с рабскою душой,
Но с знаньем в происках до степени высокой,
Идет надменною и быстрою стопой...
Презренные льстецы с коленопреклоненьем
Им строят алтари, им курят фимиам.
Напрасно равенства мечтатели желают,
В природе равенства не может быть и нет:

*

Одних смирение, таланты отличают,
Других — безумие и преступлений след;
Одним назначено дней миром наслаждаться,
Другим — убийством жить и в дебрях
пресмыкаться.

Родится гений, ум, родится и глупец, —
Ужель природы дар не должен дать первенство?
Начало всем одно, и всем один конец,
Но в мире нравственном не может быть
равенство, —

Лишь независимость есть мудрого черта;
Под игом деспота-тирана — он свободен...
Для пользы ближнего жить — сладкая мечта
Тому, кто чувствами, кто духом благороден!
Он тайно не острит на братий грозный меч,
Не жаждет для венка бессмертия и славы
Неистойвой рукой точить ручки кровавы,
Жилища мирные в добычу брани жечь
И доблесть исчислять числом насильств и мести;
Ему неведом путь покорства, низкой лести
Пред знатым гордецом — вельможею царя;
Он в доле средственной нужды ни в чем
не знает

И, прихотям не раб, спокойно засыпает
С подругою своею до радостного дня!
Природы добрый сын, в объятиях природы
Он верно свой покой и благо обретет;
Не алчен к золоту, он ищет лишь свободы
И в Новый свет искать сокровищ не плывет.
Приклонский! Счастье еще не за горами,
И если от него нас жребий отлучил,

То опыт гибельный стократно научил,
Как радости ловить удачными часами;
Желанье, прихоти и страсти обуздать
Должны рассудком мы, чтоб в меру
наслаждаться.
Довольно, милый друг, за призраком гоняться.
Не время *у моря погоды ожидать!*..

1817

МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ

Кисловскому и Приклонскому

Друзья! налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»...

Не глас иноплеменных,
Не пушек близкий гром,
Не клик врагов надменных
С увенчанным челом,
Но нежный глас природы,
Восторги и любовь
Под верный дружбы кров
В объятия свободы
От вас меня зовут.
О други, между вами
И мой тернистый путь
Усеян был цветами.
Довольно ясных дней
Близ вас я видел, други!
Клянусь во дни разлуки
Вас часто вспоминать,
В мечтах одушевлять

Час дружеской беседы,
Где острых слов победы
Вы знали замечать
И в шутках повторять!..
Где царство и народы
В кругу прямой свободы,
За чашей пуншевой,
При дыме трубок сидя,
Пристрастья ненавдя,
Судили пред собой!
*Где тайной скорби силу
И близкую могилу*
Я с вами забывал
И радостью счастливой
В час думы молчаливой
Мой дух воспламенял!
Где злобу и пороки
Бесчувственных людей,
Тщету заслуг, честей,
И скрытые дороги
Искателей, льстецов,
И страстное сужденье,
И к истине презренье
Смешных лжемудрецов,
Где суд невежд пристрастный
Дает невеждам путь
Ко славе безопасный,
Где знания безгласны,
Где ум, талант гнетут, —
Мы видели — учились...
И к почестям стремились
Неробкою стезей!..

Исчезни, пламень мой,
Когда я вас забуду,
Свободные друзья!
Вот вам рука моя,
Что свято помнить буду
Союз сердец святой.
Скорее луч денницы
В предвестии гробницы
Угаснет надо мной!

Друзья! налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»...

Приклонский, нам с тобою
Еще сквозь мрачных туч
Блестит надежды луч —
Быть может, Марс трубою
Из мертвого покою
Нас в поле воззовет
Приманчивая славы
И след войны кровавой
Нас к цели доведет;
Быть может (сокровенья
Кто может предузнать?),
В пылу огней, сраженья,
Как к рати двигнет рать
Погибельной стезею,
Нам суждено с тобою
В добычу смерти злой
Предвременну могилу

Узреть в земле чужой!..
Но нет, и мысль унылу
Забвенью предадим,
За чашей круговую
Веселую мечтою
Свой дух воспламеним!..
Оставляя жизни бурной
Неласковый прием
И блеск честей мишурный,
Ты истинным путем,
Кисловский, друг свободы,
Под сень самой природы
Нетрепетно идешь,
Где время золотое
В беспечности, покое
Ты мирно проведешь...
Ни громы в отдаленьи,
Ни ядер звонкий шум
В минуты сладких дум,
В часы отдохновенья
Тебя не воззовут!..
Под кровлею родною
Там счастье с тобою!..
Там дружества приют!
И дни твои беспечно,
Но быстро, скоротечно
В довольстве пробегут.
Доколе юность с нами
И огненная кровь
С свободными сердцами,
Друзья! дотоль *любовь*,
И *дружбы* глас священный,

И *кубок* позлащенный
С *пенящимся вином*,
Честь, истина с добром —
Нам будут утешеньем
И долгом в жизни сей!..
Прямое наслажденье —
Не блеск пустых честей,
Не славы шаткой сила,
Не милости царей,
Не злато богачей;
Их ранняя могила
Во мраке погребет...
Нет, к счастью ведет
Путь *чести* благородной,
Где ум души свободной,
Где совести покой
Упрекам неподвластен,
С *рассудком и душой*
И с честью согласен!
Но, други, час бежит...
День ясный вечереет,
И в кубках дно яснее...
Всё, кроме нас, молчит,
И троица стоит
Коней удалых, рьяных,
И солнца свет багряный
За дальнею горой
Сменился темнотой!
Природа в неге спит!..
Луна-путеводитель
Путь дальний серебрит,

Да гений-покровитель
В разлуке вас хранит...

Итак, нальемте кубки,
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»

1817 (?)
Каменец-Подольск

Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Хотя глас дружества молчанью твоему
Без прекословия и укоризн прощает,
Но можно ль нежность дать холодному уму,
Который действие с причиной разбирает?
Ужели хладная и мертвая Сибирь,
Где видны ужасы неласковой природы,
Где вьюги, и мороз, и вихорь-богатырь
От точки полюса под знаменем свободы
Стремятся по горам пустынным бушевать,
Могла твой прежний дух и дружбы уверенья,
Как кедра сильный ветр главу, поколебать...
И силлогизма дать софизму заключенья?

Ужель свинцовый час

Покрыл прошедшее невозвратимой тьмою,
Ужель он заглушил влеченья тайный глас,
Который юношей нас съединил с тобою?..
Конечно, в те часы, как мыслью ты летал
С Невтоном, с Гершелем в планетах

отдаленных,

Движенья их, часы, минуты исчислял,
Их жителям давал законы непременны, —

Чужд бренности земной,

О друге забывал, как о пылинке бренной,

И гений добрый твой

На время оставлял тебя мечтой химерной;

Иль, долгу верный раб, в союзе с суетой,
Заботой, нуждами и бедством окруженный,
Не мог ты жертвовать минутою одной
Для друга ежедневно?

Но прочь сомнение, ты тот же должен быть:
Те ж чувства, чуждые и низости и лести,
И ум возвышенный, способный отличить
Талант от глупости, дым суеты от чести,
Те ж мысли правоты, размер во всех делах,
И поступь, сродная закону протяжений,
Те ж Эйлер и Лагранж — в сияющих глазах
По тем же степеням высоких уравнений!..

Прости, мой друг,
Метафорическим моим уподобленьям!
С тяжелой головой, с унынием сам-друг,
Могу ли усладить приятным песнопеньем
Твой к бурям приобвыкший слух?
К тому ж вожатый мой, Вахх дерзостный

и юный,

Тогда как я пишу, волнуя бурный дух, —
Мои наладил струны!..

Напрасно б стал тебе забавы воспевать,
О радостях вещать дрожащими устами
И подвиги мои с улыбкой исчислять
На поле боевом не голосом, очами...
Погибло всё, как сон с младенческой мечтой.
Любитель некогда военной непогоды,
С прискорбием теперь меч обнажаю свой,
Как чадо смелое безвластия, свободы!..

Я свет печальный созерцал —
И волос дыбом становился!

Когда же глубину души людей познал,
Я с светом раздружился!..
Руссо и Тимона невольно оправдал,
И, им последовать готовый,
Чем более людей боялся и бежал,
Тем делались сносней тяжелые оковы!
С пустынею в душе, с сомнением ко всему,
Не доверяющий сим тварям ослепленным,
Которы в гордости, в невежестве уму
Возносят олтари... и гонят ум смиренный...

1817 (?)

О милая, прости минутному стремленью:
Желаньем движимый причину благ познать,
Могу ли, слабый, я всеильному влеченью
Природы-матери в борьбе противустать?
И чувства покорить холодному сужденью?

Лауры пламенный певец,

Лаурой вдохновенный,

При <плесках> лавровый венец

В награду получил за свой талант смиренный!

Поэту юному, мне ль вслед ему парить?

Бессмертие — удел феномену-поэту!

Я не могу, как он, быть изумленьем света,

Но пламенней его могу тебя любить!

1817 (?)

Нет, нет, не изменюсь свободною душою
И в самой стороне приветливых цирцей,
Где взоры их горят под дымкою сквозною
Желаньем, негою и пламенем страстей,
Где воздух, кажется, любви жар вдыхает.
Взлелеянный в чаду пороков сибарит
Пред девою каждую пусть выю преклоняет
И, низкий раб страстей, душой порочной

спит.

Мой друг, я буду твой, не изменюсь душою.
И чувства юные, восторг и пламень мой,
И ложе роскоши не разделю с другою.
И будет в ревности упрек напрасен твой.

1817 (?)

Так ложною мечтой доселе ослепленный,
Напрасно мыслил я о счастливых часах.
Тебе ль знать радости? Твой разум

зablужденный

Не мог предузнавать о будущих бедах,
Давно назначенных губительной судьбою;
Лишь смерть желанная спасительной рукою
Тебя освободит от горестей твоих!
Тебе ль переломить судьбы определенье
И силой сильного избежать назначенье?
Исчезнули мечты, я счастлив был лишь миг,
И счастлив только заблуждением,
Которое, как вихрь, исчезло мановеньем.
Ни ласки нежные, ни кротость, ни любовь,
Ни одинакая текущая в нас кровь —
Ничто не умягчит дух злобный и

враждебный!

А я, не опытом, безумством увлеченный,
Предвидеть будущих несчастий не возмог.
Кто ж этому виной? Я сам иль сильный бог.

1817 (?)

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Мой век — как день туманный
Осеннею порой
Пред бурей и грозой —
Средь мрака и забвенья
Течет без возвращенья,
Печалью омрачен.

Ни солнца свет лазурный,
Ни бледный свет луны,
Ни радости весны,
Ни голос Филомелы,
Ни нимфы взор веселый —
Меня не веселят.

Напрасно к наслажденью
Прелестный Ганимед
Меня с собой зовет!
О юноша счастливый!
Твой взор полустыдливый
Опасен, но не мне.

Ни клик друзей веселых
В час Вакховых пиров,
При голосе певцов,

При шуме упоенья —
Меня на путь веселья
Опять не воззовет!

И взор вельможи тихий,
С улыбкой пара слов,
И вслед ему льстецов
В приязни уверенье —
Вселяют лишь презренье
К невеждам и льстецам!

От почестей ничтожных
Средь Марсовых полей,
Где братьев и друзей
Струится кровь рекою,
Мой взор, увы, с слезою
Далеко отвращен!

Но, бури уклоненный,
Я радуюсь мечтой!
И тихий голос свой
В минуты вдохновенья
Сливаю с песнопеньем
Божественных певцов!

1817 (?)

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Шумите, волны! ветер, бушуй,
И, тучи черные, вокруг меня носитесь!
Мой ясен взор, покоен дух,
И чувства тихие не знают страсти бурной,
И я узнал покой
В свободе золотой!
Стремитесь на войну, сыны побед и славы!
Кровавый меч не нужен мне:
Храним пенатами, я цену наслаждений
Близ милых мне опять узнал;
Под сению родною
Здесь счастье со мною.
Опасен свет, и радость в нем
Подвержена всегда судьбине переменной.
Под тенью лип покоюсь я,
Вкушая сладкий мед, из милых рук налитый;
И мысль и голос слов
Не ведают оков!
Пусть среди роскоши Лукуллы утопают:
Их жизнь — не жизнь, но мрачный сон;
Их участь славная достойна состраданья;
Им чужд покой — и бедствий тьма
Тревожит наслажденья
В минуты сновиденья.

Не слышен глас зоилов мне,
И пышный, ложный блеск меня не обольщает;
Пушкой сатрап дает закон
Искателям честей улыбкою одной!
Здесь с музою моей
Я не зову честей!
Хотите ль, смертные, путь к счастью
сокровенный
В сей жизни временной найти?
Покиньте замыслы к бессмертию ничтожны
И бросьте лавр и посох свой —
В объятиях природы,
Пред алтарем свободы.

< 1819 >

ПОСЛАНИЕ Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, —
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...
Как быстро гибнет блеск зарницы,
Так из разрушенной столицы
Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с хищною ордой!
И вслед ему бог бранный мщенья,
Во мзду насильств и преступленья,
Перуны грозные бросал
И путь гробами застилал...
Орудие сей грозной мести,
Я взор печальный отвратил
От поприща кровавой чести
И острый меч в ножны вложил...

Но ты, мой друг! при шуме славы —
Среди триумфов и побед,
Среди громов борьбы кровавой
Стремясь за разрушеньем вслед,
Свидетель россов смелых силы,
Смиренья их и правоты, —
Поведай мне, что мыслил ты,
Зря цепь изрытую могилы?
Скажи, ужель увеселял
Тебя трофей, в крови омытый,
Ужель венки, корыстью свитый,
Рассудка силу заглушал?..
И мрачная завеса пала!
Атропа гибельным резцом
Едва нить жизни не прервала
Твою под роковым мечом.
Простясь с неласковой судьбою,
С печальным опытом, с мечтою,
Ты удалился на покой
Туда, где Лена, Обь волной
В гранитные брега плещают
И по седым во мгле лесам
К Гиперборейским берегам,
Во льдах волнуясь, протекают,
Где всё в немых пустынях спит,
Где чуть приметен блеск природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения горит!..
Твои там отческие лары,
Там мир и радости с тобой,
Туда кровавою рукой
Войну, убийства и пожары

Не понесет никто с собой!..
В беседе там красноречивой
С тобой великий Архимед,
Декарт и Кант трудолюбивый,
И Гершель с циркулом планет!
И всё в гармонии с душою,
И чужд клевет и злобы слух...
Почто ж зовешь меня, мой друг,
Делить все радости с тобою?
Могу ль покоем обладать?
Пловец над пропастью бездонной,
В отчизне милой, но безродной,
Не ведая, куда пристать,
Я в море суеты блуждаю,
Стремлюсь вперед, ищу пути
В надежде пристань обрести
И — снова в море уплываю.

Вторая половина 1810-х годов

САТИРА НА ПРАВЫ

Мой друг! в наш дивный век — науками,
искусством,
И россов доблестью и благородства чувством
Любви к отечеству достойных сограждán,
В наш новый век, когда властитель и тиран
Несметных орд к нам внес убийства и пожары
И провидения испытывал удары,
Неся в триумф побед постыдный бег и страх,
И трупы хищников рассеялись в полях;
Когда *прошедшее* из книги современной
Мечом росс вырубал и, лавром покровенный,
Секване начертал постыдный приговор...

Когда вселенной взор
России быстрый бег к величию измеряет
И подвиги ее в истории читает, —
Возможно ли! тогда, забыв свой подвиг славы,
Чудесно исказя и нрав и разум свой,
Здесь дети робкие с изнеженной душой,
В очах невежества чтут модные уставы,
И наши знатные отечества *столпы*
О Марсовых делах с восторгом рассуждают...
С утра до вечера за картами зевают,
А жены их, смеясь, в боскетах нежны лбы
Иноплеменными рогами украшают...
Но свет орангутанг, и мы живем в том свете,
Где дым тщеславия рассудок закурил

И многих мудрецов в паяцы нарядил.
У всякого одно в предмете —
И бедный Ир с клюкой
Под добрый час себя с Юпитером равняет...
И кучи золота и царства рассыпает,
И наслаждается мечтой!..
Всё в свете допустить возможно,
Но быть игрушкой шутов и обезьян
В сей славный век для нас постыдно
и безбожно.

Напрасно умный наш певец,
Любовью чистою к отчизне возбужденный,
И нравам и умам чумы иноплеменной
С войною хочет дать конец!
Мартышка весь свой век не устает кривляться,
Для подражания; бесхвостый, без ушей,
Престанет ли осел кряхтеть и спотыкаться?
Из всех гражданских зол всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье;
Но спорить не хочу, — смешно <в>осьмнадцать
лет

В уборе дедовском явиться в шумный свет
И с важностью начать другое подражанье.
Но, друг мой! переждем — эпоха началась,
И наше сбудется желанье...
Орел с одним орлом стремится в состязанье.
Гражданства искра в нас зажглась,
И просвещение спасительной рукою
Бальзам свой разольет в болезненных умах,
И с новою зарею
Исчезнет, может быть, еще неверный страх.

Вторая половина 1810-х годов

ЭЛЕГИЯ I

Раздался звон глухой... Я слышу скорбный
глас,
Песнь погребальную вдали протяжным хором,
И гроб, предшествуем бесчувственным собором.
Увы! То юноша предвременно угас!
Неумолимая невинного сразила

Зарею юных дней

И кров таинственный, неведомый открыла
Для горести отца, родных его, друзей.
Ни плач, ни жалобы, ни правое роптанье
Из вечной тишины его не воззовут.
Но скорбь и горести, как легкий ветер, пройдут.
Останется в удел одно воспоминанье!..
Где стройность дивная в цепи круговращенья?
Где ж истинный закон природы, путь прямой?
Здесь юноша исчез, там старец век другой,
Полмертв и полужив, средь мрачного забвенья,
Живет, не чувствуя ни скорби, ни веселья...
Здесь добродетельный, гонимый злой судьбой,
Пристанища себе от бури и ненастья

В могиле ждет одной!..

Злодей средь роскоши, рабынь и любострастья,
С убитой совестью не знает скорби злой.
Как тучей омрачен свет ранняя денница,
Дни юные мои средь горести текут,
Покой и счастье в преддверии гробницы

Меня к ничтожеству таинственно ведут...
Но с смертью мой дух ужель не возродится?
Ужель душа моя исчезнет вся со мной?
Ужели, снесь червей, под крышей гробовой
Мысль, разум навсегда, как тело, истребится?
Я жив, величие природы, естество
Сквозь мрак незнания, завесу сокровенну
Являют чудный мир и в мире — божество!
И я свой слабый взор бросаю на вселенну,
Порядок *общий* зрю: течение светил,
Одногодичное природы измененье,
Ко гробу общее от жизни назначенье —
Которые никто, как Сильный, утвердил.
Почто же человек путем скорбей, страданья,
Гонений, нищеты к гибели идет?
Почто безвременно смерть лютая сечет
Жизнь юноши среди любви очарованья?
Почто разврат, корысть, тиранство ставят трон
На гибели добра, невинности, покою?
Почто несчастных жертв струится кровь рекою
И сырых и вдовиц не умолкает стон?
Убийца покровен правительства рукою,
И суеверие, омывшись в крови,
Безвинного на казнь кровавою стезею
Влечет, читая гимн смиренью и любви!..
Землетрясения, убийства и пожары,
Болезни, нищету и язвы лютой кары
Кто в мире произвесть устроенном возмог?
Ужель творец добра, ужели сильный бог?..

.....
.....
.....

Но тщетно я стремлюсь постигнуть сокровенье;
Завесу мрачную встречаю пред собой —

И жду минуты роковой,
Когда откроется мрак тайный заблужденья...
Никто не вразумит, что нас за гробом ждет,
Мудрец с унынием зрит в будущем истленье,
Злодей со трепетом истление зовет;
Бессмертие души есть страх для преступленья,
Измерить таинства и Сильного закон
Не тщетно ль человек в безумии стремится?
Круг жизни временной мгновенно совершится,
Там! — благо верное, а *здесь* — минутный сон.

Вторая половина 1810-х годов

ЭЛЕГИЯ II

Шумит осенний ветер, долины опустели.
Унынье тайное встречает смутный взор:
Луга зеленые, дубравы пожелтели;
Склонясь под бурями, скрипит столетний бор!
В ущелья гор гигант полночный ополчился,
И в воды пал с высот огнекрылатый змий...
И вид гармонии чудесной пременился
В нестройство зримое враждующих стихий.
С порывом в берега гранитные плескает
Свирепый океан пенистою волной!
Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
День смежен с вечностью, а свет его —
со тьмой!..

Таков движений ход, таков закон природы...
О смертный! Ты ль дерзнул роптать на промысл
твой?
Могущество ума, дух сильный, дар свободы
Не высят ли тебя превыше тьмы земной?..
Скажи, не ты ль дерзнул проникнуть сокровенье,
И Прометеев огонь предерзостно возжечь?
Измерить разумом миров круговращенье
И силу дивную и огонь громов пресечь?
По влаге гибельной открыть пути несчетны,
В пространстве целого атом едва приметный,

Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
И искру божества возжечь уразуменьем
До сил единого, до зодчего миров?
О, сколь твой дух велик минутным появленьем!
Твой век есть миг, но миг приметен в тьме
веков;

Твой глас струнами лир народам передастся
И творческой рукой их мрак преобразит,
Светильник возгорит!.. гармония раздастся!..
И в будущих веках звук стройный отразит!..

Но кто сей человек, не духом возвышенный,
Но властью грозною народа облечен?
Зачем в его руках сей пламенный возжженный,
Зачем он стражею тройною окружен?..
Отец своих сынов не может утрашиться...
Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призра́к отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так раболепствуйте: то участь униженных!
Природы смутен взор, она и вам есть мать;
Чего вы ищите средь братий убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провидение, на зло и трон порока?..
Жизнь ваша — слепота; а смерть — забвенья миг;
И к цели слабых душ ничтожеству дорога...

.....
Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною
грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железной злобы трон!

Да яростью стихий минутное нестройство
Устройство вечное и радость возродит!..
Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели луч ясный возблестит!..

Вторая половина 1810-х годов

СМЕЮСЬ И ПЛАЧУ

(Подражание Вольтеру)

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодною душою
Друг друга режут, жгут и кровь течет рекою
 За громкозвучну *честь!*

Смотря, как визири, пошевелия усами,
Простого спагиса, но подлого душой,

 Вдруг делают пашой,

Дают луну, бунчук и править областями;
Как знатный вертопрах, бездушный пустослов,
Ивана à rebours¹ с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку —
И правом знатности везде уважен он!..
Как лицемер, ханжа, презря святой закон,
В разврате поседев, гарем по праву власти
Творит из слабых жертв его презренной страсти,
Когда невинных стон волнует грудь мою. —
 Я слезы лью!

Но если на меня фортуна улыбнется
И если, как сатрап персидский на коврах,
 Я нежуся в Армидиных садах,

¹ Наоборот (франц.). — *Ред.*

Тогда как вокруг меня толпою радость вьется,
И милая ко мне с улыбкою идет
И страстный поцелуй в объятиях дает
В награду прежних мук, в залог любви **нежной**,
И я вкушаю рай на груди белоснежной!..
Или в кругу друзей на Вакховых пирах,
Когда суждение людей, заботы, горе

Мы топим в пуншевое море,
Румянец розовый пылает на щеках,
И взоры радостью блистают,
И беспристрастные друзья

Сужденью смелому, шумя, рукоплескают, —
Тогда смеюсь и я!

Взирая, как Сократ, Овидий и Сенека,
Лукреций, Тасс, Колумб, Камюэнс, Галилей
Погибли жертвою предрассуждений века,
Интриг и зависти иль жертвою страстей!..
Смотря, как в нищете таланты погибают,
Безумцы ум гнетут, знать *право* воспрещают,
Как гордый Александр Херила другом звал,
Как конь Калигулы в сенате заседал,
Как в Мексике, в Перу́, в Бразилии, Канаде
За веру предают людей огню, мечу, —
На человечество в несноснейшей досаде,
Я слезы лью!..

Но после отдыха, когда в моей прихожей
Не кредиторов строй докучливых стоит,
Но вестник радостный от девушки пригожей,
Которая «люблю! люблю!» мне говорит!
Когда печальный свет в мечтах позабываю
И в патриаршески века переношусь,
Пасу стада в венце, их скиптром подгоняю,

Астреи вижу век, но вдруг опять проснусь...
И чудо новое: Хвостова сочиненья,
Я вижу, Глазунов *за деньги* продает,
И к довершению чудес чудотворенья —
Они раскуплены, наш бард купцов не ждет!..
Иль Сумарокова, Фонвизина, Крылова
Когда внимаю я — и вижу вокруг себя
Премудрость под седлом,

Скотинина <-Старова>, —

Тогда смеюсь и я!

Друзья, вот наш удел в сей бездне треволнений,
Рабы сует, мечты, обычаев, страстей,
Мы действуем всегда по силе впечатлений;
Творенья слабые, в ничтожности своей
За призраком бежим излучистой стезею,
И часто скучный Гераклит,
Обласканный судьбою,
Смеется и смешит, как страшный Демокрит.

Конец 1821 — начало 1822 (?)

К ДРУЗЬЯМ В КИШИНЕВ

Итак, я здесь... за стражей я...
Дойдут ли звуки из темницы
Моей расстроенной цевницы
Туда, где вы, мои друзья?
Еще в полусвободной доле
Дар Гебы пьете вы, а я
Утратил жизни цвет в неволе,
И меркнет здесь заря моя!
В союзе с верой и надеждой,
С мечтой поэзии живой,
Еще в беседе вечевой
Шумит там голос ваш мятежный.
Еще на розовых устах
В объятьях дев, как май прекрасных,
И на прелестнейших грудях
Волшебниц милых, сладострастных
Вы рвете свежие цветы
Цветушей девства красоты.
Еще средь пышного обеда,
Где Вакх чрез край вам вина льет,
Сей дар приветный Ганимеда
Вам негой сладкой чувства жжет.
Еще расцвет душистой розы
И свод лазоревых небес

Для ваших взоров не исчез.
Вам чужды темные угрозы
Как лед холодного суда,
И не коснулась клевета
До ваших дел и жизни тайной,
И не дерзнул еще порок
Угрюмый сделать вам упрек
И потревожить дух печальный.
Еще небесный воздух там
Струится легкими волнами
И не гнетет дыханье вам,
Как в гробе, смрадными парами.
Не будит вас в ночи глухой
Угрюмый оклик часового
И резкий звук ружья стального
При смене стражи за стеной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Еще убийственным пером
Не пишет вам определенья
Злодейской смерти под ножом
Иль мрачных сводов заключенья...
О, пусть благое провиденье
От вас отклонит этот гром!
Он грянул грозно надо мною,
Но я от сих ужасных стрел
Еще, друзья, не побледнел
И пред свирепую судьбою
Не преклонил рамен с главою!
Наемной лжи перед судом
Грозил мне смертным приговором
«По воле царской» трибунал.

«По воле царской?» — я сказал
И дал ответ понятным взором.
И этот черный трибунал
Искал не правды обнаженной —
Он двух свидетелей искал,
И их нашел в толпе презренной.
Напрасно голос громовой
Мне верной чести боевой
В мою защиту отзывался:
Сей голос смелый пред судом
Был назван тайным мятежом
И в подозрении остался.
Но я сослался на закон,
Как на гранит народных зданий.
«В устах царя, — сказали, — он,
В его самодержавной длани,
И слово буйное «закон»
В устах определенной жертвы
Есть дерзновенный звук и мертвый...»
Итак, исчез прелестный сон!..
Со страхом я, открывши вежды,
Еще искал моей надежды —
Ее уж не было со мной,
И я во мрак упал душой..
Пловец, твой кончен путь подбрежный,
Мужайся, жди бедам конца
В одежде скромной мудреца,
А в сердце с твердостью железной.
Мужайся! близок грозный час,
Он загремит в дверях цепями,
И, может быть, в последний раз
Еще окину я глазами

Луга, и горы, и леса
Над светлой Тираса струею,
И Феба золотой стезею
Полет по чистым небесам,
Над сердцу памятной странею,
Где я надеждою дышал
И к тайной мысли устремлял
Взор светлый с пламенной душою.
Исчезнет всё, как в вечность день.
Из милой родины изгнанный,
Я буду жизнь влачить, как тень,
Средь черни дикой, зверонравной,
Вдали от ветреного света
В жилие тунгуса иль бурета,
Где вечно царствует зима
И где природа как тюрьма;
Где прежде жертвы зверской власти,
Как я, свои влачили дни;
Где я погибну, как они,
Под игом скорбей и напастей.
Быть может — о, молю душой
И сил и мужества от неба! —
Быть может, черный суд Эреба
Мне жизнь лютее смерти злой
Готовит там, где слышны звуки
Подземных стонов и цепей
И вопли потаенной муки;
Где тайно зоркий страж дверей
Свои от взоров кроет жертвы.
Полунагие, полумертвы,
Без чувств, без памяти, без слов,
Под едкой ржавчиной оков,

Сии живущие скелеты
В гнилой соломе тлеют там,
И безразличны их очам
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливейший певец,
Питомец муз и Аполлона,
Страстей и буйной думы жрец,
Сей берег страшный Флегетона,
Сей новый Тартар воспоет:
Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза.
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа.
Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Бейрона.
Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече

Царей кичливых рамена.
Когда ж дойдет до вас, о други,
Сей голос потаенной муки,
Сей звук встревоженной мечты
Против врагов и клеветы,
Я не прошу у вас защиты:
Враги, презрением убиты,
Иссохнут сами, как трава.
Но вот последние слова:
Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпением мраморным сносил,
Нигде себе не изменил
И в дни убийственные жизни
Не мрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнул право укоризны.
Простите... Там для вас, друзья,
Горит денница на востоке
И отразилась заря
В шумящем кровию потоке.
Под тень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас долг — добро святое.
Спешите! Там валкальный звон
Поколебал подземны своды
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы.

ПЕВЕЦ В ТЕМНИЦЕ

О мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты.
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой!
Ты знал ли радость — светлый мир,
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?
Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?
Ты знал ли дружества привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?
Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?
Почтил ли век под сединой?
И посещал ли бед жилища?
Одним исполненный добром
И слыша стон простонародный,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?

Сочти часы, вступя в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее — и дай ответ
Потомству с твердостью железной.
Мой век как тусклый метеор
Сверкнул, в полночи незримый,
И первый вопль — как приговор
Мне был судьбы непримиримой.
Я неги не любил душой,
Не знал любви как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой
Встревожен мыслию мятежной.
Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,
Мечты мечтами истреблял,
Не зная мира и веселий.
Под тучей черной, грозовой,
Под бурным вихрем истребленья,
Средь черни грубой, боевой,
Средь буйных капиш развращенья
Пожал я жизни первый плод,
И там с каким-то черным чувством
Привык смотреть на смертный род,
Обезображенный искусством.
Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе,
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.

К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным спросил
Сибирь, подземные затворы,
И книгу Клии открывал,
Дыша к земле родной любовью;
Но хладный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!
Я бросил свой смущенный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:
«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнью свободной».
Погибли Новгород и Псков!
Во прахе пышные жилища!
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.
Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богopodobная жена —
Борецкая. Вадим, вы пали!
С тех пор исчез как тень народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод.
На площади он не сбирался
Сменять вельмож, смирать князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,

Войну и мир определять.
Он пал на край своей могилы,
Но рано ль, поздно ли — опять
Восстанет он с ударом силы!

1822

НА СМЕРТЬ МОЕГО СКВОРЦА

Еще удар душе моей,
Еще звено к звену цепей!
И ты, товарищ тайной скуки,
Тревог души, страданий, муки,
И ты, о добрый мой скворец,
Меня покинул наконец!
Скажи же мне, земной пришлец,
Ужели смрад моей темницы
Стеснил твой дух, твои зеницы?
Но тихо всё... безмолвен он,
Мой юный друг, мой пелисон,
И был свидетель Абеон
Моей встревоженной разлуки!
Так, верю я, о жрец науки,
Тебе, о мудрый Пифагор!
Не может быть сей ясный взор,
Сей разногласный разговор,
Ко мне прилет его послушный
Уделом гвари быть бездушной:
Он создан с нежною душой,
Он, верно, мучился тоской...
Как часто резвый голос свой
Он изменял на звук печальный,
Как бы внимая скорби тайной.
О вы, жестокие сердца!
Сотрите стыд души с лица,

Учитесь чувствам от скворца!
Он был не узник — и в темнице.
Летая вольных птиц в станице,
Ко мне обратно прилетал, —
Мою он горесть уважал,
Для друга вольность забывал!
И все за то его любили,
И все за то скворца хвалили,
Что он средь скорби и недуг
И в узах был мне верный друг.
Что он ни мщения, ни мук
Для друга в узах не боялся
И другу смело улыбался.
Когда ж, как ржавчиною сталь,
Терзала грудь мою печаль, —
Кому ж? скворцу лишь было жаль!
И мнилось — пел мой друг сердечный:
«Печаль и жизнь не бесконечны».
И я словам его внимал,
И друга нежного ласкал,
И вдруг свободнее дышал.
Когда ж вражда со клеветою
В суде шипели предо мною
И тщетно я взывал права,
Он пел ужасные слова:
«Враги иссохнут, как трава».
И были то последни звуки,
И умер мой скворец от скуки!
О вы, жестокие сердца,
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!

ПОСЛАНИЕ К К<ОМАРО>ВУ

Изгнанник с маем и весной
Тебя приветствует, друг милый.
Опять зимы безмолвной и унылой
Темничный образ пред тобой
Природы девственной сменился красотой...
А для меня — прошла весна!..
Очаровательной улыбкою она
Тоски по родине, привычного роптанья,
Печальных дум и бед воспоминанья
Не истребит в душе отжившей и немой.
Там, за вершинами Урала,
Осталось всё, что дух питало мой,
И вера и любовь, — я внес сюда с собой
Лишь муки страшные Танталя!
Зачем затворника надежда обольщала?
Зачем алкал он видеть край родной?
Прижать друзей к груди, измученной тоской,
И шестилетнюю неволю,
Борьбу с судьбой, страдальческую долю —
Опять в беседе вечевой,
При кликах радости мятежной,
Забуть за чашей круговой?
Или с любовницей младой
Отдать всё прошлое порывам страсти нежной?..

Зачем коварные мечты
Мой ум младенческий прельщали?
Зачем прекрасные цветы
Над бездной путь терновый застилали?
К чему коварный этот сон?
Я был давно к страданиям приучен, —
Шесть лет дышал темничною печалью,
И грозный рок мне грудь сковал
Несчастьем, как закаленной сталью.
Зачем я благ земных желал,
Сдружившись с жизнью неземною,
И примирения искал
С людьми и грозною судьбою?
Они смеялись надо мной...
О, если б сто подземных жерл
Дохнуло пламенною лавой
На этот род безумный и лукавый!
Без слов, без горести б смотрел
На гибель их, на огненные волны
И, провидением довольный,
Я б этот час благословлял,
Как будто б заблестал мне первый луч денницы.
Но нет! Зачем удар карающей десницы
Противу немощных слепцов?
Они из приторных наемницы сосцов,
Еще повитые, как цепью, пеленами,
Глотали алчными устами
Всё грязное, всё низкое, как прах!
Ярем невольничий — их доля в колыбели,
Болезнь младенчества — их доля в седирах.
Знакомо ль им стремленье к славной цели,
К стяжанию победного венца?

Нет! Нет! Не внятен им волшебный глас певца,
 Волнующий возвышенные страсти,
 Вливающий небесный дух в сердца
 И возвышающий наш дух среди напасти!
 В душе бесчувственность и на челе позор,
 Пред слабым — власти наглый взор,
 И рабство — пред судьбой и силой,
 Неверие в устах и бледность пред могилою —
 Не есть ли их постыдное клеймо?
 Нет! Нет! Не обмену моей жестокой доли
 На это славное ярмо,
 На эту цепь приманчивой неволи!
 Я здесь, сюда коварный рок
 Из бурных волн, пучин и бездны
 Отбросил утлый мой челнок;
 Я здесь, и звук знакомый и любезный
 Не тронет слуха моего;
 Мой смутный взор и бледное чело
 Опять зарей весны не просияют,
 Уста мои лишь ропот и печаль
 Невнятным звуком выражают...
 Напрасно б взгляд бросал в безвестную даль,
 Напрасно б ждал счастливой перемены:
 Подземный стон и вековые стены,
 Затвор железный, звук цепей
 И тайный зов утраченных друзей
 Меня и здесь тревожат в сновиденьях,
 И отдаление в моем воображеньи
 Не истребит сей пагубной мечты.
 И все высокие картины
 Природы грозной красоты:
 Саяна снежные вершины

И мрачный вид безвыходной тайги,
Бурана рев и лом, и треск реки,
Подавленной, стесненной в беге льдами,
И торосы, вскипевшие стенами,
 Как вековых руин следы,
И племена рассеянной орды,
Полярных дикарей воинственные нравы,
 Их разум гибкий и лукавый,
Коварный взгляд, нестройный звук речей;
Повсюду грабежи, убийства как забавы,
И резкие черты и буйный дух людей,
 Которых страсти, заблужденье,
Гоненье, клевета, порок и преступленье,
 Как крепкое к звену звено,
 Сковали в общество одно...
Страна, где каждый дом есть книга приключений,
 Где вся земля — отверженных есть дом,
 Где Минихов и Меншикова гений
Ни славой прежнею, ни лавровым венцом
 Не различен убийц презренных с долей, —
Всё это дивное для смелой кисти поле
Какой-то новостью еще блестит для глаз,
 Но мой восторг давно в душе погас.
 О милый друг! Все прелести чужбины,
 Все красоты волшебной сей картины
Не радуют: они не в родине моей.
Скажи, кому отдам сердечные томленья?
 Кто мысль мою и тайные движенья
 Души поймет? Чей сладкий звук речей
Вольет в больную грудь минутную отраду?
 Кто руку даст изгнаннику, как брату?
С кем лето знойное я жизни разделю?

*

Кто скажет мне, потупя взор стыдливый
И руку сжав рукою боязливой,
Невнятным шепотом прекрасное: *люблю?*
Цветы поблекшие еще передо мною.
Мне их дала младая дева в дар,
И с ними чувств и тайной страсти жар;
Я взял цветы холодною рукою
И руку ей с признательностью сжал,
И девственную грудь с улыбкой целовал...
Я розы рвал... Но их благоуханье
Далеко ветер противный уносил.
Дерзну ль назвать минутное желанье,
Обманчивый восторг моих душевных сил
Любовью чистою и нежной?
Нет, нет. Любовь — одно мне с верой
и надеждой,
Во мне их рок суровый умертвил!
Ты знаешь сам, мой друг, мои страданья,
Ты сам темничною заразою дышал...
Но долго ли твои продлились испытанья?
Ты тягость бытия одну минуту знал...
А я? Могу ль предать прошедшее забвенью!
Оставить всё, что сердце тяготит?
Не я ли веровал с улыбкой в провиденье?
В борьбе с судьбой упал сей хрупкий щит.
Исчезло всё!.. Под сводами темницы
Погиб мой дар с прелестною мечтой!
Невнятен звук моей цевницы —
Согласен он с моей душой;
Дерзну ли трепетной рукой
Завесу истины ужасной
Поднять пред светной толпой?

Сей труд бесплодный и опасный
Душевных ран не исцелит
И для изгнанника сиянье
Прошедших дней не возвратит;
Мое ужасно упованье!
Благая вера — вот мой щит,
Души отжившей ожиданья;
Давно прошли, как миг один.
Как сладкий сон, лета мои молодые —
И с ними радости земные...
Как счастья беспечный сын,
Близ лар под кровлею родною,
Довольный светом и судьбою,
В моем неведении я счастье находил!..
Как вольное дитя природы,
Я только неба видел своды;
И легкий утренний зефир
Эмблемой был моей свободы!..
И славы дым, ее кумир,
Для глаз завистливых блестящий мишурую,
С поклонников безумною толпою,
Души невинной не прельщал!..
Тогда ни следствий, ни начал
Добра, страстей и преступлений
В хаосе споров, жарких прений
Расторгнуть ум мой не алкал.
Мой взор беспечно созерцал
Лишь блеск светил в орбитах их движенья,
В лугах я свежих роз искал.
Не тайны дивной обновленья,
Не свист железа и свинца,
Не гром из медных жерл и стали,

Не лютый в битве клик бойца
Тогда мой робкий слух прельщали, —
Любил я сладостный напев,
Как май веселых, сельских дев
Под звук задумчивой свирели,
Любил в тени густых дерев
Я слушать птичек нежных трели
Иль звонкий голос соловья...
Любил журчание ручья...
Любил вечернею порой у колыбели
С безмолвием внимать,
Как нежная, сквозь слезы, мать,
Прижав к груди младенца, прорекала
Разлуку с кровлею родной,
Борьбу с людьми, борьбу с судьбой,
И провиденье умоляла
Младенцу дать удел благой!..
Прошло неведенье святое!
Мой час пробил!.. В душе моей простой
Все страсти, спавшие в покое,
Вскипели бурною волной!
Недетский взор сквозь мрак густой
Я бросил к новой, тайной цели...
И радость скрылась от очей,
Как в тучах блеск дневных лучей,
Вдали я видел бледный свет,
И скорбь стеснила грудь, ланиты побледнели,
Поблек прекрасной веры цвет,
Сомненья срезанный косою.
О добродетель! пред тобою
Я пал во прах, я слезы лил
И с умилением молил

Отдать мне прошлое, отдать мне мир с собою!
С людьми я мира не просил,
Я их узнал, я их чуждался —
Приветов, ласки их боялся
И дружбы, как вражды крамольной, трепетал.
Я видел, как, укрыв отточенный кинжал,
Мне руки жмет с улыбкою лукавой
И крест на грудь кладет рукой еще кровавой
По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные стоны,
Я видел, как в пыли потоптаны лежат
Права народные, щит слабого — законы;
С безмолвным трепетом раскрыл
Я Клии крепкие скрижали,
Но хладный пот чело мое покрыл:
Глубокие черты на обагреной стали
Мне жребий царств, народов и царей,
События грядущих дней
И настоящего в протекшем указали.
Давно мне этот мир — как степь безбрежная
Сахары,
Где дышит ветер песчаную волной,
Как океан, где грозные удары
Валов не устают греметь над головой.
Мне этот край — одно пространное кладбище,
В котором ищет взор безбедного жилища
Среди преступничьих гробов!
И мой ударит час всеобщую чредою,
И знак сотрет с земли моих следов,
И снег завеет дерн над крышей гробовою;
Весной оттает снег, за годом год пройдет,
Могильный холм сровняется с землею,

И крест без надписи падет!..
Жесткий Крон безжалостной рукою
Разрушит гордые чертоги городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покроет тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать,
Где царства падшие искать
Среди рассеянных обломков?..
Куда же мой ответ время прах?
Где денутся все призраки златые?
Куда отделится таинственное я?
Где будет след минутный бытия,
Надежды, суеты, желанья земные?
Давно погибло всё, чего мой дух алкал!
Чего ж я жду с отжившею душою?
Кто к жизни мысль страдальца приковал?
И не в родстве ль давно я с прахом и землею?
Не время ли мне сделать шаг вперед
И снять покров с таинственной химеры?
В моих руках светильник чистой веры, —
Он свет в пути моем прольет!..

Она одна казалась мне мила,
Как роза свежая весною;
Как роза юная цвела
Вдали от света, бурь и зла
Она прекрасною душою.
Улыбка, легкий стан, ее убор простой —
Всё было зеркалом Авроры,
И в новом мире к ней одной
Невольно мрачные мои стремились взоры.
Всегда беспечна, весела,
Она казалась мне мила
Невинностью своей и детской простотою —
Всё в ней для глаз моих дышало красотою.

Стыдливость, детский страх, звук трепетный
речей,
Ее рука в руке моей,
И первый поцелуй дрожащими устами,
И нежное «люблю» вполголоса, с слезами,
Улыбка райская, вид девственный лица
И всё для глаз, для чувств земное
совершенство —
Могли б вдохнуть небесное блаженство
В стальную грудь темничного жильца,
Могли б разжечь любви опасный пламень,
Но грудь моя была как камень.

О, сколько раз вечернею порой
Она мой кров убогий посещала
И думы гордые и ропот правый мой
Улыбкой детскою смиряла.
Поблек румянца цвет живой,
Прелестное чело задумчивость покрыла,
И тайная печаль грудь слабую стеснила!
Она жила надеждою одной,
Как срезанный цветок еще живет росой, —
Родных, забавы, свет для пришлеца забыла
И, к небу взор поднявши свой,
У неба мир душе молила.
Беспечная, зачем ты встретилась со мной?
Зачем ты странника узнала?
Вся жизнь его загадка для тебя,
Ты с тайн его не снимешь покрывала.
Не встретишь с ним ты радостного дня!
И совесть мрачная, преследуя меня,
Душе холодной говорила:
Она живет теперь надеждою одной,
Как срезанный цветок еще живет росой, —
Родных, забавы, свет для пришлеца забыла!

И эта мысль летела вслед за ней,
В печальную тайгу, на пажити полей,
Чрез волны быстрые за светлую струею
И в мирный дом ее отца,
Где, бледная, она с растерзанной душою
Молила за меня творца!
Беспечная, зачем ты странника узнала?
Вся жизнь его загадка для тебя,
Ты с тайн его не снимешь покрывала.

Не встретишь с ним ты радостного дня,
Ты к сердцу не прижмешь дрожащею рукою
Венчального кольца!
И в радости его безмолвного лица
На лоне роскоши не оросишь слезою.

Задумчивый, один повсюду пред собою
Я видел дом ее отца,
Где, бледная, она с растерзанной душою
Молила за меня творца!
Но я не знал, что пламень потаенный
Давно горел в груди моей,
Я выше был судьбы своей
И весь бледнел пред девою смиренной...
Где ж твой обет, сын праха и земли?
Светильник твой над бездной роковою?
Что ж мрачные твои гаданья прорекли?
Ты дышишь вновь любовь земною!

Она моя, она теперь со мною,
Неразделенное одно!
Ее рука с моей рукою,
Как крепкое с звеном звено!
Она мой путь, как вера, озарила.
Как дева рая и любви,
Она сказала мне отрадное «живи»
И раны сердца залечила!
Упал с души моей свинец,
Ты мне дала ключи земного рая —
Возьми кольцо, надень венец,
Пойдем вперед, сопутница младая!

Не с болию, но с радостью душевной
Прощаюсь я с тобой, листок родной.
Как быстрый взгляд, как мысли бег живой,
Из хижины убогой и смиренной
Лети туда, где был мой рай земной.

Ты был со мной, свидетель жизни мрачной
Изгнанника в суровой сей стране,
Где дни его в безвестной тишине
Текут волной то мутной, то прозрачной...
.....

Здесь берег мой, предел надежд, желаний,
Гигантских дум и суетных страстей;
Здесь новый свет, здесь нет на мне цепей,
И тихий мир в замену бед, страстей
Светлеет вновь, как день, в душе моей.

1829 (?)

Когда ты был младенцем в колыбели
И голосом невинным лепетал,
Кто жизни план младенцу начертал,
Назначил кто твой путь к опасной цели?
В объятиях кормилицы своей
Ты напрягал бессильные ручонки
И с криком разрывал, как цепь, свивальник
тонкий!
Кто первый смысл родил в златой душе твоей
О вольности и тяжести цепей?
В объятиях кормилицы твоей
Ты различал неволю от свободы...
И небо ясное любил...

1830 (?)

ДУМА

Шуми, шуми, Икаугун,
Твой шум глухой, однообразный
Слился в одно с толпою дум,
С мечтой печальной и бессвязной!

Далеко мой стремится взор
Через эти снежные вершины,
Гряды гранитных стен и гор,
На отдаленные равнины.

Кто их увидит, кто найдет?
Один орел под облаками...
Для нас здесь неба ясный свод
Закрит утесами, лесами.

Зачем же ты, пришлец, сменял
Свои прелестные долины
На дикий лес, громады скал,
На эти мрачные теснины?

Зачем оставил дом, детей,
Привет их, ласковые взоры
И непритворный смех друзей?
Зачем принес твой ропот в горы?

Не сам ли ты себе сказал,
Любуясь дикою природой:
«Средь этих гор, гранитных скал
Дышу я силой и свободой!»

Ты здесь нашел привет родной
И жизни хилой обновленье;
Ты сам воздвиг сей крест святой
В завет любви и примиренья!

Здесь всё в согласии с душой
Твоею мрачной, своевольной,
Здесь нет людей, ты сам с собой!
Чего ж желаешь, недовольный?

В вершинах гор гремит перун,
Прибрежных скал колебля своды...
Внизу шумит Икаугун,
Ревут его в утесах воды...

Зачем они кипят струей,
Куда, белея пеной снежной,
Как бурей взломанной стезей
Несут свой шум, разбег мятежный?

Спроси природу — где устав
Для сил надменных и свободы?
Они не знают наших прав, —
Здесь горы, каменные своды

И зимний лед их волю жмут,
С вершин гранитного Саяна

Они летят, они бегут
К брегам привольным океана!

Кто ж остановит вечный бег?
О, сколько власти, воли, силы
Себе присвоил человек,
Пришлец земли, жилец могилы!

Прости, ключ жизни, ключ святой,
С обетом мира и надежды
Пришлец прощается с тобой!
Сын рока, волей неизбежной

Он призван рано в мир страстей...
Прошли темничной жизни годы,
И эти каменные своды,
Во тьме две тысячи ночей
Легли свинцом в груди моей.

Текут вперед изгнания годы,
Всё те же солнце и луна,
Такая ж осень и весна,
Всё тот же гул от непогоды.

И та же книга прошлых лет,
В ней только прибыли страницы,
В умах всё тот же мрак и свет,
Но в драме жизни — жизни нет,
Предмет один, другие лица...

Прости ж, ключ жизни, ключ святой,
Твои я пил целебны воды

И снова жизнью и весной
Дышал, как юный сын природы!

Вдали от света, от людей
Здесь всё, как в родине моей,
Светлело южною зарею;
Забилось сердце веселей —
И в темной памяти моей
Минуты счастья прежних дней
Блеснули яркою чертою...

И всё вокруг меня цвело,
И думы гордые молчали,
И сон страстей изображали
Уста и бледное чело.

1840

ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА

Меня жалеть?.. О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело —
Есть жизни след, душевных сил печати!

Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил.

В моих руках протекшего страницы —
Он тайну в них грядущего мне вскрыл:
И, гость земли, я, с ней простясь, входил,
Как в дом родной, в *мои темницы!*

И жизнь страстей прошла, как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!

К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

Ноябрь 1842
С. Олонки

<К ДОЧЕРИ>

Мой милый друг, твой час пробил,
Твоя заря взошла для света;
Вдали — безвестной жизни мета
И трудный путь для слабых сил.
Теперь в твои святые годы
Явления чудные природы —
Блеск солнца в радужных лучах,
Светило ночи со звездами
В неизмеримых небесах,
Раскаты грома за горами,
Реки взволнованный поток,
Луга, покрытые цветами,
Огнем пылающий восток —
Зовут твой взор, твое вниманье,
Тревожат чувства и мечты;
Ты дышишь миром красоты,
И мир — твое очарованье!..

Твой век младенческий, как день,
Прошел, погас невозвратно;
В незрелой памяти, как тень,
Исчезнет жизни след счастливый.

Тебя вскормила в пеленах
Не грудь наемницы холодной —

На нежных матери руках,
Под властью кроткой и природной
Ты улыбаяся взросла.
Ты доли рабской не видала,
И сил души не подавляла
В тебе печальная нужда.
Отец, забывши суд людей,
Ночные думы, крест тяжелый,
Играл, как юноша веселый,
С тобой в кругу своих детей.
И луч безоблачной денницы
Сиял так свѣтло для тебя!
Ты знала только близ себя
Одни приветливые лица,
Не как изгнанника дитя,
Но как дитя отца-счастливец!

И ты узнаешь новый свет,
И ты, мой друг, людей увидишь;
Ты встретишь ласки и привет
И голос странный их услышишь.
Там вечный шумный маскарад,
В нем театральные наряды,
Во всем размер, во всем обряды,
На всё судейский строгий взгляд —
Ты не сочтешь смешной игрою,
Торговлей лжи, набором слов,
Поддельной, грубой мишурою
И бредом страждущих голов...
Нет, для тебя блеснит, алеет
И дышит мир еще весной,

Твой лик невинный не бледнеет,
И не сверкает взор враждой.

А я в твои молодые годы
Людей и света не видал...
Я много лет не знал свободы,
Одних товарищей я знал
В моем учебном заключеньи,
Где время шло, как день один,
Без жизни, красок и картин,
В желаньях, скуке и ученьи.
Там в книгах я людей и свет
Узнал. Но с волею мятежной,
Как видит бой вдали атлет,
В себе самом самонадежный,
Пустил чрез океан безбрежный
Челнок мой к цели роковой.
О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой...
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал;
Он взором пристани искал
И смело верил в провиденье;
Но гром ударил в тишине...
Как будто бы в ужасном сне,
На бреге диком и бесплодном,
Почти безлюдном и холодном,
Борьбой измученный пловец
Себя увидел как пришлец
Другого мира.

В свете новом,

Своекорыстном и суровом,
С полудня жизни обречен
Нести в молчаньи рабском он
Свой крест без слез, без укоризны;
И не видать своих друзей,
Своих родных, своей отчизны,
И все надежды юной жизни
Изгнать из памяти своей...
О, помню я моих судей,
Их смех торжественный, их лица,
Мрачнее стен моей темницы,
И их предательский вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
Твой ранний блеск, твои надежды
И жизнь цветущую принес, —
Что ж люди?»

С набожной мечтою
И с чистой верой — не искал
Я власти, силы над толпою;
Не удивленья, не похвал
От черни я бессильной ждал;
Я не был увлечен мечтою,
Что скажут люди — я не знал!

О добродетель! где ж непрочный
Твой гордый храм, твои жрецы,
Твои поклонники-слепцы
С обетом жизни непорочной?
Где мой кумир и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый и бесплодный?
Он для людей давно пропал,

Его никто не записал,
И человек к груди холодной
Тебя, как друга, не прижал! . .
Когда гром грянул над тобою —
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастье гордое чело
При слове *казни и темницы*
Могильной тенью повело. . .

Скажи, чем люди заплатили
Утрату сил, души урон,
И твой в болезнях тяжкий стон
Какою лаской облегчили?
Какою жертвой окупили
Они твой труд и подвиг твой?
Не ты ль, как мученик святой,
Молил изгнанья, как свободы?
В замену многих тяжких лет
Молил увидеть солнца свет
И не темниц, а неба своды?

И что ж от пламенных страстей,
Надежд, возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний.
В душе измученной твоей
Осталось?

Вера в провиденье,
Познание верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,

В болезнях сила и терпенье,
Всё та же воля как закон,
Давно прошедшего забвенье
И над могилой сладкий сон!

Вот, друг мой, книга пред тобою
Протекшего. Ты видишь в ней
Мою борьбу с людьми, с судьбою
И жизнь труда, терпенья и страстей.
Не видел я награды за терпенье,
И цели я желанной не достиг,
Не встретил я за труд мой одобренья,
Никто не знал, не видел слез моих.
С улыбкой я несу на сердце камень,
Никто, мой друг, его не приподнял,
Но странника везде одушевлял
Высоких дум, страстей заветный
пламень.

Печальный сон, но ясно вижу я,
Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спал под буркой у огня, —
Тогда я не горел к высокому любовьюю,
Высоких тайн постигнуть не алкал,
Не жал руки гонимому украдкой
И шепотом надежды сладкой
Жильцу темницы не вливал...
Но для слепца свет свыше просиял...
И всё, что мне казалось загадкой,
Упрек людей болезненный сказал...
И бог простил мне прежние ошибки,
Не для себя я в этом мире жил,

И людям жизнь я щедро раздарил...
Не злата их — я ждал одной улыбки.
И что ж они? Как парий, встретил я
Везде одни бледнеющие лица,
И брат и друг не смел узнать меня;
Но мне блистал прекрасный луч
денницы,
Как для других людей;
Я вопрошал у совести моей
Мою вину... она молчала,
И светлая заря в душе моей сияла!..

Бог видел всё... Он труд мой освятил...
Он мне детей как дар святой, заветный,
Как мысль, как цель, как мира ветвь
вручил!
Итак, мой друг, я волей безотчетной
И мысль и цель тебе передаю,
Тот знает их, кто знает жизнь мою.
Я эту жизнь провел не в ликованьи.
Ты видела, на розах ли я спал;
Шесть лет темничною заразою дышал
И двадцать лет в болезнях и в изгнаньи,
В трудах для вас, без меры, выше сил...
Не падаю, иду вперед с надеждой,
Что жизньню тревожной и мятежной
Я вашу жизнь и счастье оплатил...
Иди ж вперед, иди к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.

Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь, кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеил и рабством и позором.

Не верь любви ласкательным словам,
Ни дружества коварным увереньям,
Ни зависти бесчестным похвалам,
Ни гордости униженной — смиренью.
Не доверяй усердию рабов:
Предательство — потребность рабской
доли...

Не преклоняй главы для сильной воли,
Не расточай в толпе бесплодных слов...
Иди вперед... прощай другим пороки,
Пусть жизнь твоя примером будет им,
И делом ты и подвигом святым
Заставишь чтить и понимать уроки.
Ты мир пройдешь поросшею стезей,
Но не бледней пред тайной клеветою,
Не обличай пред наглою толпою
Борьбу души невольною слезой.
Будь выше ты бессмысленного мненья...
И люди, верь, прочтут с благоговеньем
В глазах твоих спасительный упрек...

Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней идти вперед;
Тебя не звук хвалы кимвальной ждет,
Но милость праведного бога!..

А. А. БЕСТУЖЕВ

Александр Александрович Бестужев — один из наиболее видных писателей-декабристов. Его отец А. Ф. Бестужев был человеком передовых взглядов и, по-видимому, материалистических убеждений. Вместе со своим другом, поэтом-радищевцем И. П. Пниным, в 1798 году он издавал радикальный «Санктпетербургский журнал». Заслуживает внимания редчайший в то время факт — женитьба дворянина А. Ф. Бестужева на малограмотной девушке из городских мещан. Четыре его сына — Николай, Александр, Михаил и Петр, воспитанные в традициях вольнолюбия и просвещения, стали декабристами.

А. А. Бестужев родился в 1797 году. Учился в Горном корпусе; не закончив курса, в 1816 году поступил на военную службу.

Литературная деятельность А. А. Бестужева началась в 1818 году. За первые четыре года он напечатал свыше тридцати переводов, критических статей, театральных рецензий, фельетонов. В начале 1820-х годов Бестужев принимал деятельное участие в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств», возглавлявшемся декабристом Ф. Н. Глинкой. В 1822 году

он познакомился с К. Ф. Рылеевым; очень скоро это знакомство перешло в тесную дружбу. В январе 1824 года Бестужев стал членом Северного общества. Его литературная деятельность в 1824—1825 годах была особенно интенсивна; он приобрел широкую известность как критик, глашатай революционного романтизма. В издававшемся им совместно с Рылеевым альманахе «Полярная звезда» печатались его повести и возбуждавшие большой интерес критические обзоры («Взгляд на старую и новую словесность в России», «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»).

В подготовке и осуществлении восстания 14 декабря Николай, Александр и Михаил Бестужевы приняли самое активное участие. После того как стало ясным крушение восстания, А. Бестужев в ночь на 15 декабря сам сдался властям. Из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости им было послано Николаю I письмо, в котором он писал о всеобщем «ропоте народа» и о настоятельной необходимости изменения общественного строя в России.

Следственная комиссия приговорила Бестужева к пятнадцати годам каторги. В 1826—1827 годах он был заключен в крепость «Форт Слава» в Финляндии; затем отправлен на поселение в Якутск; в 1829 году, по личному ходатайству, переведен солдатом на Кавказ, где надеялся храбростью заслужить офицерский чин и таким образом получить свободу.

В крепости, в ссылке и на Кавказе, в необычайно трудных условиях, Бестужев всецело отдался литературному творчеству. «Я сам начинаю признавать свое призвание, я чувствую, что в голове моей совершается мир», — писал он брату Николаю.

В 1830-х годах к А. Бестужеву пришла шумная слава беллетриста. После напечатания в 1830 году повести «Испытание» (за подписью А. М.) он под псевдонимом Марлинский (от названия дворца Марли в Петергофе, где в 1810-х годах стоял эскадрон Бестужева) опубликовал повести «Фрегат Надежда», «Лейтенант Белозор», «Аммалат-Бек», «Мулла-Нур» и др. Популярность Марлинского была недолговечной: «неистовый» романтизм его повестей, напряженность страстей, исключительность характеров и сюжетов, кавказская экзотика — уже в 1840-х годах перестали привлекать передовых читателей.

Бестужев-Марлинский погиб в зените славы. Несмотря на его необычайную известность как писателя, ему долго не удавалось выбиться из солдатчины. В 1836 году за храбрость он был наконец произведен в прапорщики, но вслед за тем переведен в самое опасное место — на Черноморское побережье Кавказа. Там, при взятии мыса Адлер, он был убит 7 июня 1837 года.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕРВОЙ САТИРЕ БУАЛО

Бегу от вас, бегу, петропольские стены,
Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
Куда бы не достиг коварства дикий взор
Или судей, писцов и сыщиков собор.
Куда бы ни хвостун, ни лжец не приближался,
Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался.
Бегу!.. Я вольности обрел златую нить.
Пусть здесь живет Дамон, — он здесь умеет
жить,

За деньги счастья нередким став примером,
Он из-за стойки в год возникнул кавалером.
Пусть Клит живет, — его коммерчески дела
Французов более нам причинили зла.
Иль Граблев, коего бесчинства, всем знакомы,
Ивана Каина могли б умножить томы.
Иль доблестный одной дебелостью Нарцисс
Пускай меняет здесь сиятельных Лаис.
Пусть к пагубе людей с друзьями записными
Понт счастье пригвоздил за картами своими.
Пусть Грей, любя одни российские рубли,
Катоном рядится отеческой земли
И с четками в руках твердит: «Чтоб жить
безбедно,

Нам щит — невежество, нам просвещенье
вредно».

Таким людям житье в продажной стороне.
Но мне здесь жить? К чему? И что здесь делать
мне?

Могу ль обманывать? Могу ли притворяться?
Нет! Чтоб возвыситься — постыдно пресмыкаться!
Свободен мыслями, хоть скованный судьбой,
Не променяюсь я за выгоды душой.
Не захочу, на крест иль чин имея виды,
Смывать забвением вельможные обиды
Иль продавать назло и вкусу и ушам
Тому, кто больше даст, стиховный фимиам!
Служить любовникам не ведаю искусства
И знатных услаждать изношенные чувства;
Я продаю товар, каков он есть, лицом:
Осла ослом зову, Бибриса — подлецом.
За то гоним, презрен, забыт в несчастной
доле,

Богат лишь бедностью, скитаюсь в Петропóле.
«Скажи, к чему теперь, — я слышу, говорят, —
Слиявшей мудрости цинический наряд?
Сей добродетели Обуховской больницы
Давно в помине нет у жителей столицы.
Высокомерие здесь — титул богачам,
А гибкость, рабство, лесть приличны беднякам.
Сим только способом бессребренны поэты
Исправить могут зло их мачехи-планеты».
Так! В наш железный век Фортуна-чародей
Творит директоров из глупых писарей.
Злорада, например, на смех, на диво свету
С запяток в пышную перенесла карету

*

И, золотым шитьем сменивши галуны,
Ввела и в честь и в знать умильностью жены.
Теперь он, пагубным гордясь законов знаньем,
Упитан грабленным соседей достояньем,
С сверкающих колес стихиею своей
Из милости грязнит достойнейших людей.
Меж тем как Персий наш пешком повсюду
рыщет

И обонянием чужих обедов ищет;
И, рад или не рад, нуждою предведом,
По дыму трубному спешит из дому в дом.
Конечно, русский Тит, в наградах
справедливый,

Вплетая в лавр побед дельфийские оливы,
Гордыню разгромив, с Европой бедных муз
Рукою благодати освободил от уз.
Меч превращается в Эрмиев жезл крылатый.
Наш Август царствует, — но где же Меценаты?
Опорой слабого кто обречется быть?
Притом возможно ли дорогу проложить
Сквозь тысячи писцов, искателей голодных,
Стихосплетателей похвал простонародных,
На коих без заслуг струится дождь щедрот:
Шмели у пчел всегда их расхищают сот.
Престанем же наград лелеять ожиданье, —
Без покровителей что значит дарованье?
Ужель не видим мы Боянов наших дней,
Влачащих жизнь свою без денег, без друзей,
Весной без обуви, а в зиму без шинели,
Бледнее схимников в конце страстной недели,
И получающих в награду всех трудов
Насмешки, купленны ценою их стихов,

На коих потеряв здоровье и именье,
Лишь в смерти зрят себе от бедности спасенье?
Иль, за долги в тюрьме простершись на досках,
Без хлеба в жизни сей, бессмертья ждут
в веках.

На авторов давно прошла у знатных мода,
И лучший здесь поэт, честь века и народа,
Вовек не будет чтим с шутами наравне.
«Ступай в подьячие, там счастье», — шепчут
мне.

Неужли должен я, наскучив Аполлоном,
Как прежде рифмами — теперь играть законом
И локтем обметать чернильные столы?
Как? Чтобы я, сменив корысть на похвалы,
В дедале крючкотворств бессмысленных блуждая
И звоном золота невинность заглушая,
Для сильных стал весы Фемиды уклонять,
По правде белое — по форме черным звать?
И в справках вековых, в сношениях напрасных
Бесстыдно волочить просителей несчастных?
Скорей, чем эта мысль мне в голову придет,
В июне месяце Неву покроет лед.
Скорей луна светить в подлунную престанет,
Вралев писать стихи, злословить Клит устанет,
И Трусова скорей увидят храбрецом,
Чем я решусь сидеть в палатах за столом.
Почто же медлить здесь? Оставим град
развратный,

Не добродетелью — лишь зданиями знатный,
Где дерзостный порок деяний всех вождем,
Заслуги с счастьем нейдут одним путем,
Коварство кроется в куреньях тонкой лести,

Где должно почести купить ценою чести,
Где под личиною закона изувер
В почтеньи, истину скрывая тьмой химер;
Где гнусные ханжи и набожны прелесты
Ниноны дух таят под покрывалом Весты,
Где роскоши одной не прегражден успех,
Науки ж, знание в презрении у всех
И где к их пагубе взнесли чело строптиво
Искусства: красть умно и угнетать учтиво,
Где незаконно всё — и мне велят молчать!
Но можно ли с душой холодной ободрять
Столичных жителей испорченные нравы?
И кто в улику им, путь указуя правый,
Не изольет свой гнев в бесхитростных стихах?
Нет! Чтоб сатирую вливать в порочных страх,
Не нужно кротких муз ждать вдохновенья
с неба, —

Гнев справедливости, конечно, стоит Феба.
«Потише, — вопиют, — вотще и остроты,
И град блестящих слов пред нами сыплешь ты.
Взойди на кафедру, шуми с профессорами
И стены усыпляй моральными речами.
Там — худо ль, хорошо ль — всё можно
говорить».

Так, мня грехи свои насмешками прикрыть,
Смеются многие над правдою и мною.
И, с ложным мужеством под ранней сединою,
Чтоб в бога веровать, ждут лихорадки в дом,
Но, бледны, трепетны, внимая дальний гром,
Скучают небесам безверными мольбами.
А в ясны дни, смеясь над бедными людьми,
«Терпите, — думают, — лишь было б нам легко:

Далеко до царя, до бога высоко!»
Но я, уверен быв, что для самой Фортуны
Хоть дремлют, но не спят каратели-перуны,
От развращения спешу себя спасти.
Роскошный Вавилон, в последнее: прости!

Февраль 1819

Судить самих себя архонтами засели;
В таланты жалуют, бессмертие дают;
А гениев у нас и куры не клюют!

Блаженны времена, украшенные вами,
Обильны славными ничтожества трудами.
Смотрите, радуйтесь, как в недре двух столц
Питомцы Фебовы и девяти сестриц,
В сомнамбулическом жару летя за славой,
Поправ пятою вкус, грамматику, ум здравый,
Стремятся гению неведомой стезей
На верх Парнасских гор бестрепетной стопой
И, там собравшись ревушею ватагой,
Бутят храм памяти измаранной бумагой!

О други! сам восторг мне речь сию внушил!
Он к подражанию в меня охоту влил.
Бросаю автора застенчивость меж нами:
Я стою равными венчаться похвалами —
Подобно вам, друзья, и я пишу стихи,
Чтоб рифмою прикрыть невежества грехи.
Мы в многом разнимся, но в главном очень

сходны:

И ваши, и мои творения негодны.
Лишь превращению благодаря в умах
Теперь плывете вы на полных парусах
В залив бессмертия, под флагами забвенья.
От вас жалеет мир о выдумке тисненья;
Журналы, зрители, чтецы трепещут вас...
Но дребезжащий мой слабеет хвальный глас!

Прославить может ли бесценных ряд
творений
Едва из скорлупы рождающийся гений?

Но, к ободрению ревнуя чуждых дел,
Для вашего венца я лавр сыскать хотел
И тщетно пробегал долины Геликона;
Там люди самого испорченного тона:
Державин, Дмитриев, Жуковский и Крылов.
Там автор Душеньки, там Карамзин,
Костров...
Давно уж вырвали не только лавры — розы,
Оставивши для вас репейник, плющ и лозы.

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

В темнице мрачной и глухой
Ночную позднюю порой
Лампада томная мелькает
И слабым светом озаряет
В углу темницы двух мужей:
Один во цвете юных дней;
Другой, окованный цепями,
Уже покрыт был сединами.
Зачем сей старец заключен
В твоих стенах, жилище страха?
Здесь век ли кончить присужден,
Или ему готова плаха?..
Не слышно вздохов на устах,
И в пламенных его очах
Божественный покой сияет.
То к небу взор он подымает,
То с нежной грустию глядит
На сына, полного печали,
И так в утеху говорит:

«В слезах довольно утопали
Твои глаза, друг добрый мой;
Пора расстаться мне с тобою
И Михайловой главою
Купить отечеству покой.

Всегда будь верен правде, чести
И, если хочешь, чтоб венец
Имел веселью твой отец,
Оставь врагов его без мести...»

На площади народ шумит
В столице хищных, злобных ханов,
России яростных тиранов;
Он с зверской радостью глядит
На труп, весь ранами покрытый.
Над ним, отчаяньем убитый,
Младой князь слезы горьки льет,
Свои власы, одежду рвет,
Татар, Узбека укоряет
И бога мести призывает...
Он внял ему, сей сильный бог,
Россиянам восстать помог
И снял с лица земли тиранов:
Их город стал жилищем вранов,
Иссохли злачные луга,
Ослабла в брани их рука,
И, пораженные слугами,
Они их сделались рабами.

< 1824 >

<ЭПИГРАММА НА ЖУКОВСКОГО>

Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял свой лавровый венец,
С указкой втерся во дворец;
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею...
Бедный певец!

1824

СААТЫРЬ

(Якутская баллада)

Не ветер вздыхает в ущелье горы,
Не камень слезится росой —
То плачет якут до полночной поры,
Склонясь над женой молодою.
Уж пятую зорю томится она,
Любви и веселья подруга,
Без капли воды, без целебного сна,
На жаркой постели недуга;
С румянцем ланит луч надежды погас,
Как ворон, над нею — погибели час.

Умолкните, чар и моления вой
И бубнов плачевные звуки! ^{1*}
С одра Саатырь поднялась головой,
Простерла поблеклые руки;
И так, как под снегом роптанье ручья,
Как звон колокольчика дальный, ²
Струится по воздуху голос ея.
Внемлите вы речи прощальной.

* Цифры отсылают к примечаниям автора в конце баллады. — *Ред.*

Священ для живых передсмертный завет:
У гробных дверей лицемерия нет!

«О други! Уйдет ли журавль от орла?
От пуль — быстроногие козы?
Коль смертная тень мне на сердце легла,
Прильют ли дыхания слезы?
О муж мой! Не плачь: нам судьба
изрекла

И в браке разлучную долю.
По воле твоей я доселе жила,
Исполни теперь мою волю:
Покой и завет нерушимо храня,
На горном холме схорони ты меня!

Не вешай мой гроб на лесной высоте³
Духам, непогодам забавой;
В родимой земле рой могилу ты мне
И кровлей замкни величавой.
Вот слово еще, роковое оно:
Едва я дышать перестану,
Сей перстень возьми и ступи в стремяно,
Отдай его князь Буйдукану.
Разгадки ж к тому не желай, не следи —
Тайна эта в моей погребется груди!..»

И смерть осенила больную крылом,
Сомкнулись тяжелые вежды;
Казалось, она забывается сном
В объятиях сладкой надежды;
С дыханием уст замирали слова,
И жизнь улетела со звуком:

Отринув стрелу, так звенит тетива,
Могучим расторгнута луком.
Родных порази́л изумляющий страх...
На сердце тоска, и слеза на очах.

Убрали. Поднизки подобием струй
Текут на богатые шубы.⁴
Но, грусти печать, от родных поцелуй
Не сходит на бледные губы;⁵
Лишь смело к одру подходил Буйдукан
Один и стопою незыбкой;
Он обнял ее, не смущен и румян,
И вышел с надменной улыбкой.
И чудилось им — Саатыри чело,
Как северным блеском, на миг рассветло!..

Наутро, где Лена меж башнями гор
Течет под завесой туманов
И ветер, будя истлевающий бор,
Качает гробами шаманов,⁶
При клике родных Саатырь принесли
В красивой колоде кедровой,⁷
И тихо разверстое лоно земли
Сомкнулось над жертвою новой.
И девы и жены, и старый и млад
В улус потекли, озираясь назад.

Вскипели котлы, задымилася кровь
Коней, украшения стада,
И брызжет кумыс от широких краев,
Он — счастья и горя услада;
И шумно кругом, упоенья кумир,
Аях пробегает бездонный;⁸

Уж вянет заря. Поминательный пир
Затих. У чувала⁹ склоненный
Круг сонных гостей возлежит недвижим,
Лишь в юрте, синяя, волнуется дым.

Осыпаны кудри цветных тальников
Росинками ночи осенней,
И вышита зелень холмов и лугов
Узором изменчивых теней;
Вот месяц над теменем сумрачных скал
Вспрянул кабаргой златорогой,
И луч одинокий по Лене упал
Виденьям блестящей дорогой:
По мхам, по тропам заповедных полян
Мелькают они сквозь прозрачный туман.

Что крикнул испуганный вран на скале,
Блеститель безмолвия ночи?
Что искрами сыплут и меркнут во мгле
Огнистые филина очи?
Не адский ли по лесу рыщет ездок
Заглохшей шаманскою тропкой?
Как бубен звуча, отражаемый скок
Гудит по окрестности робкой...
Вот кто-то примчался — он бледен лицом,
Как идол, стоит на холме гробовом.

И прынул на землю; удар топора
Раздвинул затвор над могилой,
И молвит он мертвой: «Подруга, пора!
Жених дожидается милой!
Воскресни для новых веселия дней,

Для жизни и счастья. Кони
Умчат нас далеко, и ветер степей
Завеет следы от погони.
Притворной кончиною вольная вновь,
Со мной ты найдешь и покой и любовь».

«Ты ль это? О милый! о князь Буйдукан!
Как вечно казалось мне время!
Как душно и страшно мне было! Обман
На сердце налег, будто бремя!..
Роса мне катилась слезами родных,
На ветре — их стон безотрадный!
И черви наместо перстней золотых
Вились — и так смело, так жадно!..
Вся кровь моя стынет... А близок ли путь?
О милый, согрей мне в объятиях грудь!»

И вот поцелуев таинственный звук
Под кровом могильной святыни,
И сладкие речи... Но вдруг и вокруг
Слетелися духи пустыни,
И трупы шаманов свились в хоровод,
Ударили в бубны и в чаши...¹⁰
Внимая, трепещут любовники. Вот
Им вóпят: «Вы наши, вы наши!
Не выдаст могила схороненный клад;
Преступников духи карают, казнят!»

И падают звезды, и прыщет огонь...
Испуганный адскою ловлей,
Храпит и кидается бешеный конь
На кровлю — и рухнула кровля!

Вдали огласился раздавленных стон...
Погибли. Но тень Саатыри
Доныне пугает изменчивых жен
По тундрам Восточной Сибири.
И ловчий, когда разливается тьма,
В боязни бежит рокового холма...

1828
Якутск

Примечания

Содержание этой баллады взято из якутской сказки. *Саатырь* — значит «игривая».

1. Якуты до сих пор не кинули обычая при болезнях призывать шаманов, которые гаданья, леченья и мольбы свои сопровождают воплями и звуками бубна (*дюжурь*).

2. Якутские узды нередко увешиваются позвонками.

3. В старину они вешали гробы свои на деревьях или ставили их на подрубленных пнях.

4. Серебряные украшения женские, сделанные довольно искусно из цепочек и пластинок, весьма широких.

5. Якуты боятся прикосновения к мертвым.

6. Шаманы более прочих пользовались правом воздушного погребения. Еще и теперь в диких местах можно видеть гробы их.

7. Колода, пустая в середине и расколота пополам, — якутский гроб.

8. *Аях* — огромный деревянный кубок; в него входит ведра полтора, но я видел удальцов, которые осушали его сразу. Прожорство якутов на праздниках (*исых*) невероятно: в моих глазах один из них выпил 30 фунтов растопленного масла.

9. *Чувал* — камин, очаг, он стоит посредине юрты, спинкою ко входу. Якуты не знают иных печей.

10. Суеверия всех народов сходны. Якуты верят, что колдуны их покидают ночью гробы свои, пляшут, бьют в бубны, стараются вредить живым и тому подобное.

ЧЕРЕП

Was grinstest du mir, hohler Schädel, hor?
Als dass dein Hirn, wie meines, einst verwirret,
Den leichten Tag gesucht und in der Dämmerung
Mit Lust nach Wahrheit jämmerlich geirret.
schwer,
*Goethe's Faust*¹

Кончины памятник безгробный!
Скиталец-череп, возвести:
В отраду ль сердцу ты повержен на пути
Или уму загадкой злобной?

Не ты ли — мост, не ты ли — первый след
По океану правды зыбкой?
Привет ли мне иль горестный завет
Мерзает под твоей ужасною улыбкой?

Где утаен твой заповедный ключ,
Замок бессмертных дум и тленья?
В тебе угас ответный луч,
Окрест меня туман сомненья.

¹ Что скалишь зубы на меня, пустой череп? Не хочешь ли сказать, что некогда твой мозг, подобно моему, в смятении искал радостных дней и в тяжких сумерках, жадно стремясь к истине, печально заблуждался? «Фауст» Гете (нем.). — Ред.

Ты жизнь кипел, как праздничный фиал,
Теперь лежишь разбитой урной;
Венок мышления увял,
И прах ума развеял вихорь бурный!

Здесь думы в творческой тиши
Роились, как звезды в поднебесной.
И молния страстей сверкала из души,
И радуга фантазии прелестной.

Здесь нежный слух вкушал воздушный
пир,
Восхищен звуков стройным хором;
Здесь отражался пышный мир,
Бездонным поглощенный взором.

Где ж знак твоих божественных страстей,
И сил, и замыслов, грань мира облетевших?
Здесь только след презрительных червей,
Храм запустения презревших!

Где ж доблести? Отдай мне гроба дань,
Познаний светлых темный вестник!
Ты ль бытия таинственная грань?
Иль дух мой — вечности ровесник?

Молчишь! Но мысль, как вдохновенный
сон,
Летает над своей покинутой отчизной,
И путник, в грустное мечтанье погружен,
Дарит тебя земле мирительною тризной,

ФИНЛЯНДИЯ

(А. А. З<акревско>му)

Я видел вас, граниты вековые,
Финляндии угрюмое чело,
Где юное творение впервые
Нетленную развалиной взошло.
Страхнув с рамен балтические воды,
Возникли вы, как остовы природы!

Там рыщет волк, от глаза свирепея,
На черепе там коршун точит клёв,
Печальный мох мерцает следом змея,
Трепещет ель пролетом облаков;
Туманы там — утесов неизменной
И дышат век прохлагою осенней.

Не смущены долины жизни шумом;
Истлением седеет дальний бор;
Уснула тень в величии угрюмом
На зеркале незыблемых озер;
И с крутизны в пустынные заливы,
Как радуги, бегут ключи игривы.

Там силой вод пробитые громады
Задвинули порогом пенный ад,

И в бездну их крутятся водопады,
Гремучие, как воюющий набат;
Им вторит гул, жилец пещеры дальней,
Как тяжкий млат по адской наковальне.

Я видел вас! Бушующее море
Вздыхалося в губительный потоп
И, мощное в неодолимом споре,
Дробилось о крепость ваших стоп;
Вам жаркие и влажные перуны
Нарезали чуть видимые руны.

Я понял их: на западе сияло
Светило дня, златя ступени скал,
И океан, как вечности зеркало,
Его огнем живительным пылал,
И древних гор заветные скрижали
Мне ливные пророчества роптали!

16 января 1829

ТОСТ

Вам, семейство милых братьий,
Вам, созвездие друзей,
Жар приветственных объятий
И цветы моих речей!
Вы со мной — и лед сомненья
Растопил отрадный луч,
И невольно песнопенья
Из души пробился ключ!
В благовонном дыме трубок,
Как звезда, несется кубок,
Влажной искрою горя
Жемчуга и янтаря;
В нем, играя и светлея,
Дышит пламень Прометея,
Как бессмертия заря!
Раздавайся ж, клик заздравный,
Благоденствие, живи
На Руси перводержавной,
В лоне правды и любви!
И слезами винограда
Из чистейшего сребра
Да прольется ей услада
Просвещенья и добра!

Гряньте в чашу звонкой чашей,
Небу взор и другу длань,
Вознесем беседы нашей
Умилительную дань!
Да не будет чужестранцем
Между нами бог ланит,
И улыбкой, и румянцем
Нас здоровье озарит;
И предмет всемирной ловли,
Счастье резвое, тайком
Да слетит на наши кровли
Сизокрылым голубком!
Чтоб мы грозные печали
Незаметно промечтали,
Возбуждаемы порой
На веселье и покой!
Да из нас пылает каждый,
Упитав наукой ум,
Вдохновительною жаждой
Правых дел и светлых дум,
Вечно страху неприступен,
Вечно златом неподкупен,
Безответно горделив
На прельстительный призыв!
Да украсят наши сабли,
Эту молнию побед,
Крови пламенные капли
И боев зубчатый след!
Но, подобно чаше пирной
В свежих розанах венца,
Будут искренностью мирной
Наши повиты сердца!

И в сердцах — восторга искры,
Умиления слеза,
И на доблесть чувства быстры,
И порочному — гроза!
Пусть любви могущий гений
Даст нам радости цветы
И перуны вдохновений
В поцелуе красоты!
Пусть он будет, вестник рая,
Нашей молодости брат,
В пламень жизни подливая
Свой бесценный аромат,
Чтобы с нектаром забвенья
В тихий час отдохновенья
Позабыть у милых ног
Меч, и кубок, и венок.

Февраль 1829

В ДЕНЬ ИМЕНИН АЛ. ИВ. М. . . . Й

Невольный гость в краю чужбины,
Забывший свет, забывший лесть,
Желал бы вам на именины
Цветов прелестнейших поднести:
Они — дыханию услада,
Они — веселие очей.
При них бы мне писать не надо
Вам поздравительных речей:
Желанье счастья без печали
В цветах вы сами б угадали...
Но, ах! якутская весна
Не зелена и не красна!
И здешний май, холодный, дикой,
Одной подснежною брусникой,
А не жасминами богат.
Природа спит, и в поле целом
Я разжился одним пострелом,
А я слышал, такой наряд
На именины не дарят.
Итак, по воле и неволе
Пришлось приняться за перо,
Хоть я забыл в угрюмой доле
Писать забавно и пестро.
Примите ж это благосклонно,

И в шуме праздничного дня
Не осудите вы меня
За мой привет простой и сонный.
В нем правда — каждая черта;
Притом же ваша доброта
По слуху, по сердцу и дома
И вчуже страннику знакома...
Когда про наши все грехи
Едва не пели петухи,
Когда решил собор соседов,
Что мы опасны, как чума,
Что мы без сердца, без ума,
Вы очень смирных людоедов
И обласкали, и нашли
В изгнанниках родной земли.
В краю зимы и дружбы зимной,
Поверьте, только вы одне,
Ваш разговор гостеприимный
Напоминал друзьям и мне
О незабвенной стороне.
О, будь же добродетель та же
И с нею брат ее — покой,
Как неизменный часовой,
У сердца вашего на страже.
Да никогда печали тень
Не хмурит тихий свет забавы,
И, проводив веселый день,
Поутру встанете вы здоровы.
Да будут ясны ваши сны,
Как небо южные весны,
И необманчивы надежды,
И перед вами все невежды

По крайней мере хоть скромны;
Совет подруги чист и верен,
Знакомых круг нелицемерен,
Неутомителен бостон,
Ни бальных скрипок рев и стон!
Когда ж на берега великой,
На берега моей Невы,
Покинув край морозов дикой,
Стрелюю полетите вы,
Да встретят путницу родные,
Беспечной юности друзья,
И все по сердцу не чужие,
И вся родимая семья
Благополучны и здоровы,
И пылки, и разлукой новы,
И смех, и радость, и расспрос,
И сладкий дождь свиданья слез!!
Зачем же, искра упования —
Дожить до сладкого свиданья, —
В груди моей погасла ты!
Но я ступил из-за черты
Сорокаверстного посланья.
И мне, и вам унять пора
Болтливость моего пера,
Но знайте это всё с начала
По пунктам истина скрепляла,
Хоть неподкупна и строга;
Тут не сплетал из лести кружев
Ваш всепокорнейший слуга
Пустынник Александр Бестужев.

16 мая 1829
Якутск

ШЕБУТУЙ

(ВОДОПАД СТАНОВОГО ХРЕБТА)

Стенай, шуми, поток пустынный,
Неизмеримый Шебутуй,
Сверкай от высоты стремнинной
И кудри пенные волнуй!

Туманы, тучи и метели
На лоне тающих громад,
В гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поят.

Но, пробужденный, ты, затворы
Льдяных пелен преодолев,
Играя, скачешь с гор на горы,
Как на ловитве юный лев.

Как летопад из вечной урны,
Как неба звездомлечный путь,
Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую грудь;

И над тобой краса природы,
Блестя, как райской птицы хвост,

Склоняет радужные своды
Полувоздушных перлов мост.

Орел на громовой дороге
Купает в радуге крыле,
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зёркальной скале.

А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрей,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустию теней.

Катись под роковую силой,
Неукротимый Шебутуй!
Твое роптанье — голос милой;
Твой ливень — братний поцелуй!

Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль —
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль. . .

Тебе подобно, гордый, шумный,
От высоты родимых скал
Влекомый страстию безумной,
Я в бездну гибели упал!

Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!

О, жребий! если в этой жизни
Не знать мне радости венца —
Хоть поздней памятью обрызни
Могилу тихую певца.

Май 1829

ЧАСЫ

И дум, и дел земных цари,
Часы, ваш лик сияет страшен,
В короне пламенной зари,
На высоте могучих башен,
И взор блюстительный в медь
Горит, неотразимо верный,
И сердце времени в бесчувственной груди
Чуть зыблется приливом силы мерной.
Оживлены чугуною стрелой
На вас таинственные роки,
И оглашает вещей бой
Земле небесные уроки.
Но блеск, но голос ваш для ветреных племен
Звучит и озаряет даром,
Подобно молнии неведомых письмен,
Начертанных пред Валтасаром.
«Летучее мгновение лови, —
Поет любимцу голос лести, —
В нем золото и ароматы чести,
Последний пир, свидания любви
И наслажденья тайной мести».
И в думе нет, что упований прах
Дыханье времени уносит,
Что каждый маятника взмах
Цветы неверной жизни косит.

Заботно времени шаги считает он
И бой, к веселию призывный;
Еще не смолк металла звон,
А где же ты, мечты поклонник дивный?
Окован ли безбрежный океан
Венцом валов — минутной пеной?
Детям ли дней дался победный сан
Над волей века неизменной?
Безумен клик «хочу — могу».
Вознес Наполеон строптивую десницу,
Сдержать мечтая на бегу
Стремимую веками колесницу...
Она промчалась! Где ж твой меч,
Где прах твой, полубог гордыни?
Твоя молва — оркан пустыни,
Твой след — поля напрасных сеч.
Возникли светлые народов поколенья
И внемлют о тебе сомнительную речь
С улыбкой хладного презренья.

СОН

Зачем зарницею без гула
Исчезла ты, любви пора,
И птичкой юность упорхнула
В невозвратимое «вчера»?
Давно ль на юношу, давно ли,
Обетом счастья горя,
Цветами радости и воли
Дожила светлая заря?
Давно ль с родимого порога
Сманила жизнь на пышный пир
И, как безграничная дорога,
Передо мной открылся мир?
И случай, преклоняя темя,
Держал мне золотое стремя,
И, гордо бросив повод,а,
Я поскакал туда, туда! . .
Летим — сорвал бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы,
И брызжут пламенем подковы,
Гремя о плиты и гробы.
Я обезумел, воздух свищет —
Всё вдаль и вдаль, надежда прочь.
И вот на нас упала ночь,
И под скалою бездна прыщёт,

Над головой расшибся гром,
И конь, и всадник, прынув с края,
Кусты и глыбы отрывая,
В пучину ринулись кольцом.
Замлело сердце! Вихрь кончины
Мне обуял и взор, и ум.
Раздавлен на берегу пучины,
Едва я слышу рев и шум.
Вот набегают грозно, жадно
За валом вал наперерыв;
Уж мой отчаянный призыв
Стихает, залит пеной холодной...
И вдруг с утеса на утес,
Как зверь, поток меня понес.

.....
Очнулся я от страшной грезы,
Но всё душа тоски полна,
И мнилось, гнут меня железы
К веслу убогого челна.
Вдаль отуманенным потоком,
Меж сокрушающихся льдин,
Заботно озираясь оком,
Плыву я грустен и один.
На чуждом небе тьма ночная;
Как сон, бежит далекий брег,
И, шуму жизни чуть внимая,
Стремлю туда невольный бег,
Где вечен лед, и вечны тучи,
И вечносеемая мгла,
Где жизнь, зачахнув, умерла
Среди пустынь и тундр зыбучик,
Где небо, степь и лоно вод

В безрадостный слияны свод,
Где в пустоте блуждают взоры
И даже нет стопе опоры!
Плыву. На тихом сердце хлад,
Дремотой лени тяжки вежды,
И звезды искрами надежды
В угрюмом небе не горят.
Забвенья ток меня лелеет,
Мечта уснула над веслом,
И время в тихий парус веет
Своим мирительным крылом.
Всё мертво у меня кругом. . .
И близко бездна океана
Белеет саваном тумана.

ОЖИВЛЕНИЕ

Чуть крылатая весна
Радостью повеет,
Оживает старина,
Сердце молодеет;
Присмирелые мечты
Рвут долой оковы,
Словно юные цветы
Рядятся в обновы,
И любви златые сны,
Осеняя вежды,
Вновь и вновь озарены
Радугой надежды.

1829

ДОЖДЬ

Провиденья перст незримый,
Облаков летучих вождь,
Ниве, жаждою томимой,
Посылает шумный дождь.
Звучно, благостью обильный,
Брызнул ток живой воды,
Освежая злаки пыльны
И замершие плоды.
Вот и радуга завета
Капли светлые зажгла:
То улыбка бога света —
Сень бессмертного чела.

1829

К ОБЛАКУ

Куда столь быстро и легко,
И гордо, и прелестно,
Ты пролетаешь, облачко,
Скиталец поднебесный?

Земли бездомное дитя,
Игралище погоды,
Напрасно, радугой блестя,
Ты, радостью природы!

Завоет вихрь, взметая прах, —
И ты из лона звездна
Дождем растаешь на степях
Бесславно, бесполезно!..

Блести, лети на ветерке
Подобно нашей доле —
И я погибну вдалеке
От родины и воли!

1829

РАЗЛУКА

О дева, дева,
Звучит труба!
Румянцем гнева
Горит судьба!
Уж сердце к бою
Замкнула сталь,
Передо мною
Разлуки даль.
Но всюду, всюду,
Вблизи, вдали,
Не позабуду
Родной земли;
И вечно-вечно —
Клянусь, сулю! —
Моей сердечной
Не разлюблю.
Ни день истомы,
И страх, и месть,
Ни битвы громы,
Ни славы лесть,

Ни кубок пенный,
Ни шумный хор,
Ни девы пленной
Манящий взор...

.....

1829
Якутск

ОСЕНЬ

Пал туман на море синее,
Листопада первенец,
И горит в алмазах инея
Гор безлиственный венец.

Тяжко ходят волны хладные,
Буйно ветер шумит крылом.
Только вьются чайки жадные
На помории пустом.

Только блещет за туманами,
Как созвездие морей,
Над сыпучими полянами
Стая поздних лебедей.

Только с хищностью упорною
Их медлительный отлет
Над твердынею подзорною
Дикий беркут стережет.

Всё безжизненно, безрадостно
В померкающей дали,
Но страдальцу как-то сладостно
Увядание земли.

Как осеннее дыхание
Красоту с ее чела,
Так с души моей сияние
Длань судьбины сорвала.

В полдень сумраки вечерние —
Взору томному покой,
Общей грустью тупит терние
Память родины святой!

Вей же песней усыпительной,
Перелетная метель,
Хлад забвения мирительный,
Сердца тлеющего цель!

Между мною и любимого
Безнадежное «прости!»
Не призвать невозвратимого,
Дважды сердцу не цвести.

Хоть порой улыбка нежная
Озарит мои черты,
Это — радуга наснежная
На могильные цветы!

<1831>
Дагестан

**ПРИПИСКА К БОГАТОМУ НАДГРОБИЮ
В БЕДНОСТИ УМЕРШЕГО ПОЭТА**

Не спас от нищеты полет орлиных крил,
 Ни песней дар, ни сердца пламень!
Жестокие! У вас он хлеба лишь просил,
 Вы дали — камень.

<1831>

ЭПИГРАММА

Люблю я критика Василья —
Он не хватает с неба звезд.
Потеха мне его усилья
Могущих дум замедлить рост:
Вороне мил павлиний хвост,
Но страшны соколины крылья!

<1831>

<ИЗ ПОВЕСТИ «АММАЛАТ-БЕК»>

I

<СТАРИННАЯ ПЕСНЯ КАБАРДИНЦЕВ>

На Казбек слетелись тучи,
Словно горные орлы...
Им навстречу, на скалы
Уздней отряд летучий
Выше, выше, круче, круче
Скачет, русскими разбит:
След их кровию кипит.

На хвостах полки погони;
Занесен и штык, и меч;
Смертью сеется картечь...
Нет спасенья в силе, в броне...
«Бёгу, бёгу, кони, кони!»
Пали вы, — а далека
Крепость горного леска!¹

¹ Редко случались примеры, чтобы мы стрелками своими могли выжить горцев из лесу, и потому лес считают они лучшею крепостью. Вся песня переведена почти слово в слово.

Сердце наших — русским мета...
На колена пал мулла —
И молитва, как стрела,
До пророка Магомета,
В море света, в небо света,
Полетела, понеслась:
«Иль-Алла, не выдай нас!»
Нет спасенья ниоткуда!
Вдруг, по манию небес,
Зашумел далекий лес:
Веет, плещет, катит грудой,
Ниже, ближе, чудо, чудо!..
Мусульмане спасены
Средь лесистой крутизны!

2

СМЕРТНЫЕ ПЕСНИ <КАБАРДИНЦЕВ>

Х о р

Слава нам, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!

П о л у х о р

Плачьте, красавицы, в горном ауле,
Правьте поминки по нас:
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.

Здесь не цевница к ночному покою —
Нас убаюкает гром;

Очи не милая черной косою —
Ворон закроет крылом!
Дети, забудьте отцовский обычай:
Он не потешит вас русской добычей!

Второй полухор
Девы, не плачьте; ваши сестрицы,
Гурии, светлой голпой,
К смелым склоняя солнцы-зеницы,
В рай увлекут за собой.

Братья, вы нас поминайте за чашей:
Вольная смерть нам бесславия краше!

Первый полухор
Шумен, но краток вешний ключ!
Светел, но где он — зарницы луч?
Мать моя, звезда души,
Спать ложись, огонь туши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди;
Издадека, издадека
Сына ужинать не жди.

Не ищи его, родная,
По скалам и по долам;
Спит он... ложе — пыль степная,
Меч и сердце пополам!

Второй полухор
Не плачь, о мать! Твоей любовью
Мне билось сердце высоко,

И в нем кипело львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной воле
Удалый сын не изменял:
Он в грозной битве, в чуждом поле,
Постигнут Азраилом, пал.
Но кровь моя на радость краю
Нетленным цветом будет цвезть,
Я детям славу завещаю,
А братьям — гибельную мезть!

Х о р

О братья! Творите молитву;
С кинжалами ринемся в битву!
Ломай их о русскую грудь...
По трупам бесстрашного пути!
Слава нам, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!

**<ЭПИГРАФ К ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
РЕДАКЦИИ 3-й ГЛАВЫ ПОВЕСТИ
«АММАЛАТ-БЕК»>**

Под рукою изобилья
Каплет негой виноград.
Ветки веют, словно крылья,
Воды песнию звучат.
Гор венцы пылают златом,
Ветер шепчет ароматом
Сердцу путника: «Живи
Для природы и любви».

1831

ПОЭТАМ
АРХИПЕЛАГА НЕЛЕПОСТЕЙ
В МОРЕ ПУСТОЗВУЧНЯ

Печальной музы кавалеры!
Признайтесь: только стопы вы
Обули в новые размеры,
Не убирая головы!

И рады, что нашли возможность,
На разум века не смотря,
Свою распухлую ничтожность
Прикрыть цветами словаря!

1831 (?)

ОТВЕТ

Литература наша — сетка
На ловлю иноморских рыб;
Чужих яиц она насадка;
То ранний плод, то поздний гриб;
Чужой хандры, чужого смеха
Всеповторяющее эхо!

1831 (?)

Я за морем синим, за синею далью
Сердце свое схоронил.
Я тоской о былом, ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимою сталью,
Грудь от людей заградил.

И крепок мой сон. Не разбит, не расколот
Щит мой. Но в мраке ночей
Мнится порой, расступился мой холод,
И снова я ожил, и снова я молод
Взглядом прелестных очей.

1834

АНДРЕЙ, КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ

Повесть

Действие происходит вблизи надунайского Переяславля или в самом городе и занимает пять дней времени.

Происшествия каждого дня составляют главу.

Глава первая

П У Т Ь

Как взор любви или обеты славы,
Пленительна святая старина,
Прапрадедов деянья величавы,
И гихий быт и грозная война!
Призыв ее чарующий внимая,
Душа гулит, как арфа золотая!
Минувшее встекает предо мной,
Объятым наяву мечтой дремотной:
Богатыри медлительной стопой
Мимо идут в осанке беззаботной.
Я знаю вас, питомцы древних лет!
На вас горит бытописаний след.

Не раз меня мечта моя носила
В край Галича, на рóскошный Дунай. . .

Святслава честь и царство Даниила —
О, северным мечом добытый край! —
В полях твоих мне чудилися деды,
Их браней гул и шумные победы,
Но впили кровь и славу их поля,
Их доблести развеяла чужбина;
И, русского хвалой не веселя,
Родных певцов безмолвствует дружина!
Но луч упал, раздался рокот струн —
Как по небу далекому перун! . .

1

Пылая зноем, полдень сонный
Лежал над Русию Червонной.
Прильнула тень к подножью скал
Уединенного Карпата;
На речке лебедь задремал,
Несом волной живого злата,
И под огнем полдневных стрел
Путь византийский опустел.
Склоняясь влево над потоком
С нагория к Дунаю, он
Идет в величьи одиноком
От дальних Киева сторон.
Но что за путник над курганом,
Склоняясь на боевой топор,
Плечо под буркою с колчаном,
На тихий путь наводит взор?
Кто сей другой. . .
К земле приникнув головою?
Быть может, обоих ловцов

Поутру выманила травля
Из ближних стен Переяславля?
Но с ними нет ни соколов,
Ни ловчих псов; их дики взгляды,
На них не русские наряды:
В полукафтанных до колен,
В зеленых туфлях, в шапках черных,
И сабли кочевых племен,
Ножи на поясах наборных...
То цвет разбоя и войны,
То грозных половцев сыны.

2

Первый половец
Что, видно ль?

Второй половец
Никого не видно...
Спокойна по дороге пыль,
И не шелóхнется ковыль,
Всё спит.

Первый
Досадно и обидно;
Мы даром более трех дней
Отлучены своих степей
И милых таборов. Не я ли
Тебе предсказывал, Топаз,
Что в этой незнакомой дали
Добыча трудная для нас;
В охрану путников чужбины,

Славян и Греции гостей,
Дает воителей дружины
Князь Переяславский Андрей.
Не лучше ль, знамена любые
Избрав, с толпою красных жен
Катить палатки боевые
За Днепр или за тихий Дон?

Второй

Где ж видел ты орлов дубравы
К добыче стаями полет?
Да и на Русь открыт нам след
Не для добычи, а для славы:
Затем, что к золоту ключи
У ней — двуострые мечи.
Нам дорог стал в глуши бесследной
С детьми Олега бой победный!
Из них отважнейший Всеволод,
Засев на киевском престоле,
С князьями, с нами драться рад
И в городах, и в чистом поле.
А Поволжья стороны
В обиду половцам едва ли
Князь-Володимира сыны
Дадут; мы это испытали
В несчастьи Глебовской войны.
Здесь то ли дело! Край обильный,
Народ ленив, народ богат,
И по дороге вечно пыльной
Гостей и денег перекат.
Поверь, Кончак, пора наступит:
Мы отобьем, что слабый купит.

К о н ч а к

Надежды — в небе журавли,
 Я их сменяю на синицу;
 Мне гор жемчужных не сули,
 А только в руки дай златницу.

Т о п а з

Терпенье в грабеже, в бою
 Нужней отваги молодецкой;
 Я первый раз не узнаю
 В тебе привычки половецкой!
 Ужели, в гриднице княжой
 Полгода выслуга из неги,
 Ты скучил волей кочевой,
 Ты разлюбил свои набег?
 И степь раздольную сменил
 На душность города могил?

К о н ч а к

Топаз! Сомнение напрасно!
 На древней русской стороне
 Всего довольно, всё прекрасно,
 Да не по сердцу что-то мне.
 На их пиры, на их моления,
 Дивясь причудам, я глядел,
 И разгадать я не умел
 У них к разбойникам презренья,

Т о п а з

Позора этого вина —
 Ленивых душ пустые толки.

Зачем же ко́ней режут волки?
Зачем же беркут бьет овна?
Зачем всему владыка — сила
И только воля ей закон?
Пуškai нам платят Днепр и Дон,
Когда нас брань усыновила!

К о н ч а к

У них один грабеж — война.

Т о п а з

Глупцы! Как будто знамена
Их совесть с правдой освежают!
Не те ль опасности и кровь,
Не та ли ж к выгоде любовь —
Разбой и битвы украшают?
Когда же выпадет и нам
Вернуться к родовым шатрам
С добычей золота богатой, —
Сберется любопытный стан
Вкруг нашей кровли полосатой,
Сам на поклон приедет хан...
И загремят веселья чаши
Хвалу счастливым удальцам,
И гордо станут девы наши
Добро показывать гостям:
Ковры, блестящие монисты,
Насечку дивную броней,
Сафьян и черных соболей,
И узорочья серебристы!..
Кто спросит, где они взяты?
Арканами иль на щиты?..

Воображением носимый,
 Предвидит половец возврат,
 Приветливость семьи родимой
 И лепетанье половчат.
 Жены любезной клик он внемлет,
 Ее дарит, ее объемлет;
 Малютка, сын его, кругом
 На сабле прядает верхом,
 В нем тает сердце ретивое,
 Течет поток неслышных слез...
 Очнулся он... Дремал утес,
 И всё окрестное в покое.

Т о п а з

Чу! звон копыт! Вставай, Кончак!
 Нам будет выгодное дело,
 Готовь разрывчатый сайдак.
 Ты видишь: русский едет смело!

К о н ч а к

Как жар под золотом броня,
 Как мак расцвел шелом хвостатый;
 Один убор его коня
 Нам будет славною заплатой.

Т о п а з

Не позабудь и крепость плеч,
 Не позабудь булатный меч!

К о н ч а к

Клянусь мечом, домой поскачет
 Не празден удалой бегун!

Или жена меня оплачет
И волк разгонит мой табун!

Т о п а з

Метнем-ка жеребий: не мне ли
И первый бой, и главный пай?
Смотри: златницы полетели,
Падут... упали... выбирай:
Лицом копьё или решетка?

К о н ч а к

Постой... решетка.

Т о п а з

Угадал,
Перед тобой твоя находка!

К о н ч а к

Дождался я, чего желал.

Т о п а з

Знай, если путник на долине
Не отдохнет в полдневный жар,
Мы из-за камня в той стремнине
Внезапный совершим удар.
Пора!..

Исчезли. Высь кургана
Пустая днем озарена,
Незыблемы верхи бурьяна,

По холмам сон и тишина, —
И мнилось, древняя могила
Сынов разбоя поглотила.

5

И вот, где Лебедем-рекой
Охвачен круто лес дубовый,
Съезжает витязь молодой,
И бросил повода шелковы,
Пленен пустынною красой.
Хребта Карпатского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер,
Развитый по низу долины;
И вдаль, прелестен, одиноч,
Змеился Лебеда поток;
В него плакучие березы
Роняли утренние слезы,
И под наклон младых ракич,
Под сеннолиственные ивы
Поток задумчивый катит
Невидимо струи ленивы;
То померкая, то порой
Лучом изменчивым сверкая,
Он, точно лента голубая,
Подернут битью золотой,
И яр песок по оба края
Лежит перловой бахромой.

И грустно видит сей воитель:
 С холма отшельников обитель
 В струях глядится; но она
 Разрушена, попалена
 И опустела от набегов
 Неукротимых печенегов.
 Вот с утомленного коня
 Спрянул, кольчугою звеня;
 Копье, и щит, и меч тяжелый
 Слагает на луку седла.

Кругом бредучею стопою
 Развалины обходит он;
 Их дикий плющ со всех сторон
 Облек узорной пеленою,
 И сводов гордое чело
 Травой и мохом поросло.
 Везде видна печать пожара,
 Везде река его текла:
 Здесь токи меди и стекла,
 Там своды треснули от жара,
 Глав нет; к отверстым небесам,
 Как благовонное кадило,
 Шиповник льет свой фимиам,
 И веет ветер легкокрылый
 По онемевшим алтарям, —
 И там, где благовест моленья
 Будил далекие селенья,
 Всё тихо, благодатный гул
 Навек в развалинах уснул.

Вступает витязь на кладбище,
Усопших братий пепелище;
Объят неведомой тоской,
Он сел на камень гробовой,
Повел задумчивые взгляды
Вдоль полурухнувшей ограды,
И так, опершись на меч,
С самим собой заводит речь:
«О время, ангел истребленья
Деяний, зданий старины!
Хоронишь ты в степи забвенья
Великих мира и войны;
И лишь случайно, лишь украдкой
Одно из тысячи имен,
Обломок на пути времен,
Покрытый басенной догадкой,
Векует метою племен.
Как звон трубы, стихает слава,
Как башня, падает держава,
И я...» Домолвить он не мог,
Волнует грудь зловещий вздох,
Упали долу взоры ясны;
И видит он, в траве, в пыли,
Забывтый череп на земли,
И, обновленья сын прекрасный,
Небес летающий цветок,
Над ним порхает мотылек!..

Как путнику по ночи хладной
 Сквозь полог дожденосных туч
 Блистает первый солнца луч,
 Даря надеждою отрадной, —
 Так, убежденьем озарен,
 В душе своей мечтает он:
 «На свете нет уничтоженья;
 Везде истления звено
 Рукой святого провиденья
 С перерожденьем сцеплено!
 В цвету, конечно, тлен таится,
 Но в тленных зернах спеет плод,
 И небо рóсу им лиет;
 И жизнь, и смерть потоком вод
 На лоно вечности катится.
 Упали стены — грозный след
 Людей и времени побед;
 Промчалось гибельное пламя
 По сводам тихого жилья...
 Но веет обновленья знамя
 Над ними веткой былия,
 И, корнем плíту разрывая,
 Взбегает ясень молодая...

Так рано ль, поздно ли с коня
 Сорвет кончина и меня;
 В сосновые оденет латы,
 В могильный уберет шелом

И подземельные палаты
Задвинет каменным щитом,
И слава имени Романа,
Как с дальних гор венец тумана,
Растает, высохнет росой! . .
Но, как на башне дуб зеленый,
Как цвет над мертвой головой,
Я расцвету, и славы брентюй
Покинуть прах не захочу;
Подобно чистому лучу,
Купаясь в наслажденьях новых,
На ясных крыльях мотыльковых
Прочь улетит душа моя
В семинебесные края!»
Встал витязь, хладною струею
Лицо горящее омыл;
Потом заботливой рукою
Коня из шлема напоил;
Уздечку снял, и конь на воле
Муравку щиплет в чистом поле.
И вот, склонясь перед мечом,
Творит обычные молитвы.
И сладостно вкусил потом
Добычу утренней ловитвы;
И на роскошную траву
В тени черемхи благовонной
Отягощенную главу
Склонил воитель утомленный. . .
И на нее слетают сны
Под шум ключей, под стук желны.

Проснись! Убийца над тобой
 Неслышной медяницей вьется,
 Сверкает сталью роковой!..

К о н ч а к

Он крепко спит!

Т о п а з

И не проснется!
 Однако ты, храня доспех,
 Руби по шее обнаженной:
 Ценней и соболиный мех,
 Нигде стрелами не пронзенный.
 Не промахнись, товариш мой,
 На похвальбу родному краю;
 А я поспешною рукой
 Коня боярского поймаю!

Вскипело сердце Кончака:
 Он, блеском золота плененный,
 Подобно волку, в два прыжка
 Достигнул жертвы усыпленной.

11

А между тем в зловещем сне
 Роман несется на коне
 В одежде легкой зверолова:
 Один в заповедных лугах
 Он травит буйвола княжого;
 Уходит зверь в его глазах,

Копьем добытое добро,
Младые войны печально
Колчаном делят серебро.
И близ него, перед шатрами,
Любитель браней и забав,
Ликует с смелыми вождями
Князь Новагорода Мстислав;
Друзья Романа, как чужие,
Сидят, не изменив лица,
И меду чаши круговые
Обносят мимо пришлеца.
Но вот с насмешливой улыбкой
Мстислав, бледнея, восстает
И витязю рукою зыбкой
Заздравный кубок подает.
«Пей! — молвит он, — за дружбу нашу,
За неизменную любовь!
За брата Всеволода вновь!»
Роман взглянул в златую чашу,
В ней кровь кипит, а не вино.
Вдруг гром ударил сквозь тумана
В чернозлатое знаменó,
И с треском рухнуло оно
На изумленного Романа!
По холмам грянул грозный клик,
Как воет бор, как плещет море,
Дружины вóпят: «Горе! горе!»

13

Роман испуганный возник,
Опасность видит и с размаха

Навстречу кинулся без страха.
Схватились — прочь летит топор;
Плечо в плечо, нога с ногою,
Как два потока вешних гор,
Они сливаются борьбою.

Меж тем, покинув бегуна,
Спешит Топаз на бой неравный;
Уже стрела наведена,
Грозя погибелью бесславной...
Прочь, витязь! иль тройную сталь
Она ломает, как хрусталь!
Внимай! рога у лука взвыли,
Ударом тетива звучит,
Стрела пернатая свистит...
Кому-то пасть судьбы судили?..
Падет, падут, как град в грозу:
Вверху Роман, Кончак внизу.
Стрела на ветре изменила
Неотразимый свой полет
И в грудь собрату угодила;
Топаз пустился на уход.
Меж тем избавленный ошибкой,
Над умирающим склонен,
Внимает с мрачною улыбкой
Разбойника тяжелый стон.
И в сердце жалость проникает,
Он хочет павшему помочь...
Напрасно! Взор его смыкает
Нерассветающая ночь...
Долину витязь покидает.

<.....> .

Всходила туча громовая
 Над тихой Галича страной,
 И закипел поток Дуная
 Под Переяславской стеной.
 Как бранный щит, в крови омытый,
 Запало в тень светило дня,
 И одичалые граниты
 Вдали сверкают без огня.
 Олень, испуган крыльев шумом,
 Прянул с перуновой скалы,
 И на челе ее угрюмом
 Слетелись горные орлы;
 Бушует бор, ущелье воет,
 И вихорь цепь Карпата рвет,
 И гром катится вдалеке.
 Но вот ярящимся Дунаем,
 То видим, то опять скрываем,
 Ловец плывет на челноке.
 Белеет парус одинокой,
 Как лебединое крыло,
 И грустен путник ясноокой;
 У ног колчан, в руке весло.
 Но с беззаботною улыбкой,
 Летучей пеной орошен,
 Бестрепетно во влаге зыбкой

Порывом бури мчится он,
И внемлет приберег окольный
Напевам песни произвольной:

16

Песня

Покатись, попутный вал,
Заиграй, мое ветрило:
Я на ловле опоздал,
Не увижу Лады милой.

Стонет сизая волна
На раздолии широком:
Видно, милая грустна
В пышном тереме высоком!

Воздух, бурею дыша,
Носит капли дождевые:
Знать, поплакала душа,
Знать, жуют ее родные!

Только выйди на лужок
Мыться утренней росой;
Упаду, как голубок,
Перед девицей-красой!

Улетит любви гроза
С неба радостных свиданий,

И с ланит сойдет слеза
От пленительных лобзаний!

Счастья выглянет цветок. . .
Вал, играй, лети, челнок!

17

Безумный! Черпает ладья.
Пловец! Руби свое ветрило:
Пусть колыбель тебе — ладья,
Но бездна может быть могилой.
Скрей! . . Уж поздно — заплескал
Над челном белогривый вал. . .
Прости, веселие столицы,
Любовь родных, друзей, мечты
И Лады светлые зеницы!
Еще простите! . . Гибнешь ты!
В тумане город, брег далеко. . .

Летит ездок во весь опор.
Достигнув берега Дуная,
Презрев утесистую круть,
Коня уздою понуждая,
Он скачет в глубину прыгнуть.
Вотще! уперся конь ретивый,
Храпит, крутится на дыбы,
Но дерзок витязь — несчастливой
Не миновать ему судьбы;
Ездок все силы напрягает,
Стремит — и, снова поскакав,

С утеса падает стремглав
И шумно в брызгах исчезает.

18

Где? где? потоком унесен,
Возник он, бронею сверкая,
И вдаль плывет на тихий стон,
Со шлема влагу отрясая;
Перун окрестность озарил.
Он там, он юношу схватил
И вспять! Под ношею двойною
Погрузнув, добрый конь хрипит,
Валы ревут над головою,
Вода в ушах его журчит;
Над ним летают смертны тени, —
Не ведал витязь удалой,
Тебя стремя в пылу сражений
Неотразимую стрелой,
Не мнил, чтоб влажная могила
Твой быстрый бег укоротила.
Спасайся, витязь! Нет коня,
Грузна кольчатая броня.
Покинь ловца на божью волю,
Тебе с ним к берегу не доплыть! ..
Но нет! Ты хочешь разделить,
А не оплакать злую долю.
Обняв утопшего, пловец
Гребет в усилии усталом;
И, тяготея, как свинец,
По нем катится вал за валом;

Уж цепенеющая грудь
Едва взрывает пенный путь;
Напрасно дланью бесполезной
Раздвинуть хочет он волну,
Он, поглощаем алчной бездной,
Готов погрузнуть в глубину;
Но берег близко. . . В лоне тучи
Проторгся молнии поток,
И мутный вал, как змей шипучий,
Изверг обоих на песок;
Там, полумертвы, утомленны,
Лежат спаситель и спасенный.

19

Но вот по берегу спешит
Боярин, где-то запоздалый,
Его заботлив грозный вид,
Белеет пеной конь усталый,
И, шапку приподняв рукой,
С ним рядом скачет стремянной;
В лицо им, градом поражая,
Вихрь óпашни сдувает с плеч,
Но всадники, не замечая,
Между собою держат речь:

Б о я р и н

Благодарю за добры вести,
Наш заговор идет на лад:
Что Любомир свершит из мести,
Оллай за деньги сделать рад.

Но что поет медлитель вечный
На это Ян, племянник мой?

Стремянной

Он шлет к тебе поклон сердечный
И тайный подвиг роковой
Желал бы разделить с тобой...

Боярин

Да не желает? Всѣ возможно
Тому, кто дерзостен неложно.

Стремянной

Что будто ратники его
Далеко разбрелись по краю;
Что он на князя своего
И сам бы прямо по Дунаю
К тебе душою прилетел...

Боярин

Слова без дел — что лук без стрел
Не души, а мечи нам нужны.
Ничтожный трус! Но почему
Ты не открыл союз окружный
В словах заманчивых ему?
Наш круг велик, друзья надежны,
К нам шайки половцев идут,
И польские паны вельможны
Охотно руку подают.
И ждет блестящая награда
Бояр — сторонников Всеvlада;
Он сам с полками киевлян

Обляжет город, как туман;
Андрей падет, получит снова
Сан тысяцкого Любомир;
И власть друзьям моим готова,
И шумный пир на целый мир.

Стремянной

Я говорил ему всё это;
Но сердце, замкнутое льдом,
Надеждою не разогрето.
Советует, любя твой дом...

Боярин

Не дом мой, клеть свою он любит;
Но я советов не люблю;
Пусть только Всеволод затрубит,
Племянничка повеселю;
Кто не подаст мне длани братней,
Не уцелеет в голубятне!
Я — враг приятелям таким!

20

Стремянной

Всего сильнее его пугает,
Что князь гражданами любим.

Боярин

Трус и во сне беду встречает!
Зачем таким людям дано
Копье, а не веретено?

238

Ужель не ведает причины
Моих надежд племянник мой?
Скучают смелые дружины
Миролюбивостью княжой.
Им нет бывалого раздолья
От поселян и от наполя;
В беде их нелюбовь страшна;
Любовь народа не сильна:
Народ на воздух речи тратит,
Но вечно стерпит, всё заплатит,
Надеждой перемены сыт.
Но Ян пугливее синицы,
Когда военной славы щит
Сменял на блюдо чечевицы!
Нет проку смелому в родне,
И коловратная судьбина,
Как будто насмехаясь, мне
Такого ж даровала сына:
Он любит жить по старине,
О девах петь, звучать струною,
А не наездной тетивою;
Ему чужая — месть моя.
Он князя любит, князем дышит,
Ему он вторит, им он слышит!
От сына утаился я.
Он на коне узнать успеет,
Когда гроза вполне созреет;
Она ж близка, ее зову
К себе в мечтах и наяву.
Внимай! Чуть месяц златорогой
Потонет в небе голубом,
Непроторенною дорогой,

Где стремянем, где колесом,
Ты оскочи друзей кругом,
Скажи им вестовое слово:
«Мечом померяться пора:
В Переяславле всё готово
На праздник Павла и Петра!»
Тогда с рассеянной дружиной
Пускай они со всех сторон
На пир стекутся имянинный
Младому князю на поклон.
И в сердце радостного града,
В кругу пирующих гостей
Сверкнет булат, гроза вождей,
С неожиданным кликом: «За Всевилада!»
И кровь, и пламя, и набат
Паденье князя возвестят!

21

Утихло. Мутные потоки
Шумят, промоины браздя;
Благоухая, лес далекий
Слезится каплями дождя.
Лилеи в красоте обновки
И скромные *не-тронь-меня*
Подъемлют свежие головки.
Вдруг путник осадил коня...
«То не мечта ль воображенья,
Или очей моих обман?
Передо мной, как привиденья,
Две тени сквозь ночной туман

Текут неверною стопою...
Один в броне; к его плечу
Другой поникнул головою!
Я с ними сведаться хочу
Иль по кресту, иль по мечу!»
Домчались тропой знакомой.
Им в очи Любомир глядит...
И кто же витязем ведомый?
То сын его, то — Световид!
Но прежде пышные ланиты
Завесой бледности покрыты,
И с золотых его кудрей
Вода сбегает, как ручей!

22

Как сына милого утешно,
Как нежно в радости своей
Лобзает Любомир поспешный,
И вдруг, чувствительность сокрыв,
Чело в суровость облекает;
Любви отеческой порыв
На кроткий выговор меняет;
Но льются плавною рекой
Спасителю благодаренья.
Склонился воин молодой
На искренние предложенья,
И весело они втроем
Спешат в гостеприимный дом.
Сверкают им сквозь сумрак парный
Церквей злаченные кресты,

И озаряет луч янтарный
Переяславля высоты,
И вот стена его за ними.
Внимая лаю чутких псов,
Они проулками пустыми
Текут посереде садов.
Уже вблизи на дом красивый
Лучина яркий свет лиет,
И у решетчатых ворот
Мать нежная нетерпеливо
Избавленного сына ждет —
И вот на грудь свою прияла
Надежду, свет ее очей,
И, восхищенная, взрыдала,
Забыв приветствовать гостей.
И над покорною главою
Отрадной, сладостной рекою
Струи чистейших слез текли...
О радости невинной слезы!
Вы — перлы на земной пыли,
Венок росы на почках розы,
Поминка неба на земли
С тех пор, как ангельская сила
Звездой падучей с высоты
На землю юную сходила
По зову тленной красоты!

23

Они ступенями резными
Идут на красное крыльцо;
Приветом брякнуло кольцо,

242

И набожно перед святыми
Творят поклоны пришлецы.
Блестя каменьями цветными,
По образам горят венцы
Среброчеканного оклада;
И бледным теплится лучом
Неугасимая лампада,
Как месяц на небе ночном.
Вкруг стен широкие беседы
Хрущатой обвиты камкой,
И по коврам висят грядой
Доспехи ловли и победы,
Уборы дикой красоты:
Мечи, багряные щиты,
И самострелы, и колчаны;
Там блещет боевой топор,
Там шестоперы и чеканы,
Там витязя дивит узор
По шлему золотой насечки,
То многоценные уздечки,
То сбруи жемчугом набор.

21

Меж тем для гостя дорогого,
Храня обычай старины,
Уж баня пышная готова;
Ковры стезей разостланы...
И распахнулась дверь тесова.
Уже, приветливо журча,
В дыму, алмазами сверкая,

В чан кипарисный два ключа
Падут, и жар, и хлад сливая.
На каменку шипучий мед
Волной обильною течет,
И дышит с камней млечной тучей
Пар, благовонный и летучий,
Венцом объемля огонек.
И вот, увлажненный парами,
На негу томную полók
Манит душистыми травáми;
Березы ветви сладкий зной,
Как опахалом, навевают,
Все члены, льстимые рукой,
В благоуханной пене тают.
Он сходит вниз, огнем горя;
Из чаши бронзовой отрадно
Течет на грудь богатыря
Река воды струею хладной,
И путник свеж выходит вон,
Как месяц, морем возрожден.

25

Опять он в горнице красивой;
Ему лилейною рукой
Сенная девушка стыдливо
Подносит гребень золотой.
За ней идет хозяйка дома
В жемчужной кике, в ферезах,
В лице ее видна истома,
Но доброта в ее очах,

244

Любовь ко сыну, к мужу страх.
Смиренно кланяясь, подходит
К Роману с чарою вина,
Откушать просит и заводит
Слова приветные она:
«Поведай, волей иль неволей,
Иль молодецкою охотой,
Иль буйным ветром занесен
В Переяславль с каких сторон?
Кто ангел твой? Кто твой родитель?
Да знаем гостя величать,
Да возмогу тебя, воитель,
В своих молитвах поминать!»
Роман ответствует ретиво:
«Прости, боярыня, меня,
Что отложу ответ правдивый
О том до будущего дня.
Сказать, кто я, — теперь не смею,
Лгать не могу и не умею!»

26

Склонив к супруге мрачный взор,
Боярин входит в разговор:
«Храни, о витязь! имя тайно:
Какое дело ведать мне,
С намереньем или случайно
Ты стал на нашей стороне;
Мой гость — мой брат; ему обида —
Обида мне; но ты один,
Младой хранитель Световида,

245

Здесь полномочный властелин.
Под тенью крова Любомира,
Как под щитом своих дружин,
Ты невредим от злобы мира,
Хотя бы, гневом распаясь,
Тебя преследовал сам князь.
Дай руку мне, приятель новый;
Вот хлеб и соль, чем бог послал».
Богато убран стол дубовый,
И брызжет дедовский бокал.
Уж беззаветными речами
Сердца отверсты, мед кипит,
И неразлучными друзьями
Встают Роман и Световид.
И гостю на медвежьей коже
Походное готовят ложе.
Но между тем певец молодой
За гусли звонкие садится,
И звук под легкую рукой
За перекатами струится
Звучней, звучней, и с ними в лад
Стихи небрежные звучат.

27

«Успокойся, путник юный,
Ты разбит и утомлен;
На тебя золотые струны
Назвенят глубокий сон.

И, прикинув к изголовью,
Сновидений красота,

Обоймет тебя с любовью
Тихокрылая мечта.

Чаровница за собою
Уманит и уведет:
Ступишь легкою стопою
На ковер на самолет.

И заветною долиной
Вдаль за тридевять земель
С быстротою соколиной
Упорхнет душа отсель.

Вкусит витязь черноокой
На берегу родимых струй
От красавицы жестокой
Полуданный поцелуй!

Иль, внося победу в сечу,
Выторгнет твоя рука
Знамя, гибели предтечу,
Из железного полка!»

Звон гуслей тихо замирает,
Как будто летний ветерок,
Пленный розою, вздыхает;
Как будто ропотный поток
Брега жемчужные лобзает.
Задернут полог кружевной
Гостеприимною рукой.
Как льется мгла росой ночи
На жаждущий от зноя мак,

Дремота канула на очи
Усталого пришельца. Так
Он, светлой совестью хранимый,
Вкушает сон невозмутимый.

Глава вторая

О Х О Т А

Бывало, чуть ранней зарею востока
Зарумянится вод переливный хрусталь
И сокрытый в лозах над струями потока
Соловей огласит поднебесную даль,
С соколом на руке молодые бояра
Иль со сворой борзых при златом стремене
В ловитве носились, полные жара,
По долам, по горам на могучем коне.
В палаты княжие сквозь занавес алый
Чуть яркое солнце казало лицо,
Восстав ото сна, князь удельный, бывало,
С дружиною гридней ступал на крыльцо;
Там правду творя виноватым, невинным,
Он в совете бояр и начало-вождей
Судил и рядил по законам старинным,
Допуская народ до пресветлых очей.

1

Блажен стократ, на чьи зеницы
Дыханье милой сводит сон;

Блажен, кто в сумраке денницы
Приветом друга возбужден!

С в е т о в и д

Восстань, Роман, от ложа неги,
На утро свежее взгляни!
Твои стрельцы, твои кони
Пришли на новые ночлеги
И жаждут зреть тебя они.
Сияет солнце; манят в поле
Волнистых озимей бразды;
Давно уж песню милой воле
Поют веселые дрозды;
Давно малиновка и чечет
Росой медвяной напились;
Летунья-ласточка щебечет,
Вкруг башен рея вверх и вниз;
Восходит жаворонок звучный
За облака под небосвод
И, блеском дня благополучный,
Ловцам заутреню поет.
Но, милый странник мой, готов ли
Делить со мной потеху ловли?

2

Р о м а н

Нет, нет, пленительный ловец
Любовных, дружеских сердец!
Не в темный лес, а к князь **Андрею**
Веди посланником меня.

В речах судьбу князей храня,
В сей день я мир рукой моею
Скрепить иль разорвать имею.

И вот на пламенном коне,
Блестя в злате, как в огне,
Он едет в шитой однорядке.
За ним стрелков охранный строй,
Развитый лентою цветной,
Летит в торжественном порядке.
Романа за город ведут,
На поле мести, в божий суд.
Но случай, палица и сила
Сраженью совести решила.
И на возврат течет Андрей
В толпе, над радостным Дунаем,
Один, любовью охраняем,
Без лат, без копей и мечей.
Не в блеске праздничного хода,
Не в шуме дворской суеты,
Но, как отца в семье народа,
У врат суда и правоты
Посол встречает князь Андрея.
И где, скажите, видел взор
Земных царей дворец иль двор
Сего достойней и пышнее?
Пред князем на землю ступив,
Трикраты голову склонив,
Так говорил боярин смелый:

«Князь! Всеволод, Олега сын,
 Великий князь и властелин,
 И обладатель Руси целой,
 Тебе, как брат, любовно шлет
 В моем поклоне свой привет!
 Он хочет знать, зачем с Дуная
 Тобой одним до сей поры,
 Обычай предков презирая,
 К нему не посланы дары?
 Но, заключа добро в булате,
 Мой князь не думает о злате,
 Лишь гневен он, что ты один
 К нему не выставил дружин».

Князь Андрей

Боярин! Если б на престоле
 Признал я князя твоего,
 Я б и тогда княжил по воле,
 А не по прихоти его.
 Но я ли робко и постыдно,
 Забыв родных удел обидный,
 Его признаю над собой,
 Когда без повода, без права
 За Ярополком Вячеслава
 С престола свергнул он долой?
 Но я ли стану, лицемеря,
 Душой играя, целовать
 Союза крест, в союз не веря?
 Того ль мне братом называть,
 Кто Ярополка потаенно
 Закинул в плен иноплеменный?

Р о м а н

Нет, нет, Всеволодовой души
 Презренные обманы чужды!
 Бессильный крадется в тиши,
 Могучим нет в коварстве нѹжды.
 Твой брат, молвою ослеплен,
 Полякам сам отдался в плен.

К н я з ь А н д р е й

Я верю, я желаю верить,
 Что в этом он не виноват;
 Но позабыть или измерить
 Я не могу, хотя бы рад,
 Позор моей обиды кровной...
 Мои ли братья в наши дни
 Иль он зажег вражды огни?

Р о м а н

Соперники невинны ровно,
 Хоть розно счастливы они:
 Всевлад воздвиг свои знамена
 Как сын старейшего колена,
 Он общим гласом киевлян
 Главою русичей избран.
 И не всегда ль решает снова
 Права князей судьбина-сечь,
 И не везде ль венца княжого
 И предок и наследник — меч?

Князь Андрей

Пускай же будут в деле этом
Твои слова моим ответом:
Когда булат — ему судья,
Когда ему хищенье — слава,
То я могу и должен я
Стоять за честь родного права.

Роман

Давно ль поставили князья
Превыше долга связи рода?
Для них ли русский воевода
Отринет славную войну
За наших праотцев страну?

Б

Князь Андрей

Посол! Души своей цену
Заплатим мы за кровь народа!
Для ней не только славу — мечь
Забыл я хищнику нанести.
И знай, что за стенами града
На бой готов, но, мир любя,
Я не восстану на Всеvlада,
Ни за него, ни для себя!
Пленен забавою жестокой,
Не поведу я в край далекой
Красу дунайских ратных сил
Искать безвременных могил;
Не заслужу я укоризны,
Когда в пылу замыслит он

Завоевание отчины,
Чужою силой облечен.

Р о м а н

Питая мужество, напрасно
Он дышит мыслью прекрасной
Заверить русской стороне
Покой оружием извне!
Взгляни, в кичении досуга
Теперь удельные князья
Воюют братние края,
Куют крамолы друг на друга,
Врагов скликая вновь и вновь,
Как черных воронов на кровь!
Дни поселян миролюбивых
В войнах князей сокращены;
Пылают кровы сел красивых;
По жатвам бродят табуны;
Довольство гибнет, вянут силы,
Растут не грады, а могилы,
И близки — в шуме вечных ссор —
Отчины гибель и позор!
Чтоб удалить сии напасти,
Князей смирить и умирить,
Он хочет Русь соединить
Под крыльями верховной власти.

;

К н я з ь А н д р е й

Видал ли ты, как черный дым
По чистом пламени крутится?

Так властолюбие таится
Под сим намереньем святым.
Конечно, если б муж великой,
Заслугой — родины отец,
Возник над Русью полудикой...
Тогда мой княжеский венец
Я первый бы, как сын покорный,
К его стопам сложил бесспорно.
Но чем, скажи, твой новый князь,
Успехом дерзости гордясь,
Привлек народное вниманье?..
Или за слезы и за кровь
И прав священнейших погранье
Даются вера и любовь?..
Но, расточая лести соты,
Меня ль он уловить хотел
В давно знакомые тенеты
Блестящих слов и черных дел!

Р о м а н

Не послан я с тобой судиться;
Не мне решать — тебе решиться:
В последнее тебя зову
Признать Всевлда за главу.

К н я з ь А н д р е й

В последний раз я отвечаю:
Не признаю и не признаю!
Переяславцам не война,
А дружба Киева страшна!

Р о м а н

• • • • •
• • • • •
...Всё так, но что же будет,
Когда мой князь к тебе **прибудет**
Конями выпить Дунай...

Князь Андрей
За правду бог! Не угрожай! ..
Наутро в мой дворец **прибрежный**
Я ссзову бояр в совет —
Скрепить, вручить тебе ответ...

Меж тем как путника и друга,
Забыв вражду, измену, месть,
Тебя зову я...

• • • • •
Решились; более ни слова.

7

И вот ведут коня **лихого**
Ясельничие под уздцы.
Вдыхая ветер, он бурей пышет,
Он под собой земли не слышит!
«Стой, птичка, стой!» **Недвижим конь;**
Узду грызет, ушми играет,
Как будто всаднику **внимает,**
В глазах покорности **огонь,**
И князь, трепля по **стройной вые,**

Берет поводья золотые,
Садится медленно в седло.
Конюший оправляет стремя,
Младой сокольник в то же время
С поклоном сокола дает,
И поезд двинулся вперед.
Красуясь гордыми конями,
Дворяне мерною стопой
Съезжают в улицу рядами,
Гремя по звонкой мостовой.
При ветерке попоны веют,
Одежды радугой пестреют,
Мелькает гридней шумный рой.
Спешат довольные граждáне,
В толпе прелестных дев и жен,
У князя доброго заране
Почетный выманить поклон;
И старцы, духом молодые,
С слезами радостных очей
Подъемлют на руки детей
Полюбоваться на Андрея!
Казалось, окна говорят,
Одушевленные народом,
И, голубым колебля сводом,
Благословения летят,
И вторит кликам клик ответный,
Стеной зубчатой отразясь:
«Да вечно здравствует наш князь!»
И в обе стороны приветно
Андрей с улыбкою чела
Склоняется к луке седла,
И, опеняя удила,

Звуча подковой искрометной,
Бегун, владельцем горделивый,
Меняет ход нетерпеливый.
И всех перевышал Андрей
Красою, крепостию тела;
К нему и жен любовь летела,
И упование мужей.
Так манит взор в венце зеленом
Веселие точащий грозд;
Так величаво небосклоном
Восходит месяц в хоре звезд.

8

Внимая сердцем глас народный,
Доволен юный добрый князь
И в откровенности свободной
К Роману молвит, обратясь:
«Хвала народа — мне услада;
И мне ль, Роман, страшиться зол?
Ему опора — мой престол,
А мне любовь его — отрада!
Она всех дел моих печать;
Она умеет услаждать
Мои заботы и досуги».

Р о м а н

Князья родятся — получать
Награду ранее заслуги.
Прости мне смелость: шумный стан
Меня взлелеял к правде пылкой;
Дворец властителей Роман

Привык считать почетной ссылкой.
И у меня князьям привет
Низать, как жемчуг, дара нет.
И этот шум, и эти клики
Являют странника уму
Дань облачению владыки,
А не порыв любви к нему!

9

А н д р е й

Так — не одно с молвою тихой
Молва науличных речей.
И колыбель, и гроб князей
Блестят обманчивой шумихой.
И лести искуситель-змей,
Даря безвременною славой
За доблести, которых нет,
Не только дел, желаний цвет
Сражает сонною отравой;
Льстецы, как трутней жадный рой,
Из самолюбия, из страха,
Из горсти золотого праха,
Пред князем ползают душой,
Его порочнейшие ковы
Хвалить и совершать готовы.
Их лесть я оценил. Мой двор
По воле и неволе знает,
Что низость князя унижает,
Что без заслуг хвала — укор,
И, веришь ли, порой досуга,

Забыв придворных суету,
Я вырываюсь за черту
Их очарованного круга;
И чувств народных простоту
То вызываю, то внимаю.

.....
.....
.....
.....
.....

Так, в деле правды, верю я,
Враги — нам лучшие друзья!

10

Знак подан; быстрая охота,
Полет готовя соколам,
Рассыпана по берегам
Вблизи дремучего болота;
И взоры всех, и мысли там,
И всё молчит. Вот пес следничий,
Гонитель злой пернатой дичи,
В поток бросается стремглав;
По тростникам перебираясь,
То перескоками, то вплавь,
Идет, на ловчих озираясь.
Но, лов слыша издали,
Угрюмых тундр жилец пустынный,
Взлетела цапля от земли,
Назад простерши ноги длинны.
Свисток! — и с путюю златой

Спадают шапочки долой.
Поражены лучом денницы,
Расширив ясные зрачки
И отрясаясь, хищны птицы
Не вдруг кидаются с руки.
И первый сокол князь Андрея,
Добычь узрев издалека,
Стрелой взвился под облака,
Свистящими крылами рея,
Всё вверх и вверх — и наконец
Ударил в цаплю, как свинец.
Но скорость силы бесполезной
Встречает клюв ее железный,
И с облаков на тихий дол,
Пронзенный, падает сокол.
От Любомира всходит мститель
В воздушную громов обитель,
Смелей, быстрее мысли он;
Несется, плавает кругами,
Стоит... упал... взмахнул крылами,
Бьет снизу вверх — и бой решен!
Роняет цапля кровь и стон
И тихо пред толпою праздною
Падет чертой винтообразной.
Боярин гордый соколу
Похвальные внимает клики,
И восхищенья пламень дикий
Играет по его челу,
И князю о паденьи скором
Он предвещает грозным взором,
Как будто птиц гадальный бой —
Венец победы роковой.

Не мне представить цепью длинной
 В живой картине пышных слов
 Удачи ловли соколиной,
 И удалство молодых ловцов,
 И в дебри дальной и пустынной
 Под ясенями древних лет
 Княжой охотничий обед!
 Как ум гостей, вино сверкало
 И, словно радость, утекало,
 И вечерел незримо день;
 Хладея, солнце развивало
 В долинах роскошную тень.
 В обратный путь охота снова
 На травлю псовую готова.

Роман и юный Световид
 С какой-то негою невольной,
 Сдержав коней, страны подольной
 Прелестный созерцали вид:
 Всё тихой радостью дышало,
 Улыбкой небо расцветало,
 И всюду тишина была;
 Лишь запоздалая пчела
 Свое жужжанье над цветами
 Сливала с дальними звонками;
 Березы, свившись в хоровод,
 Поляну купами обстали,
 И горлицы под ропот вод
 В тени дубравной ворковали,
 Напоминая сердцу вновь
 Покой, и дружбу, и любовь.

Р о м а н

Питомец звучных песнопений!
 Не по мечу, по сердцу брат!
 Я не дивлюсь, что томный взгляд
 Очей твоих являет тени
 Блестящих мыслей и видений!
 Кого не вспламенит обзор
 Твоих величественных гор!

С в е т о в и д

Так, милый друг, от колыбели
 Нагорный звук пленял меня
 Пастушьей утренней свирели!
 И, чудом отрока маня,
 Мне повести и песни пели
 О былинах минувших дней,
 О подвигах богатырей.
 И я любил во тьме гаданья
 Старинных доблестей черты,
 Невероятные преданья,
 Неисполнимые мечты!
 И сладостны, и светлы были
 Мои в дыхании весны
 Очаровательные сны!
 Они в тот край меня носили,
 Где спеет яблок золотой,
 Где вьются райские жар-птицы
 И дом русалки молодой
 В волнах растопленной денницы
 Слиян из граней хрусталя;

Цветут рубинами поля,
Овны блуждают златорунны,
И неземные дышат струны, —
Всё это видя и внемля,
В восторге песней бредил я!

⋮

Я возрастал; мои мечтанья
Росли невидимо со мной.
Мои любимые гулянья
Бывали там, где мрак лесной,
Где гребень гор возник порогом
Пред небожителей чертогом,
Куда носилась душа,
Священным воздухом дыша!
Одолеваем сладкой ленью,
В груди задумчивость тая,
Вод сладкозвучному паденью
Любил прислушиваться я;
Любил сливать напев отзывный
С стенаньем бури заунывной,
С веселой дробью соловья.
Тогда-то к смелым песнопеньям
В груди моей затлелся жар,
Тогда-то развился мой дар
Мысль окривлять воображеньем,
Давать живой язык страстям,
Сливая в думы голос тайный,
Знакомый пламенным сердцам,
Который тихо и случайно
Из лона жизни, из могил

Певцу понятно говорил.
Восторгом сердце грепетало,
Как ветром сорванный листок,
И думы пламенной поток
Ладами стройно изливало!
И эхо резвое внимало
Мою восторженную грусть
И, повторяя наизусть,
Скалам от скал передавало.
Но песни юности моей,
Моей задумчивой свирели,
Незнаемы умам людей,
Как стаи вольных лебедей,
Звуча, в поднёбесье летели!
Или досель кипят оне
В моей сердечной глубине!

14

Р о м а н

Итак, пословицы известной
Молва правдива, что певец,
Хотя невинный и прелестный,
Но тем не мене, верно, лжец.
И Световида ли напевы,
Внушая, не внимали девы!
Да, скромный друг, казалось мне,
Заметил я в одном окне
Красой и статью царь-девицу.
Зачем краснеть?.. Заметил я,
При первом взоре на тебя,
В ее глазах любви зарницу,

И вдруг с твоим слился он,
Какой-то негой упоен!
И лишь порою, для отводу,
Скользил небрежно по народу.
И то не скрылось от меня,
Когда, румянцем пламенея,
Ты в гордый скок пустил коня,
Забыв друзей и князь Андрея.
Но ей в поклон едва-едва
Склонилась твоя глава,
Чтоб глаз не свести ни на мгновенье
С ее стыдливой красоты!..
Иль друга обмануло зренье,
Иль обольстить желаешь ты!..

46

Любовник опытный беспечно
Внимает с холодом очей
Намек о склонности своей,
Хоть рад внимать о милой вечно
И вечно говорить о ней.
Но страсти в пламенные лета
Не знают скромности завета;
Притом в очах была видна
Столь привлекательно ясна
Романа искренность младая,
Не прежней дружбы цепь святая,
А новой чистая вина...
И Световид, любовью тая,
Пред гостем сердце проливал,
Как переполненный фиал.

Он описал прелестной Лады
Очаровательные взгляды,
И поступь — к венчику цветка
Прикосновенье ветерка.
И стройный стан, как юный колос,
И сердцу небом звучный голос,
Чело — души прекрасной тень,
И душу светлую, как день;
Он описал любви томленья,
Тоску разлук, и негу встреч,
И взоров пламенную речь,
Взаимной страсти откровенья.

16

Но — ах! — земные наслажденья
Рок не дает, а продает:
Отец невесты Беловод,
По воле князя — гласу мира —
Сменил во власти Любомира,
И рай утратил Световид
Для мести суетных обид.
«Но пусть, — вещал он, — гнева сила
Десницы наши разлучила,
Без обручального кольца
Неразлучаемы сердца!
И я любовью Лады нежной
Благополучен безнадежный,
Хотя б судьбой мне суждено
Воспоминание одно!
Каким огнем душа пылала,

Когда, склонясь к груди моей,
«Люблю тебя!» — она шептала,
И свет бежал моих очей!
Когда медлительно и страстно
С коральных девственных устен
Я пил дыхание прекрасной,
Немым восторгом упоен!
О мой Роман! Я был блажен!..
В былом и небо уж не властно!!»

17

Р о м а н

Так! Воля самая небес
Не усладит минувших слез,
И злой кручины покрывала
Не сваять негою с лица!
Денница лет меня застала
На гробе милого отца!
И не любовью, но печалью,
Облечена военной сталью,
Впервые билась грудь моя;
Она от юности предела
Отчизны ранами болела,
И рано свет изведаль я.
Меж тем за правду, за отвагу
В бою, в походе ратных сил
Я с первых лет княжому стягу,
Княжому сердцу близок был,
И наконец под шумом лова
В полях Чернигова родного
Мне душу Всеволод открыл;

Он мне вещал: «Я Русь святую
Люблю, как ты, как ты — ревную!
Мечтой минули времена
Владимира и Святослава,
Когда возникла наша слава,
Неразделимостью грозна.
Но власть князей великих ныне —
Глас вопиющего в пустыне!
И древний меч, противным страх,
Дрожит в бездоблестных руках.
Вождей совета и победы
Не вижу, не предвижу я:
Окрест — могучие соседы,
Внутри — ничтожные князья!
Но мне ль заране править тризну
За пол-умершую отчизну,
Когда, презрев молву и страх,
На благо силой пламенею,
Когда сподвижников имею
В моих бестрепетных друзьях!
Так, мы пойдем! Борьба настанет —
И Всеволод отважно грянет
Копьем в *златые* ворота
И, как рассеянные стрелы,
Соединит князей уделы
Под сенью твердого щита!
Пускай мгновенною грозой,
Пугая Русь, я пролечу,
Но, как гроза, ее омою
И миру мир произращу!»

Я внял, навстречу светлой цели
Мои надежды полетели.
Я знал, что в недре оных дум
Возможность верная таится,
И смелый дух на всё решится,
И всё решит способный ум.
Тогда на слово и на дело
Я дал обет Всеволоду смело,
И острый меч и юный век
На службу родины обрек.
О милый друг! Мне тяжело было
Сказать навечное «прости»
Всему, что сладостно и мило,
Что упованью рай сулило...
Ах! Дважды сердцу не цвести!
Любови молненная сила,
Воспламенив, его разбила!
Я мог ли милой посвятить
Отчизне отданную руку
Иль на печаль и на разлуку
Чужую младость осудить?
О! как мучительно с укором
Приветы нежные внимать
И беззаботно-хладным взором
Слезу любви оледенять,
Когда кипит душа младая,
Пожар страстей утаеая!
Терзаем завистию злой,
Я ночи млею на жарком ложе,

И утро восходило тоже
С неразделенною тоской.

19

Но наконец, страдалец вольный,
Я сам себя преодолел
И на призыв трубы наполевой
С отважным князем полетел,
И павший Киев — наш удел!
В те дни, влеком побед приливом
И пеной славы орошен,
Я мнил: о родине мой сон
Сбывался в подвиге счастливом.
«Всё можно в деле справедливом!» —
Был победителя закон.
Но признаюсь, о том сомненье
Лишь только здесь Андрея глас
Во мне посеял в первый раз:
Ужель в огромности спасенье?
Беду ль бедами излечать?
Права ль неправдой водворять?
И для чего мне князь великий
Вчерне Андрея описал,
Когда ему несутся клики
Благодарений и похвал?..
Ужель?.. Но нет, молвой боярства,
Не мезтью князь мой увлечен!
От юных лет не ведал он
Властолюбивого коварства!

Световид

Ты сомневаешься, и вот
 Неправой службы горький плод!
 Конечно, ратникам знамена
 Не по избранию даны,
 Но это всё — не оборона
 От тайной с совестью войны!
 И я, душой благоговей,
 Творца миров благодарю,
 Что он возвел мою зарю
 Под кроткой властью Андрея!
 И за него я кровь пролью,
 Утешной верю спокойный:
 «Я правде был слуга достойный,
 Я пал за родину мою!»

Но где ж охота удалая?..
 Внемли, Роман! На первый гон
 Раздался доезжачих звон,
 И, с дальним лаем лай сливая,
 На след напала гончих стая
 И в хор согласный залилась.
 Наверно, там закинул князь!
 По волку гонят; я внимаю:
 И «береги» и «улюблю».
 Ловцам отраднй шум охоты
 Катится в глубь кремнистых гор;
 Гудя на радостные ноты,
 Скалы заводят звучный спор,
 Но затихают постепенно

Отзывы ловли отдаленной,
Едва-едва по островам,
Немея, шепчет звук усталый,
И вот по хólмам и долáм
Молчанье вечера настало!

21

Следя звериную войну,
Спешат ловцы на вышину,
Склоненную крутым отвесом
Над темным тополевым лесом.
И вдруг долины в глубину
Влечет невольно их вниманье
То крик, то жалкое стенанье...
Они глядят, и в их очах
Из дебри поднятый облавой,
Язвим рогатиной кровавой,
Медведь ловца низринул в прах.
И нет ему от них спасенья:
Стремниной путь им загражден,
И вдаль отводит горный склон,
Слова напрасного моленья
В лесной теряются глуши.
Нигде ни звука, ни души.
Но бог везде! В полет мгновенья
Как с облаков упал ездок,
На зверя устремляя скок.
Восстал дубрав властитель черный
И, в крови лют, в бою упорный,
Коня когтями ранит в бок;
Спряну́л боец; врага встречает,

Одеждой руку пеленает
И вдруг бестрепетную длань
Вонзает в алчную гортань.
Его объемлет зверь свирепый,
Сдвигает мощных лап заклепы;
Но крепкий мех, но ребер медь
Проник булат — и пал медведь!

22

Друзья, нежданностью явленья
Устрашены, изумлены,
Развеяв хлад оцепененья,
Потоком скачут с крутизны.
По склону гор лесистым краем
Несутся легким горностаем
И, словно лебедя сыны,
Переплывают быстрины.
И вот узрели пред собою
Неустрашимого бойца:
Он влекся пеш кремней тропею
В крови и бледности лица,
Храня разбитого ловца
В седле заботливой рукою;
И в нем предстал очам друзей
Великодушный князь Андрей!
«Прости, о князь, мое сомненье, —
Воскликнул тронутый Роман, —
Я мнил, что мирное влеченье —
Презренной робости внушенье;
Упал с очей моих туман:
Теперь погибель презирая,

Никем не видимый, один,
Чего же Мономаха сын
Не совершит, врагов сражая,
Перед лицом своих дружин!
Но для чего, о вождь избранный,
Ты убегаешь славы бранной?»

23

Князь Андрей
Что слава? Ломкая скудель,
Румянец тленья листопада!
Она — добыча, не награда
И душ, и дел, летящих в цель!
Падут герои величавы,
И в позолоченных гробах
Сиянье северное славы
Не согревает хладный прах,
Не придает душе покою:
Века тяжелою пятою
Сотрут золотые письма;
Изроет плуг границ обломки,
И нерадивые потомки
Забудут славных имена!
Скажи мне: кто такие были
Вожди бестрепетных славян,
Когда они с полночных стран
Пределы римские громили?
Не то ль мы зрим? Вблизи, вдали,
Окрест великие народы,
Шумя победами, текли
И, как весной нагорны воды,

Исчезли вдруг с лица земли!
Где имя их? Где силы рьяны?
Где слава жизни боевой?
Лишь развевает вихрь степной
Их безответные курганы!
И не про всех поют бояны,
Звезды возвышенной сыны,
И тонут в бездне быстрины
Их мимолетные творенья!

24

Но пусть живые песнопенья
Иль темный летописей глас
Заронят в пепеле забвенья
Хоть искру памяти об нас...
Заплатит ли цену исканий,
Цену кровей в устах преданий
Один припев, один рассказ?
И, может быть, летописатель,
Таясь в глуши монастырей,
Теперь на подвиги князей,
Пристрастный оных наблюдатель,
Наводит лесть, слагает брань,
Друзей народа обесславит,
Злодеев доблестью оправит
И ложную накличет дань
На их главы от поздних братий
Рукоплесканий и проклятий.
Достойно ль жаждать славы сей,
Подруги смелого порока,
Невольницы хотений рока,

Случайной прихоти людей!!
Не ей — общественному благу
Я посвятил мою отвагу,
И лейтесь веки вслед векам
За улетающим мгновеньем!
И смерть по жизненным путям
Запороши мой след забвеньем!
Но если я в годину тьмы
Хоть сердце шаткое исправил,
Хотя немногие умы
Любить прекрасное заставил,
Когда лучом душевных сил
Законы правды озарил,
Когда благие увещанья
Иль безупречный подвиг мой
Взойдут неизвестной виной
Великодушного деянья...

25

Я не исчез в бездонной мгле,
Но сединой веков юнея,
Раскинусь благом по земле,
Воспламеняя и светлея!
И, прокатясь ключом с горы,
Под сенью славы безымянной,
Столь отдаленной и желанной
Достигну радостной поры,
Когда, познав закон природы,
Заветный плод во мгле времян
Людьми посеянных семян
Пожнут счастливые народы!

Когда на землю снидут вновь
Покой и братская любовь
И свяжет радуга завета
В один народ весь смертный род,
И вера все пределы света
Волной живительной сольет,
Как море благости и света!
В надежде сей, Роман, познай
Мою сладчайшую отраду,
Мою молву, мою награду,
Мое бессмертие и рай!

26

Умолк. Чело его сияло,
На небо светлый взор летел,
Как будто он сквозь покрывало
Лицо грядущего узрел.
И, внемля речи вдохновенной,
Мечтатель, сердцем восхищенный,
Дань убеждения принес
Невольных, но отрадных слез.

27

Меж тем, покинув поезд шумный,
И нелюдим и одинок,
Доволен тьмой, как сам порок,
Съезжает Любомир злоумный;
И вот спешит к нему ездок,
Питомец гибельной науки,
Дружинный сотник Богуслай.

Они встречаются, — внимай
По ветру зыблемые звуки.

Б о г у с л а й

Ты в черный день пустился вдаль;
Стремянный твой — добыча зверя.
Мне удалого, право, жаль:
Надежных слуг важна потеря;
Он переломан. Говорят,
Ему не жить.

Л ю б о м и р

Я очень рад.
Когда окрепли зданья сводны,
Подпоры только в пламень годны.
Я рад, что случая полет
Заваял грязный этот след.
Ты был? ты видел?

Б о г у с л а й

Все готовы.
За наше дело восстает
Оллай, Стемид, Гаральд суровый.

Л ю б о м и р

Я знал, что к золоту липка
Варягов медная рука.
Людям без рода и отчизны
Какие страшны укоризны?
Какая низость не легка?
По нас — милей властью награда,
По них — приданое Всевада.

Б о г у с л а й

Так, Любомир, в его послé
Твоих собратий ищут взоры
И заверенья и опоры.

Л ю б о м и р

И нет стыда на их челе?
Теперь оглядываться поздно.
Надежда смелых — не в полке,
Она в решительности прозной,
В своей душе, в своей руке.
Но храбрецы отваги мерной
Досель не зрят, что сей Роман —
Защитник пламенный и верный
Младого князя киевлян.

Б о г у с л а й

Но друг ли нам?

Л ю б о м и р

О маловерный!
Он должен быть, он будет им!
Какой мудрец из выгод мира
Не сотворит себе кумира?

Б о г у с л а й

Он на корысть неуловим.

Л ю б о м и р

У всех в уме одно и то же:
Крепясь, продать себя дороже.

Пускай богат и молод он,
Пускай не думает о власти,
Но разве тихой славы звон
Плохой будильник юной страсти?
Когда ж и сей напрасен ков,
Волшебный клич «за край отцов»
Доводит этих бескорыстных
До злодеяний ненавистных.
Но он готов: и злато чаш
Хранит дыханье прежней влаги,
Поклонник счастливой отваги,
Любимец власти будет наш.

29

Б о г у с л а й

Но для чего ж Роман доселе
Не извещен о грозном деле?
Нам дорог час и дорог он.

Л ю б о м и р

А мне успех всего дороже!
Не первенство ли за поклон
Ему отдать! Избави боже!
Я знаю гордость прищлеца:
Он слово подвигом оценит
И в думе Всеволода сменит
Мой труд — улыбкою льстеца!
Нет, друг мой, нет! Роман единый
Последний и в последний час
Услышит заговора глас,
И будет он с своей дружиной

Его красой, а не пружиной,
И впереди, — так юный конь
Пугается кремня ударом,
Но, обезумленный пожаром,
Отважно прядает в огонь.
Меж тем приятелям-боярам
Ты возвестишь: «Посол Роман
За них со властью княжою», —
Пред вечно зыбкою толпою
Благотворителен обман.
Скажи: «Успех венчает дело,
Он там, где начинают смело».
Нам жить иль ползать — только день;
И нет спасенья в лоне страха;
За нами — гибельная плаха,
Пред нами — счастья ступень!
Спеши!

30

В тумане возрастая,
Домой он медленно потек.
Пред ним густела тьма ночная,
Как за кончиной грозный век!
И пал боязни хладный иней
На сердце, полное гордыней.
Невольной памяти урек
Вослед ему рассеял тени
Им презираемых видений:
Звучит могилую земля,
И кличет филин, словно совесть,
И шепчет лист о казни повесть,

И тяжек стон коростеля.
Так, озираясь и бледнея,
Во мгле, как в саване, он был
Подобен трупу чародея,
Когда сей выходец могил
Едва почует луч холодный
(В очах молвы простонародной
Велением подземных сил),
Покинув тихое кладбище,
Стремится в мир за адской пищей,
И в бледной синеве лица
Недвижные мерцают очи,
Как светляки во мраке ночи,
И кровь — уста у мертвеца;
Блуждает он, объятый мглою,
Грозя окрестностям бедою...

1827

«Форт Слава»

**ОТРЫВОК ИЗ 5-й ПЕСНИ ПОЭМЫ
«АНДРЕЙ, КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ»**

В святой одежде пилигрима
Течет Андрей. На ложе сна,
Полусокрыта, полузрима,
Лежит окольная страна.
И потопляет крылья стана
Волна прозрачного тумана,
И сквозь нее в стекле реки
Едва играют огоньки,
Едва белеют в беспорядке

Военачальников палатки,
Подобно крыльям ладей,
Подобно стае лебедей.
Вдали княжое знамя дремлет
И кисти древка в вышине
Струей незыблемой объемлет.
И всё окрест в глубоком сне.
Но не затихнула покоем
Страстями вспененная кровь:
У тех чело пылает боем,
На тех улыбка и любовь.
И снова ратников заносит
Крыло мечтаний в пламя сеч,
И снова длань хватает меч,
И снова сердце славы просит.

Он шел. Кругом синела степь;
Вдали уснувший стан военный,
И дым огней, и стражей цепь,
И стражей оклик повременный,
И бой копыт, и звон оков
Неукротимых жеребцов.
Бойницы близки: князь на воле,
Но, медля в думе роковой,
Он ноет тяжкою тоской,
Пред ним вечерней битвы поле...

Едва луной озарены,
Сверкают шлемы и кольчуги;
Тела во прахе и в крови...
Теперь узнай и назови:
Кто недруги твои, кто други?..

Мечи в их раны вонзены,
Впились в кровавые ножны;
И темный раб, и вождь избранный,
Пробиты сталью троугранной,
К сырой земле пригвождены.
Коня могучего стремленье
В полете смерть перегнала
И боя гордое храпенье
С ноздрей широких сорвала.

Он пал. Недвижны удила
Белеют пеной белоснежной,
Как после бури пень прибрежный.
Как вихрем сбитый виноград,
Во прахе юноши лежат:
Умчался жизни дух крылатый,
В очах последняя слеза,
Потускли ржавчиною латы,
По лицам хладная роса,
Но дышит гневом их краса,
И затекли печатью крови
Укором сдвинутые брови.

ДУМА СВЯТОСЛАВА

*(Из 5-й песни поэмы
«Андрей, князь Переяславский»)*

С тех пор война, завоеванье,
И пламень сел, и битвы кровь —
Мое первейшее желанье,
Моя последняя любовь!

И верю я, что славы сына
Не гаснет сердце и в пыли
И душу хладная кончина
Не вдруг ответит от земли;
Но змеем, по ветру носимым,
На нить страстей прикреплена —
Над милым ей крылом незримым
Она летать обречена.
Как величаво, как отратно,
Привычки славные храня,
Мой смелый дух, раздолья жадный,
Как взор ума, как луч огня,
Помчится по полю видений,
Неумолкающих сражений
С громами, с вихрями слиян!
Я полюблю в часы ночные
Будить тревогой спящий стан,
Вздувать знамена боевые,
Стремить пернатую стрелу,
Вдыхать в трубу победы звоны,
Клик боя вторить, падших стоны
И славным витязям хвалу!

То, скуча в мирный парус веять,
Иль в облаках орла лелеять,
Иль раздувать степной туман,
Низгряну в кровли крупным градом,
Сорвусь с утеса водопадом,
Огнистой радугой венчан...
Иль над помория страну

В столбе ужасного смерча¹
Взовьюсь на Стрибога² войною,
Крылом свистя и грохоча,
Сквозь туч пия валы седые,
Сторгая кедры вековые.

1827—1828 (?)

1 Смерч, водяная труба; тифон.

2 Русский бог ветров.

*Агитационные песни, написанные
А. А. Бестужевым
совместно с К. Ф. Рылевым*

Ах, где те острова,
Где растет трин-трава,
Братцы!

Где читают Руселле
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдаёт, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

1823 (?)

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

1823 (?)

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
 Всё в неволе,
 В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
 И людьми,
 Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил
 И над нами,
 Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
 И свобода
 У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.

И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за всё, про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
 Заседатель,
 Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
 То дороги,
 То налоги,
Разорил нас вконец.

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
 В ус не дует
 И воюет,
Как бы в вражеской земле,

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
 И народу
 Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
 Поселенье
 В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!

Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1823 (?)

Царь наш — немец русский,
Носит мундир прусский.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

Прижимает локти,
Прибирает в когти.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

Царством управляет,
Носки выправляет.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

Враг хоть просвещения,
Любит он ученья.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский баба
Начальником штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба
Губернатор в Або.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный
Генерал дежурный.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государы!

*Между сентябрем 1823 и
апрелем 1824*

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

1

Вдоль Фонтанки-реки
Квартируют полки,
Квартируют полки
Всё гвардейские.
Их и учат, их и мучат
Ни свет ни заря,
Что ни свет ни заря,
Для потехи царя!
Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Разве нет штыков
На князьков-сопляков?
Разве нет свинца
На тирана-подлеца?
Да Семеновский полк
Покажет им толк.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. **Слава!**

2

Уж вы вейте веревки на барские головки,
Вы готовьте ножей на сиятельных князей;
И на место фонарей поразвешивать царей!
Тогда будет тепло, и умно, и светло. Слава!

3

Как идет кузнец да из кузницы. Слава!
Что несет кузнец? Да три ножика.
Вот уж первый-то нож на злодеев вельмож,
А другой-то нож — на попов, на святош.
А молитву сотворя — третий нож на царя.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

Декабрь 1824 или январь 1825

П. И. КОЛОШИН

Петр Иванович Колошин родился в 1794 году в семье чиновника. Как и его брат Павел, он принадлежал к числу видных деятелей начальной эпохи движения декабристов. Однако о жизни его сохранилось не много сведений. Колошин был в родстве и близкой дружбе с И. И. Пущиным, лицейским товарищем Пушкина и выдающимся декабристом. Друг юности Колошина Н. Н. Муравьев (младший) писал о нем: «Он хорошо учился; нрав его тихий, скромный и романтический. Он в особенности любит литературные занятия и, будучи душою поэт, легко пишет стихи».

С 1812 года Колошин состоял на военной службе колонновожатым; в 1813 году был произведен в прапорщики, в 1816 году переведен в гвардейский Генеральный штаб; в 1817—1824 годах преподавал математику в Московском училище колонновожатых. Колошин был деятельным членом организованной молодыми офицерами Генерального штаба «Священной артели» — самой ранней из декабристских организаций (1814—1817), непосредственно подготовившей первое тайное общество — Союз спасения.

Члены «артели» занимались самообразованием, изучали языки, посещали лекции А. П. Кунин-

цына, лицейского учителя Пушкина. В «артели» царил культ дружбы и единомыслия; впоследствии декабрист И. И. Пущин вспоминал: «Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нем». В «Священную артель» входили четыре лицеиста: Пущин, Вальховский, Кюхельбекер, Дельвиг. Первые три стали впоследствии декабристами. Весьма возможно, что «артель» посещал Пушкин.

«Священной артели» посвящено послание Колошина «К артельным друзьям» (принадлежность его Колошину установлена недавно). Это — выдающееся произведение ранней декабристской поэзии, в идейном отношении близкое пушкинскому посланию «К Чаадаеву».

В дальнейшем Колошин состоял членом Союза спасения и Союза благоденствия. Вместе с Н. Муравьевым и С. Трубецким он участвовал в создании «Зеленой книги» — устава Союза благоденствия. В тайном обществе он принадлежал к правой группе, был инициатором пересмотра начального устава Союза спасения; в 1818 году перевел на русский язык устав умеренного немецкого политического общества «Тугендбунд».

В начале 1820-х годов Колошин от движения отошел и членом тайного общества больше не являлся. В восстании 14 декабря 1825 года он участия не принимал и к следствию не был при-

влечен (хотя и подвергался допросу). В 1825—1832 годах Колошин служил в департаментах внешней торговли и уделов; в 1832—1841 годах был вице-директором комиссариатского департамента; в 1841 году получил назначение в военное министерство. Умер в 1849 году.

Поэзией Колошин занимался с большим увлечением. В 1823 году он входил в литературный кружок С. Е. Раича; с 1824 года состоял членом «Вольного общества любителей российской словесности»; переводил Шиллера и Виланда. Стихи Колошина часто печатались в журналах 1820-х годов.

К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Друзья! В приют свой удаленный
От света тяжких уз,
Мечтаньем сладким увлеченный,
Я к вам перенесусь.
Леса дремучие, и горы,
И реки между нас;
Не тешат дружбы разговоры,
Не бьет беседы час.
Но что возможет мысль крылату
В пути остановить?
И душу, чувствами богату,
Что может охладить?

Артель святая! Где гуляешь
Порывом беглых дум?
Чем сердце днесь увеселяешь?
В чем пищу видит ум?
Природы ль зря во всем созданыи
Ненарушимый строй.
Ты утопаешь в созерцаньи,
Блаженствуя душой?
Иль, окруженная тенями
Из древности седой,

Ты красишь мудрыми гостями
Свой уголок простой?
Иль, мыслию склоняясь долу
К родимой стороне,
Бродящих дум по произволу
Блуждаешь в сладком сне
Прошедшего в странах блаженных?..
Почто ж вслед мыслей окрыленных
Я сам не возмогу лететь,
Спуститься в милый круг почтенных
И сердце дружбой отогреть?
Здесь всё так хладно, безответно,
Всё душу робкую страшит;
Здесь время сном тяжелым спит
И жизнь влачится неприметно..

Ужель на радость нам даны
Лишь беглые минуты,
А груды лет посвящены
На грусть и скорби люты?
Всё в мире держится одной
Десницею незримой;
Везде согласный, дивный строй,
Вовек ненарушимый.
И прах взметенный, и светил
Бесчисленные сонмы
Глагол единый подчинил
Под равные законы.

И сей водимые рукой
Блаженствуют вселенны,
Везде согласный дивный строй,
Все счастием прельщенны.

Один лишь смертный мира чужд,
Отверженный твореньем,
В борьбе страстей, в грызеньи нужд,
Забытый провиденьем,
Влекомый пламенной душой —
Не находя, желает,
Везде зрит счастья дивный строй —
И счастья не знает.

Друзья! Вот стон души моей
Скорбящей, одинокой!
Мечта золотая ранних дней
Еще от нас далеко.
Еще в тумане скрыта цель
Возлюбленных желаний.
Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов золотых
Для счастья отчизны, —
Кто ж в шуме радостей пустых
Мне заменит в сей жизни?
Я с вами — и в душе горит
Добра огонь священный!
Без вас — иной всё кажется вид,
Столь низкий и презренный.
Но час пробьет, услышим мы
Отчизны призыванья!
Тогда появятся из тьмы
Душ пламенных желанья.
Сплетенные рука с рукой.
На путь мы ступим жизни

И пылкой полетим душой
 Ко счастью отчизны.
И кто возможет положить
 Преграды нам в полете?
Кто для отчизны хочет жить,
 Тот выше бедствий в свете.
Судьба! вознаградишь ли ты
 Счастливо ожиданье?
Быть может, сладостны мечты,
 Младых сердец желанья
Пройдут, как утра легкий сон,
 Как беглых струй течение,
И мы, завистных слыша стон,
 Зря злобы исступленье,
Беспечность слабых и к другим
 Их хладное участие,
Лишь вздохом горести почтим
 Всеобщее несчастье.
Друзья! Блажен, кто в жизни сей
 На возмущенном море,
Искусный кормчий средь зыбей
 Стихий в упрямом споре,
Отважно плыл и вел других
 Десницей благотворной.
Но кто зрит слабость сил своих
 Средь бури непокорной —
Тот счастлив, коль дрожащий челн
 Извел из вод смущенных
И зрит спокойно ярость волн,
 О берег раздробленных.

ПАРОХОД

А. О. К<ОрнИлови>чу

Шумит волна, клубится пена,
Летит бескрылый пароход,
И неужель из финских вод
Ни разу не вспорхнет сирена,
Чтоб нежной песню своей
И сон отвлечь с моих очей,
И тяготеющую скуку?
Давно уже, внимая звуку
Уныло воющих паров,
Смотрю я вдаль на вод равнину,
На шумную борьбу валов
И вспять бегущих берегов
На переменную картину.
Кругом меня — всё крепко спит,
Умолкла живость отправления,
И даже, тяготой правленья
Согбенный, у руля сидит
Безмолвен славный наш Петрович.¹
Где ж ты, любезный краснойбай,
Знакомец предков, К<орнИлови>ч?
Скорее в лодку — приезжай!

¹ Лицо, известное многим пассажирам кронштадтского парохода.

Что там? — Прельщаяся погодой,
Весь шумный город опустел;
Весь свет на дачах захотел
Небрежно подышать природой.
Здесь всё для твоего пера
И пища, и воспоминанье:
Здесь каждый камень есть созданье
И прочный памятник Петра.
Не он ли первый опрокинул
Погибель на плеча врагам?
Не он ли захотел — и двинул
Россию к финским берегам?
Давно ль, одеянный туманом,
Забытый гордым океаном,
Сей уголок морей дремал
Среди болот непроходимых?
Жилища бурь неукротимых,
Пловец его не посещал —
И птиц морских печальны крики
Иль финской песни голос дикий
Один в пустынных берегах
Примету жизни означали.
Теперь в болотах и скалах
Роскошны города восстали;
Богатства от концов земли
Рекой в путь новый поспешили,
И чужеземны корабли
Залив пустынный заселили.

Но кто сильнее слов твоих
Опишет подвиги Петровы?
Приди, приятель: слушать их

Мы сердцем пламенным готовы!
И, чтоб подробней повесть шла
Про неудачи и успехи,
Про царские его потехи
И богатырские дела,
Обрадуй, запасись старинкой;
Тебе недалеко ходить!
И кто ж тогда дерзнет сравнить
Мой жребий с лучшей вечеринкой.

< 1824 >

Н. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин родился в 1800 году; учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1816—1817 годах он впервые выступил в печати, опубликовав в университетском альманахе «Каллиопа» несколько стихотворений. После окончания Московского училища колонновожатых и производства в офицеры он был назначен поручиком по квартирмейстерской части в штаб Южной армии, в Тульчин, где под руководством Пестеля формировалось ядро Южного общества.

В 1821 или 1822 году Н. С. Бобрищев-Пушкин был принят в члены Южного общества; как и его брат Павел, он стал сторонником радикальных действий, республиканцем, учеником Пестеля. Однако с большинством своих товарищей по обществу он расходился в вопросе о религии, придерживаясь идеалистических, религиозных воззрений. Вместе с братом Павлом он написал дополнение к «Русской правде» Пестеля («записку» по квартирмейстерской части); участвовал и в сокрытии «Русской правды», в ноябре 1825 года зарытой в землю неподалеку от Тульчина.

В начале 1826 года Н. С. Бобрищев-Пушкин был арестован в Тульчине, привезен в Петер-

бург и заключен в Петропавловскую крепость. Тяжелые условия заключения и мучительное следствие надломили его психику, но, несмотря на явное психическое расстройство, он был приговорен к двадцати годам поселения в Сибири.

Лишенный материальной и моральной поддержки товарищей и родных, он жил в Средне-Колымске (Якутской губернии), затем в Туруханске и Енисейске (Енисейской губернии). В 1829—1831 годах находился сначала в Енисейской городской больнице, затем в доме умалишенных в Красноярске.

В 1833 году на поселение в Красноярск был переведен П. С. Бобрищев-Пушкин; он, взяв брата из дома умалишенных, пытался своим уходом улучшить состояние больного. Однако душевная болезнь оказалась неизлечимой и не покидала Н. С. Бобрищева-Пушкина до самой его смерти. В 1839 году братьев перевели на поселение в Тобольск; после амнистии 1856 года они переехали в Тульскую губернию, в имение сестры. Здесь в 1871 году Н. С. Бобрищев-Пушкин умер.

Трагически сложившиеся обстоятельства жизни Н. С. Бобрищева-Пушкина не дали развиваться его поэтическому дарованию, о котором бесспорно свидетельствует публикуемое в настоящем сборнике стихотворение.

БЕССМЕРТИЕ

Предмет великих душ, надежда их и сила,
Бессмертие! внуши из праха голос мой!
Где тайная судьба твой трон соорудила?
Куда меня влечешь и — властью какой?
Не ведая тебя, отсутственным пленяюсь;
Конец желаний всех — ты всюду предо мной.
В семейном ли кругу с друзьями утешаюсь,
Оставя ли труды, вкушаю я покой —
Повсюду новая мечта мечту сменяет,
Безвестность некая везде мой дух смущает,
И в скуке следую незримым я стопам!
Вотще шум радостных роскошных упоений:
Желанья тайного не усыпить пирам!

Пусть рой веселых наслаждений —
И Смех, и Игры, и Любовь —
Летят под мой богатый кров;
Пусть яства ставятся драгие
Мне изобилия рукой,
И ходят чаши круговые,
Всё дышит радостью одной;
Но удовольствия промчатся,
Очарование пройдет,
Желанья снова возродятся,
И рой веселия вспорхнет,

Так несвершаемых желаний на крилах
Влекумая красой надежд без исполненья,
К блаженству вечному душа моя парит;
И здесь ничто не утолит
Томящей жажды сей таинственна стремленья!..

Бог, смертного душой высокой одарив,
Сей искрой божества, сей искрою чудесной,
На миг ли жизнь мне дал с печалью
бесконечной? —
Нет, персть преидет во тлен, но дух вовеки
жив!

Нет, не исчезну я, как былие от зноя;
Господь, создав меня, «бессмертен будь» изрек;
Так — вечность наша цель, цель горнего покоя,
К которой каждый час стремится человек!

Туда летит мое желанье,
Туда, в сей дивный мир, где радость —
вечный цвет,
Где сердцу слабому страданий больше нет,
Где сирому — покров, убогим — достоянье,
Где доброму — венец, пороку — наказанье!
Так! смертный плотню, бессмертен духом ты!
Жизнь наша луч один сладчайшего рассвета.
Отринь же тщетные сует мирских мечты!
Сын мрака! сделайся достойным вечна света,
Достойным той руки, которая тебя
Из праха извела, исполнив духа силой,
Которая тебе поведала себя
И в жизни счастливой, и в жизни сей унылой,
В могуществе, красе, величьи чудных дел!
С верховным счастьем она беды связала,

Страданий поприщу назначила предел
И в разуме твоём твой путь предначертала!
Отвергни суетность, владыкой будь страстей!
Пред тайной вечностью что замыслы людей —
Сие мгновенное кичение во прахе!
И что вселенная пред тем, кто зрит с небес,
О ком вещает сонм бесчисленных чудес,
О ком сей звездный круг поведает во страхе?
Остановитесь, мечтания рабы!
Куда стремитесь вы в несчастном заблуждении,
Ума и чувствий в упоеньи,
Враги своей высокоя судьбы? —
Один, презрев грозу пучины разъяренной,
Плывет через моря за золотым песком;
Другой, в шуму торжеств, богатством
ослепленный,
Забыл и божество в тщеславии своём;
Иной искать честей летит на бой кровавый,
А тот колеблет трон и рушит мир граждан!..
Безумцы гордые! что грома вашей славы? —
Без добродетели никто не оправдан!
Слепцы! веселие как молния исчезает;
Блеснет *минутное*, увянет цвет красы;
За всеми грозна смерть невидимо летает,
И всё здесь добыча губительной косы.
Престола сильный обладатель,
Долины мирный гражданин,
Судья, неправоты каратель,
И воин, грозный брани сын,
Богач с надменною душою,
Убогий с нищенской клюкою —
Все смерти дань в себе несут.

Величье, нищета, гремящее название,
Бессилие и власть, невежество и знание
За гробовой доской один конец найдут.
И вечный судия, таинственный свидетель
Всех помыслов людей, не зрит на блеск пустой:
И в храм бессмертия под кров приемлет свой
Тебя единую, святая Добродетель!

1817

П. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин родился в 1802 году в семье небогатого дворянина; обучался в Благородном пансионе при Московском университете. В университетском альманахе «Каллиопа» в 1817 году было напечатано несколько его юношеских басен.

После окончания Московского училища колонновожатых и получения офицерского чина П. С. Бобрищев-Пушкин служил в штабе Южной армии в Тульчине (по квартирмейстерской части). В 1821 или 1822 году он был принят в Южное общество. По поручению Пестеля, он вместе с братом Николаем написал дополнение к «Русской правде» — «Записку» по квартирмейстерской части, уничтоженную им самим перед арестом.

В 1826 году П. С. Бобрищев-Пушкин был арестован в Тульчине и затем заключен в Петропавловскую крепость. Его приговорили к восьми годам каторги с последующим поселением в Сибири.

В Сибири П. С. Бобрищев-Пушкин был деятельным участником «каторжной академии». Он вел философские диспуты, на которых отстаивал свои религиозные воззрения, писал стихи, много

переводил. К сожалению, не сохранился его перевод «Мыслей» французского философа Паскаля, начатый им еще до восстания. Как и некоторые другие декабристы (Н. А. Крюков, А. П. Беляев и др.), П. С. Бобрищев-Пушкин в годы каторги и ссылки искал утешения в религии.

В 1832 году он был отправлен на поселение в Иркутскую губернию. Вскоре его перевели в Красноярск для ухода за братом Николаем, потерявшим рассудок в каземате Петропавловской крепости. В 1839 году вместе с братом он переехал в Тобольск, где поддерживал дружеские связи с декабристами М. А. Фонвизиным, П. А. Анненковым и др. Увлечшись гомеопатией, П. С. Бобрищев-Пушкин отдавал много времени бесплатному лечению тобольской бедноты, проявил подлинное самоотвержение во время холерной эпидемии 1848 года.

После амнистии, в 1856 году, П. С. Бобрищев-Пушкин покинул Сибирь и поселился в Тульской губернии. Умер он в 1865 году в Москве.

Товарищи по каторге и поселению высоко ценили стихи П. С. Бобрищева-Пушкина. А. Е. Розен ставил его в один ряд с А. И. Одоевским. Это, разумеется, преувеличение. Лирика П. С. Бобрищева-Пушкина несовершенна, но его сатирические басни написаны с профессиональным мастерством.

ЛИСИЦА-СЕКРЕТАРЬ

Лев приказание однажды дал лисице,
Законы толковать великой мастерице,
Скорее написать о том,
Чтоб длиннохвостые из царства вышли вон.
Лисица принялася,
И ну писать!
И титул, и число исправно написала;
А там и стала.
Верть так и сяк хвостом, не знает, что начать.
В законах-то она хоть толк довольно знала,
Да с ней случилась беда:
Когда бы не было у ней самой хвоста,
Тогда б другое дело.
Однако ж хитростью она кой-как успела —
И снова за письмо, на цыпочках присела —
И тут уж ну валять...
В минуту кончила, кой-что переменяла:
Не *хвост* в наказ, *рога* вклеила
И подвела такой закон,
Чтобы рогатых выгнать вон.
Лев на лисицу полагался.
Уж дело предо львом,
А секретарь в чести — так дело и с концом;
Махнул, и подписался.

Лисица в стороне; а бедные козлы
 Быки, бараны и волы
 Принуждены от леса отказаться
 И от скотов скорее убираться.

<1817>

БРАГА

Басня

Крестьянин молодой,
По древнему обыкновенью дедов,
Весеннею порой
Собрался угостить своих соседей
На праздник храмовой.
И для того сварил недели за две браги
Две полные корчаги
И, в бочку влив, закупорил гвоздем,
С той мыслью, чтоб она путем
Ко праздничному дню осела.
Ан вышло не по нем, как на беду, всё дело,
И словно как над ним лукавый подшутил:
Во-первых, солоду в нее переложил,
А во-вторых, вина и та, что слишком много
Он в бочку чересчур налил
И что закупорил он слишком строго,
Не сделавши нигде отдушин в ней.
Но как бы ни было, не знаю, сколько дней
Пробывши взаперти, так брага забродила,
Что удали такой и пиву б впору было;
А как насперся дух и набралась сила,
Стесненная со всех сторон,

Гвоздь верхний вышибла она из бочки вон
И, клубом пеняся, в отверстие побежала!..

Увидев то, крестьянин мой

«Постой же, — говорит, — я справлюся с тобой,

На гвоздь один надежды, видно, мало!»

Сказав, по-прежнему закупорил гвоздем,

А сверх того еще для подкрепленья

Он бочку обтянул железным обручом.

«Теперь не вырвешься, прошу прощенья!» —

Сказал он, отходя от бочки прочь.

Но дело не по нем сбылося снова.

Он и не ждал себе несчастья такого:

Перестоявши ночь,

Сильнее прежнего зашевелилась брага,

Вспузырилась, сперлась и, весь собравши дух —

Откодь взялась отвага, —

Вон вышибла не гвоздь, а целый круг

И потекла по погребу ручьями!..

Крестьянин ахнул мой, всплеснул руками,

Когда пришел поутру навестить,

Увидев в погребе такое разрушенье,

А некого бранить... .

На праздники без угошенья

Остался он по милости своей.

А если бы крестьянин был умней

И сколько надобно дал браге бы свободы —

И сам бы с брагой был для праздничных он
дней,

И бочки разрывать не довелось бы ей.

Свое всегда возьмет закон природы.

КЛЯЧА, ДРОВА И ДРОВНИ

Крестьянин зимнею порою
Ранехонько перед зарею
Саженных дров огромный воз
В столичный город для продажи
На тощей кляче вез.

А кляча, чуть дыша, и более от клажи,
Так уморилася, хоть стать.

Чтоб кляче отдых дать,
Мужик пустил ее идти по воле,
А сам, отстав шагов десятков пять,
Не боле,

Шел полегонечку за возом вслед.

Приметя, что кнута позади больше нет,
Клячонка в разговор пустилася с дровнями:
— Возможно ль, — говорит, — меня несчастней
быть?

Вам хорошо лежать. Попробовали б сами,
Вас, лежней эдаких, мне какво тащить!
Вишь растарасились как по снегу покойно,
И шагу не хотят без лошади ступить.
Да как же! . . барыни! . . им, видишь, непристойно
Самим ходить.

Я проучила б вас, когда в моей бы воле!..

— Что ты? Режнулась, что ли? —

Тут дровни заскрипели ей. —

Нашла завидовать! Мы с должностью твоей

Свою охотно б поменяли.

Вишь телепней каких почти сажень наклали;

Ты тащишь только их, а нас они так давят.

Вот их так подлинно завидная судьба,

И горя нет... лежат себе, как господа,

И нас с тобою в грош не ставят...

Умели б эдак мы и сами лечь!..

— Безумные, — тут им бранчиво пробренчали

Дрова, прослыша их завистливую речь. —

Вы, видно, горя не видали.

Вы знаете ль, зачем везут нас?.. Жечы!

Н. И. ЛОРЕР

Николай Иванович Лорер родился в 1795 году на Украине в небогатой дворянской семье. После смерти отца воспитывался в имении П. В. Капниста (брата известного писателя), где, по собственным словам, «был принят как сын». Племянники П. В. Капниста, Семен и Алексей (сыновья писателя) также стали впоследствии декабристами.

В 1812 году Лорер поступил в Дворянский полк при Кадетском корпусе в Петербурге. Во время Отечественной войны он был офицером гвардии, участвовал в заграничных походах; в Германии стал членом масонской ложи, однако его масонство было кратковременным.

Резкий перелом во взглядах Лорера, переход к революционным воззрениям совершился в начале 1820-х годов под влиянием восстания Семеновского полка и западноевропейских революций 1821—1822 годов. В 1823 году Лорер вступил в Северное отделение Южного общества и вскоре из гвардии перевелся на юг, в Вятский пехотный полк, которым командовал П. И. Пестель. Здесь он принял деятельное участие в подготовке восстания, полностью поддерживая позиции Пестеля.

Арестованный 23 декабря 1825 года в Тульчине, Лорер был препровожден в Петербург и 14 месяцев просидел в Петропавловской крепости. Вначале он упорно хранил вверенные ему тайны и отрицал свое участие в подготовке восстания, но, убедившись в полной осведомленности властей, не выдержал и «покаялся». В 1826 году он был осужден на двенадцать лет каторжных работ. После шестилетнего заключения в Читинской и Петровской тюрьмах его в 1832 году отправили на поселение в Курган Тобольской губернии.

По ходатайству его племянницы, А. О. Россет-Смирновой, в 1837 году Лорер был переведен солдатом на Кавказ вместе с А. И. Одоевским, А. Е. Розеном и некоторыми другими декабристами. Он был дружен с А. И. Одоевским и сохранил в памяти много его стихотворений; на Кавказе сблизился с братом А. С. Пушкина Львом Сергеевичем; в 1840 году познакомился с М. Ю. Лермонтовым. При погребении Лермонтова Лорер нес его гроб на плечах.

В 1840 году Лорер получил младший офицерский чин прапорщика; через два года уволился от службы и поселился в селе Водяном Херсонской губернии. После возвращения из Сибири жизнь Лорера была омрачена смертью жены, бедностью. Умер он в Полтаве в 1873 году.

Лорер обладал несомненным литературным дарованием; ему принадлежат интересные «Записки», свидетельствующие о незаурядных способностях их автора как прозаика. Он славился

среди декабристов своими увлекательными устными рассказами; на одном из них основана повесть декабриста Николая Бестужева «Русские в Париже 1814 года». Из стихотворений Лорера сохранилось всего три, публикуемые в настоящем издании.

НАПОЛЕОН

У моря, на скале угрюмой,
Главу на грудь уныло преклоня,
Державный пленник с тяжкой думой
Один сидел. Светило дня
На западе из черных туч сияло
И пурпурной порфирой покрывало
Бездонную пучину синих вод.

«Торжествен твой и запад и восход;
Ты не померкнешь в туче черной;
Ты не погаснешь в моря глубине;
Твой лик нетленный, животворный
Царит, как бог, в небесной вышине!
Не твой удел на жребий выпал мне:
Как ты, моя звезда приветливо сияла,
В пучине звезд соперницы не знала
И, грозная, носилась над землей,
Пророча смерть и разрушенье, —
Но всё похитило единое мгновенье...
О, Ватерло! Теперь судьбы моей
Едва приметен луч над современной бездной:
Без славы и без битв душой осиротев,
Под сворой дружных псов я усмирен, как лев,
И лицемерным сном дремлю в тюрьме железной.

Кричат: «Он побежден!» Так что ж?
Я — Аннибал!

История, твои заветные скрижали

Несчастьем его не упрекали;

Ты врезала на них: «Он римлян побеждал!»

Моя соперница — Россия,

Но победитель мой — судьба...

Я шел не по следам Батыя,

И не бессмысленна была моя борьба:

Я движим был не погремушкой славы...

Я видел пепл Москвы, но я не Герострат...

Все царства я б сложил в итоговой державы...

Я прав перед людьми, пред богом — виноват:

Я не постиг его предназначенья,

Но, ослеплен успехом чудных дел,

Хотел переступить в пылу самозабвенья

Божественным перстом начертанный предел;

Хотел десницею железной

Внезапно завладеть веков грядущей бездной —

И те века до срока призвал я,

Чтоб предрассудков цепь заржавленную скинуть

И к цели высшей бытия

Ленивую громаду передвинуть».

1820-е годы (?)

**АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ
КАПНИСТ**

Пусть нежной думой — жизни цветом —
Благоухает твой *альбом!*
Пусть будет дума та заветом
И верным памяти звеном.
И ежели *альбома* данник
Окончит грустный путь земной
И, лучшей жизни новый странник,
Навек разлучится с тобой, —
Взгляни с улыбкою унылой
На мысль, души его завет,
Как на пустынный скромный цвет,
Цветущий над могилой.

27 ноября 1856

Всё, что знавал, всё, что любил,
Я невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Ничто уж не живит меня.
Без места на пиру земном,
Я только лишний гость на нем.

5 августа 1867
С. Водяная

Н. А. БЕСТУЖЕВ

Николай Александрович Бестужев, старший из четырех братьев-декабристов, родился в 1791 году. В 1802—1809 годах он обучался в Морском корпусе, где затем остался служить воспитателем. В 1814 году поступил на корабельную службу и в 1815—1824 годах участвовал в нескольких заграничных плаваниях. В дальнейшем он состоял начальником Морского музея и был официально назначен историографом русского флота.

В конце 1824 или начале 1825 года Н. А. Бестужев вступил в Северное общество. Независимость мнений, широкая эрудиция и скромность, трезвый ум и преданность идее свободы снискали ему уважение и авторитет среди товарищей по обществу. Сохранился список «Конституции» Н. Муравьева с критическими замечаниями Н. А. Бестужева. Будучи близок с К. Ф. Рылеевым, он оставил о нем интереснейшие «Воспоминания».

Накануне восстания Н. А. Бестужев участвовал в составлении «Манифеста к русскому народу», предназначавшегося для обнародования от имени Сената (текст «Манифеста» утрачен). В день восстания 14 декабря Н. А. Бестужев

действовал энергично и находчиво, привел на Сенатскую площадь Гвардейский флотский экипаж. Арестованный в Кронштадте (откуда, по видимому, собирался бежать за границу), он проявил во время следствия исключительную стойкость и вызвал гнев царя, добивавшегося «откровенных» показаний.

Следственная комиссия приговорила Н. А. Бестужева к двадцати годам каторги, которую он отбывал в Нерчинских рудниках, в Чите и Петровском заводе. В 1839 году срок был сокращен до 13 лет и Н. А. Бестужев был переведен на поселение в Селенгинск Иркутской губернии.

В Сибири Н. А. Бестужев деятельно трудился, изучил различные ремесла — слесарное, токарное, сапожное, ювелирное, много занимался разного рода изобретениями и усовершенствованиями. Умер он в Селенгинске в 1855 году, за год до амнистии.

В истории декабризма Н. А. Бестужев занимает выдающееся место. Он был разносторонне образованным и богато одаренным человеком — талантливым историком, экономистом, живописцем и писателем. Большую ценность представляет созданная им в Сибири галерея акварельных рисунков и портретов декабристов. И до восстания, и в Сибири он с увлечением занимался историческими и экономическими разысканиями. Из сохранившихся его произведений в этой области наиболее значительны «Опыт истории российского флота» (1824) и «О свободе торговли и вообще промышленности» (1832).

Н. А. Бестужев проявил себя и как талантливый этнограф; сохранились его ценные очерки о быте и верованиях бурят.

В литературном творчестве Н. А. Бестужева, дошедшем до нас не полностью, главное место занимает историческая и беллетристическая проза («Воспоминания о Рылееве», «Шлиссельбургская станция», «Трактирная лестница», «Похороны» и др.). Уже после его смерти, в 1860 году, вышел в свет сборник его произведений «Рассказы старого моряка».

Поэзию Н. А. Бестужев любил и глубоко понимал, но стихов писал мало.

МАРТЫШКА И БРИТВА

Басня

С умом изо всего извлечь нам пользу можно,
Когда обходимся с вещами осторожно;

А без ума — всегда

С опасными вещьми беда.

Мартышка бритву утащила,
И, глядя на людей, намылилась она

И мыло бритвою скоблила;

Но вот беда: она тому не ученá;

Что лапу занесет, то сдернет лоскут кожи,

Что бритвой повернет, то брызнет кровь
из рожи,

То уха хвачено, то гúбы клок висит.

— Пусть так, — Мартышка говорит. —

Да пусть же видит всяк, что бриться я хотела

И что на свет большой не в щелочку глядела.

Недолго меж людей

К мартышке сей

Приискивать примера:

Иной тарашится и бриться, и писать,

Чтоб после о себе сказать:

«Ведь я уж бреюся, уж я читал Вольтера».

1819

К УЛЕТЕВШЕМУ ГЕНИЮ

Ты улетел, мой гений благодатный,
Умчав мою надежду за собой;
Мечты, что были столько мне приятны,
Уже не посетят воздушною толпой
Питомца их небесных вдохновений;
Увы! ты рано улетел, мой гений,
Умчав мою надежду за собой.

Как было сладостно мне предаваться,
Поэзия, внушениям твоим,
В незримой области твоей теряться
Воображением, вождем моим;
На сем пути земного пилигримства
Мне было сладостно гостеприимство,
Поэзия, пред алтарем твоим!

Но путь еще протек до половины,
А вы так неожиданно ушли,
Мечты! по манию лихой судьбины
С собой мое блаженство унесли;
С кем мне теперь делить остаток жизни
В туманной области земной отчизны?
А вы так неожиданно ушли.

Теперь одна существенность земная
Явилась мне в презренной наготе,
И ум, хаос повсюду обретая,
К бесплодной прилепился суете,
Неся ей в дар усилья благородны;
Уж он простыл, жар к вымыслам
природный,
Существенность явилась в наготе.

Один лишь мрак в душе моей остался,
Где прежде луч поэзии светил,
Забот тяжелый груз в удел достался
Тому, кто некогда мечтой парил
В эфирных областях воображенья,
Где нет душе от бедствий облегченья.
Где прежде луч поэзии светил.

Почто ж ты так безвременно умчался,
Мой гений-гость, спутник лучших дней,
Почто же ты со мною не остался
И до конца мгновенной жизни сей?
Тогда б я, странник в мире одинокой,
Не дал торжествовать судьбе жестокой;
Но ты уж улетел, гость лучших дней.

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Гавриил Степанович Батеньков родился в 1793 году в Сибири. Отец его был отставным офицером, жившим на скромную пенсию; мать происходила из весьма небогатой купеческой семьи. Будущий декабрист самостоятельно овладел грамотой и некоторое время проучился в Военно-сиротской школе в Тобольске.

В 1811 году Батеньков поступил во Второй кадетский корпус в Петербурге. Он много занимался самообразованием; изучал литературу, историю, географию, математику, философию и языки. Одновременно с Батеньковым в корпусе обучался В. Ф. Раевский; здесь между ними возникла тесная дружба, которой оба остались верны всю жизнь.

В 1812 году Батеньков был выпущен из корпуса с чином прапорщика. Во время Отечественной войны он неоднократно участвовал в сражениях; в бою у Монмираля получил десять штыковых ран. В 1816 году, возмущенный насаждением в армии аракчеевских порядков, он подал в отставку и в том же году, блестяще выдержав экзамен при Институте инженеров путей сообщения, был по собственному желанию назначен инженером в Тобольск.

Батеньков с увлечением разрабатывал планы

освоения Сибири. Его знания и административные способности высоко оценил известный государственный деятель М. М. Сперанский, бывший тогда генерал-губернатором Сибири; Батеньков стал его ближайшим помощником, проектировал для Сибири новую организацию управления, тщательно изучал ее экономику.

По ходатайству Сперанского, в 1821 году Батеньков был назначен правителем дел Сибирского комитета (в Петербурге). Начальником его оказался Аракчеев, председатель комитета, что чрезвычайно тяготило Батенькова, хотя тот его отличал и даже назначил членом Совета военных поселений. В 1825 году Батеньков был уволен от всех должностей, так как отзывался с одобрением об убийстве любовницы Аракчеева, Настасьи Минкиной.

Вольнолюбивые симпатии, понимание необходимости общественных преобразований возникли у Батенькова еще в 1810-х годах. В начале 1820-х годов он сблизился с Н. А. и А. А. Бестужевыми, в 1824 году познакомился с К. Ф. Рылеевым. Однако сначала его воззрения не шли далее конституционно-монархических; лишь в январе 1825 года, по его собственному признанию, у него впервые возникла мысль о необходимости революционного переворота. Батеньков разрабатывал проект конституции для России. Осенью 1825 года он был принят А. Бестужевым в тайное общество и сразу завоевал в нем большой авторитет; его наметили в члены будущего Временного правительства.

14 декабря, убедившись в малочисленности восставших, он к стоявшим в «каре» на Сенатской площади не присоединился, но и не присягнул Николаю I. Арестовали Батенькова 29 декабря 1825 года. Николай I требовал показаний о причастности к тайному обществу М. М. Сперанского, но не добился ничего.

Приговоренный к двадцати годам каторги, Батеньков, однако, не был отправлен в Сибирь. Его участь оказалась еще более тяжелой. Он все двадцать лет провел в одиночном заключении: до 1827 года — в крепости Свартгольм в Финляндии, затем в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. Очевидно, Николай I боялся связей и влияния Батенькова в Сибири и, кроме того, мстил ему за проявленное на следствии упорство.

В крепости Батеньков отказывался принимать пищу, несколько раз симулировал сумасшествие, писал издевательские письма царю. Не исключена возможность, что временами он действительно страдал помрачением рассудка, вызванным тяжелыми условиями одиночного заключения.

В 1846 году он был отправлен на поселение в Томск; завязал переписку с В. Ф. Раевским, Н. А. Бестужевым, И. И. Пущиным. Получив письмо от Батенькова, декабрист В. П. Штейнгель изумлялся, «как могла сохраниться в нем эта благородная живость, которою он так отличался двадцать лет назад». В Сибири Батеньков подружился с петрашевцем Э. Г. Толлем и

помогал ему материально; много занимался литературой. После амнистии 1856 года он поселился в Калуге, где и умер в 1863 году.

Профессиональным литератором и поэтом Батеньков не был, но существующее о нем мнение как о поэте «случайном» несправедливо. Стихи он начал писать еще в юности. В 1821—1825 годах Батеньков горячо интересовался литературной жизнью, сблизился с В. А. Жуковским, А. А. Дельвигом и другими поэтами. В Сибири он много писал в прозе — в частности, представляет интерес его статья о Гоголе (1849). Лучшее его произведение — написанное в 1827 году в крепости Свартгольм стихотворение «Оди́чальный».

ОДИЧАЛЫЙ

I

Я прежде говорил: «прости!»
В надежде радостных свиданий;
Мечты вились на пути
И с ними ряд воздушных зданий.
Там друг приветливый манил,
Туда звала семья родная,
Из полной чаши радость пил,
Надежды светлые питая.
Теперь «прости» всему навек!
Зачем живу без наслаждений?
Ужель еще я человек?
Нет!.. да! — для чувства лишь мучений!
Во мне ли оттиск божества?
Я ль создан мира господином?
Создатель — благ. Ужель их два?
Могу ль его назваться сыном?..

Шмели покоятся в дупле,
Червяк в пыли по воле гнется —
И им не тесно на земле:
Им солнце светит, воздух льется,

Им — всё! А мне едва во сне
Живая кажется природа...
Ищу в бесчувственной стене
Отъѣв подобного мне рода.

2

Вон там туман густой вдали
И буря тучами играет;
Вода одна, и нет земли,
Жизнь томно факел погашает.
Вон там на воздухе висит,
Как страшный остов, камень голый,
И — дик и пуст — шумит, трещит
Вокруг трущобой лес сосновый.
 Там серый свет,
 Пространства нет —
И время медленно ступает...
Борьбы стихий везде там след...
Пустыня в сиротстве рыдает...

 И там уму
 В тюрьме тюрьму
Еще придумалось устроить...
 Легко ему
 Во мраке — тьму,
В теснине — тесноту удвоить!
 Там пушек ряд,
 Там их снаряд;
При каждом входе часовые.
 Кругом крутят,
 Кругом шумят

Морские волны лишь седые.
Куда пойти?
Кому прийти
Сюда без ведома смотрящих?
И как найти
К родным пути,
Где даже нет и проходящих?

Всё это *там*, друзья, для вас —
И редко вам на мысль приходит...
Всё это *здесь*, друзья, для нас:
Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в нескольких шагах
С железом ржавым на дверях,
Соломы сгнившей пук обшитый
И на увлажненных стенах
Следы страданий позабытых.

Живой в гробу,
Клянусь судьбу
И день несчастного рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачем вдохнули из презренья?

§

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
И дышат ли зефиры в поле?
По-старому ль цветет весна?
Ужель и люди веселятся?

Ужель *не их* — их не страшит?
Друг другу смеет поверяться,
И думает, и говорит?..
Не верю. Всё переменялось:
Земля вращается, стена,
И солнце красное сокрылось..
Но, может быть, лишь для меня!

4

Вон там, весной,
Земли пустой
Кусок вода струей отмыла.
Там глушь: полынь и мох густой —
И будет там моя могила!
Ничьей слезой
Прах бедный мой
В гробу гнилом не оросится,
И на покой
Чужой рукой
Ресниц чета соединится.

Не урна скажет, где лежит
Души бессмертной брэнна рама;
Не пышный памятник стоит,
Не холм цветистый — влажна яма.
Кто любит, не придет туда;
Родной и друг искать не будет
Ко мне заросшего следа;
Его могильщик позабудет.
Здесь имя — в гробовую тьму...
Добра о нем уже не скажут —

И с удовольствием к нему
Враги одно лишь зло привяжут.
Погибли чувства и дела,
Всё доброе мое забыто,
И не осмелится хвала
Мне приписать его открыто.

Довольно раз
К цепям у нас
Себе позволить отвращенье,
Сказать... поднять чело на час —
И расклокочется гоненье...

Кукушка стонет, змей шипит,
Сова качается на ели,
И кожей нетопырь шумит —
Вот песнь кругом сырой постели.
Песок несется, ил трясется,
Выходит пар из мокроты,
И ржавый мох в болото ткется —
Вот мне приветные цветы!
Придет холодный финн порой —
И, в сердце страх один имея,
Смутится самой тишиной
И скажет: «Здесь приют злодея —
Уйдем скорей, уж скоро ночь!
Он чудится и в гробе смутой».
С колом в руках, в боязни лютой,
Крестясь, пойдет оттоле прочь.

О люди, знаете ль вы сами,
Кто вас любил, кто презирал

И для чего под небесами
Один стоял, другой упал?
Пора придет: нелживый свет
Блеснет — всем будет обличенье...
Нет! не напрасно дан завет,
Дано святое наставленье,
Что бог — любовь; и вам любить
Единый к благу путь указан...
И тот, кто вас учил так жить,
Сам был гоним, сам был наказан...
Но чем то сердце будет здесь,
Которое любить умело
И с юных лет уже презрело
Своекорыстие и спесь?
Что́ будет око прозорливо,
Которое земли покров
Так обнимало горделиво
И беги мерило миров?
Что́ будет череп головной,
Разнообразных дум обитель?..
Земля смешается с землей,
Истлит всё время-истребитель!
Но скоро ли? Как для меня
Желателен конец дыханья!
Тлен благотворного огня
Сулит покой, конец страданья!
Но, други, в этот самый час,
Как кончу я мой путь печальный,
Быть может, трепет погребальный
Раздастся в сердце и у вас, —
Иль меж душа́ми нет сношений,
Иль чувства чувство не поймет?

Ненужный вам для наслаждений,
Равно — живет иль не живет?

Ужель себя
Одних любя,
Во мне лишь средство веселиться
Искали вы и не скорбя
Могли навек со мной проститься?

И крови глас
Ужели вас
Ко мне порой не призывает?
И дружбы жар в «прости» погас —
И стону хохот отвечает?..

Пусть так. Забытый и гонимый,
Я сохраню в груди своей
Любви запас неистощимый
Для жизни новой, после сей!
Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новые мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!
Бессмертие! В тебе одном
Одна несчастному отрада:
Покой — в забвеньи гробовом,
Во уповании — награда.
Здесь всё как сон пройдет. Пождем —
Призывный голос навевает —
Мы терпим, бремя мук несем,
Жизнь тихо теплится — и тает...

Май 1827

Свартгольм, крепость

в Финляндии

ТЮРЕМНАЯ ПЕСНЬ

<ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ>

• • • • •

Когда заботы оставляя,
Душа бессмертная парит,
По воле всем располагая,
Мир новый для себя творит,
Мир светлый, стройный и священный;
Когда один я во вселенной,
Один — и просто божий сын;
Как пульс огнем, не кровью, бьется,
Тогда-то песнь рекою льется,
И языка я властелин.

Вот камень, твердый и холодный,
И признака в нем жизни нет;
Вот грубиян — язык народный,
Иным посмешища предмет.
Резец Венеру в камне сыщет,
Певец как соловей засвищет, —
Холодный, грубый — где они?
Зри! Огненный язык слетает,
Его всяк в меру понимает,
Им боги говорят одни.

Когда высоким вдохновеньем
Душа глубокая полна,
С ежеминутным удаленьем
От берегов растет она.
Как хрящ под прочерком скругленья,
Исчезнут слабые творенья,
Как Tenerif свой пик взнесут
Певцы великого размера,
И можно там спросить Гомера,
Где лавры для венцов растут.

Когда лишась мер и созвучий,
Песнь жар не потеряет свой,
И всё еще листок пахучий
Гордиться может красотой —
Так скажет ум обыкновенный.
Ум, для великого рожденный,
Такую должен класть печать,
Что в токе, красках песнопенья —
Без святотатства и смятенья
Нельзя и черточки отнять.

Когда без всякого покрова
Певец увидит красоту
И звуками родного слова
Оденет легкую мечту, —
Он всё отечество возносит.
Напрасно иноземец просит
Священной манны сей вкусить;
Чужим она не раздается;
Одно Танталу остается —
В один язык с певцом вступить.

.....
Не жди из гроба воскресенья
В грязи валяясь вещества,
Алкая в ней увеселенья
И отчужденный божества.
Болезнь и смерть всегда с тобою,
Лишь их ты щупаешь рукою,
Не успокоится твой ум;
Что день, в лишениях тужа,
Осиротевшая душа
Отчается во мраке дум.
И песнь поэта без восторга
Мертва в церквах, мертва средь торга.

.....
Еще я силен и творящих
Храню в себе зачатки сил,
Свободных, умных, яснозрящих,
Не подавит меня кумир.
Не раз и смерть своей косою
Мелькала мне над головою,
Я не боюсь ее. Сразит
Свое, чему нельзя быть вечно,
Иду навстречу ей беспечно,
А дух, забыв ее, парит.

.....
Смотри! Там лаву по долине
Седая Этна разлила,
И много лет прошло донине,
Как лава в пламени была.
Там розу девушка срывает,
Там земледелец хлеб снимает,
Там ратник точит ржавый меч.

Как тихо здесь успокоенье,
Но в глубину пусть вникнет зреньё —
Огонь всё продолжает течь.

Смотри! Вот там под небом тихим
Течет красавица Нева
И руслом всем своим великим,
И делится на рукава.
Сады и села в ней струятся,
Дворцы и храмы в ней зиждятся,
Спят усталые корабли.
Мосты венцом перевивают,
Пловцы веслом переливают:
Светла — и знака нет земли.

.....
Смотри! Как рваный плащ собою
Окутал землю океан,
Он горы спрятал под водою,
Богатства неисчетных стран.
Пусть целый род людей сойдется,
Пусть множество веков прольется,
Всех не исчерпают даров.
Киты всё будут появляться,
Пучины новые рождаться, —
И гения глагол таков.

.....

Н. А. ЧИЖОВ

Николай Алексеевич Чижов родился в 1799 или 1800 году в семье тульского помещика. Образование получил в Петропавловском морском училище в Петербурге и вплоть до 14 декабря служил морским офицером. В 1813—1820 годах плавал на гребных судах в Черном море. В 1821 году был переведен на Север; вместе с Ф. П. Литке, известным полярным мореплавателем, был в экспедиции на Новой Земле. Этому путешествию посвящен его очерк, опубликованный в 1823 году в журнале «Сын отечества».

Членом тайного Северного общества Чижов стал в ноябре 1825 года. В день восстания 14 декабря он первым сообщил Гвардейскому флотскому экипажу о возмущении Московского полка и вместе с примкнувшей к восстанию частью экипажа находился на Сенатской площади. Верховный уголовный суд приговорил Чижова к ссылке в Сибирь, сроком на двадцать лет. На положении ссыльного поселенца Чижов в течение семи лет жил в Олекминске, Якутской губернии.

В 1833 году Чижова по прошению матери зачислили солдатом в один из линейных батальонов, стоявших в Тобольске. В 1837 году он был произведен в унтер-офицеры; с 1839 года вместе с штабом Сибирского корпуса находился в Омске.

В Сибири Чижов общался с ссыльными — участниками польского восстания. «Образование и благородные чувства снискали ему у всех нас уважение и приязнь», — писал о нем один из ссыльных поляков, К. Волицкий. Получив в 1840 году офицерский чин, возвращавший дворянство, Чижов в 1843 году вышел в отставку и уехал в Европейскую Россию. Последние годы своей жизни он состоял управляющим имениями кн. Горчаковой и жил в Орловской и Тульской губерниях. Умер в 1848 году.

Литературой Чижов занимался и до ссылки, и в Сибири. Из его додекабрьской лирики не сохранилось ничего. В Тобольске он писал пьесы для любительских спектаклей; был дружен с автором сказки «Конек-Горбунок» П. Ершовым и вместе с ним сочинил водевиль «Черепослов», впоследствии положенный в основу одноименной оперетты Козьмы Пруткова. В архиве III Отделения сохранился список стихотворений и прозаических произведений Чижова. Указанные в этом списке «Письма с берегов Лены» и «Прогулки по Лене», являющиеся ранними опытами сибирской прозы, — до нас не дошли.

ВОЗДУШНАЯ ДЕВА

Якутская фантазия

Зачем, зачем от дольных мест,
Коварный житель светлых звезд,
Меня увлек ты в край иной?
Ты мне предстал в красе земной,
Твой взгляд зажег в моей крови
Палящий, бурный огонь любви.
Могучий дух! Такую страсть
Могла вдохнуть твоя лишь власть.

Была ль любима я, как знать?
Но он хотел с собою взять
Меня в страну воздушных сил —
Ему наш мир печален был.
И быстро ввысь умчались мы
В полночный час под кровом тьмы.
Отец и мать и край родной —
Всё, всё забыто было мной.

Уж был далек земли предел,
Мой дух молчал и ввысь глядел...
Но вскоре темной ночи мгла
Вкруг нас багроветь начала.
Блеснула молния... в огне

На крыльях туч по высоте
Несется буря, гром гремит...
А дух со мной всё ввысь летит!

Мне ужас чувства оковал,
По жилам хлад змеей бежал,
Когда могучий дух стрелой
Сквозь область туч летел со мной.
И чудно: был ли это сон?
Чем выше возносился он,
Тем легче, тоней, реже был,
И вскоре след его простыл.

С тех пор, забыта и одна,
На волю ветров отдана,
В мятежном споре непогод
Несусь назад, несусь вперед.
Обширен мой воздушный дом,
А я одна скитаюсь в нем,
Одна везде, одна всегда,
Чужда небес, земли чужда.

Сюда, в мой облачный предел,
Порой заносится орел
И, на крылах повиснув, ждет,
Пока добычу взор найдет...
О, если б хищного орла
Слезам тронуть я могла,
Давно бы гость воздушный мой
Меня унес к земле с собой!

Надежда, ты мелькаешь мне
И здесь, в пустынной вышине!
Когда верхи гольцов вдали,
Чело подьемля от земли,
Пронзают тучи, — как горит
Во мне душа, как мысль летит
К земле, к земле!.. Но ветер пахнёт —
И тучи вдаль от гор несет.

Иль в тихий утра час весной,
Поднявшись серебряной грядой,
Толпятся в тверди облака...
И мнится страннице, близка
Страна сияющих светил,
Где друг коварный позабыл,
Среди веселья и пиров,
Мою тоску, мою любовь.

Порой несутся облака
Над родиной, — издалека
Я узнаю и темный бор,
И мрачные вершины гор,
И юрты на берегу ручья,
Где обо мне грустит семья.
Я слышу лай домашних псов
И стук секир в тиши дубров.

Однажды с облаков моих
Мне виден шумный был *исых*,¹
И пляски дев, и бег коней,

¹ Весенний праздник якутов.

Борьба и пир вокруг огней.
Созвала там подруг весна —
А я одна, всегда одна.
Беспечные, они поют,
Меня же ветры вдаль несут.

Но в час, когда темнеет день,
И с гор в долину ляжет тень,
И ветер затихнет, — голос мой
Им слышен в тишине ночной,
Как ропот отдаленных вод,
Как вздох пустыни, как полет
Полночной птицы иль духов
Стенанье в глубине лесов.

Между 1826 и 1833

НУ́ЧА

Якутский рассказ

Ночь ненастна, темна,
В черных тучах луна.
Шумно бьются валы
О крутые скалы.
Торопись, мой конь!
Близок в юртах огонь!

Кто полночной порой
Бродит там, над рекой,
В непогоду один? ..
Круто темя стремнин,
Скользок путь по горам;
Что же ищет он там?

Он глядит с берегов
На плесканье валов;
Ворон вьется над ним...
Он стоит недвижим...
Торопись, мой конь!
Близок в юртах огонь!

Здесь пустая страна,
И дика и страшна,

Здесь собранье духóв;
С вечно снежных гольцов
Их слетается рой
В час полно́чи глухой.

Они бродят в хребтах,
По лесам, на лугах,
По речным берегам,
По заглохшим жильям;
Но им более мил
Прах забытых могил.

Но во мгле на берегу
Распознать я могу,
Будто в солнечный день,
Нúчи скорбную тень.
Хищный вран на горах
Расклевал его прах.

Я бывал с ним знаком,
Посещал он мой дом;
Он пивал мой кумыс,
Мы друзьями звались;
Но веселой порой
Он бывал нам чужой.

Равнодушен и тих,
Он смотрел на *исых*.
Пляски стройные дев,
Их веселый напев,
Их роскошный убор
Не влекли его взор.

Вечно дик и суров,
Полюбил он лесов
Беспробудную тень;
Там, бродя ночь и день
Средь безжизненных скал,
Он вольнее дышал.

Говорили, что он
Ведал тайный закон
Призыванья духóв,
Что будил мертвецов,
Что гроба вопрошал,
Что шаманство он знал.

Но правдив ли рассказ?
Не видал я ни раз,
Чтоб в *дюгюрь* он бивал,
Чтоб власы распускал,
Чтоб безумствовал он,
Чародейством смущен.

Нúча был не таков!
Презирал он духóв!
Он бесстрашно бродил
Вкруг шаманских могил,
Где властительный прах
Схоронен на древах.

Раз, осенней порой,
Дружен с жизнью простой,
Шел он вслед тунгусám
По пустынным хребтам.

Путь змеей им лежал
Меж разлогов и скал.

Вот стоит на пути,
Где им должно пройти,
Вековая сосна;
Почиталась она
Ото всех тунгусов
Пребываньем духов.

Все с оленей сошли
И дары принесли
Властелинам стремнин;
Только Нуча один,
Покачав головой,
Не дал жертвы лесной.

Путь их дале лежал.
Тихо день погасал;
Поднял месяц рога.
Вот вверху кабарга
На висящих скалах
Притаилась в кустах.

Нуча страха не знал,
Был легок и удал.
Он, как горный орел,
К кабарге полетел.
Прочь она — он за ней,
Всё быстрее и быстрее.

Вот пропали из глаз!
Знать, пробил его час...

Только с горных стремнин
Пес к ночлегу один,
Без стрелка прибежал —
Он назад не бывал.

Как хозяин исчез,
Не сказал про то пес.
Только выл он порой
Над стремниной крутой,
Где на каменном дне
Бьет поток в глубине.

С того времени тень,
Когда скроется день,
Бродит в мраке ночей
До рассветных лучей.
Страшно мщенье духов!
Жребий казни суров!

1827 или 1828
Олекма

П р и м е ч а н и я

Нуча. Этим именем называют якуты русских. Содержание сказок своих они заимствуют по большей части из частной жизни. Хорошие рассказчики говорят и поют попеременно.

Исых или *ысых.* Так называется празднество якутов, бывающее летом, в то время, когда поспевают кумыс. Собравшись на лугу, они раскладывают огонь, делают возлияние духам, поют и пляшут. Иногда тут же бывают конские скачки, беганье, борьба и проч.

Дюгюрь. Бубен, в который бьют шаманы, прызвая духов.

*Где властительный прах
Схоронен на древах.*

Якуты имели обычай хоронить покойников на деревьях. Гроб ставили или между ветвями, или, срубая дерева, утверждали его как бы на столбах. Сим правом долее всех пользовались шаманы. Еще и теперь можно видеть остатки подобных могил, в стороне от дорог и жилых мест.

Вот стоит на пути, и проч.

Якуты оказывают ко многим местам некоторый род суеверного благоговения. Наиболее оно относится к устаревшим деревьям, почитаемым местопребыванием духов. На них вешают вязи конских волос, звериные шкуры и другие вещи, чтобы сим снискать благосклонность духов, могущих вредить им на пути или в промысле.

ЖУРАВЛИ

Чуть-чуть видны на высоте воздушной,
Заслыша осени приход,
Несетесь с криком вы станицей дружной
Назад в полуденный отлет —

Туда, где светлого Амура воды
Ласкают зелень берегов,
Не ведая осенней непогоды,
Ни хлада зимнего оков.

Свободны вы, как ветер непостоянный,
Как лоно зыбкое морей,
Как мысль, летящая к стране желанной, —
Вы чужды участи моей.

Земного раб, окованный страстями,
Подъяв слезящие глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
И унести под небеса.

27 июня 1828
Олекминск на Лене

СИБИРСКИЕ ЦВЕТЫ

В глуши лесов уединенной
Устрою домик я и сад,
И будет мой приют смиренный,
Милей мне каменных палат!

Не стану из краев далеких
Сбирать растенья в садик мой;
С полей отчизны, с гор высоких
Сберу цветы страны родной.

С долин Даурии гористой
Возьму роскошный *анемон*,¹
Статис блестящий и душистый
И снежной белизны *пион*.

Сберу *фиалки* полевые —
Эмблему скромной красоты,
И колокольчики простые,
И гордой *лилии* цветы.

С вершин высокого Алтая
Переселятся в садик мой

¹ Все цветы, здесь упоминаемые, взяты из сибирской флоры. См. географию Мильте-Бюна.

Спирей и *астра* голубая,
Нарцисс с завистливой красой.

Возьму душистых *роз* махровых;
С Саянских каменистых гор
И *сараны* цветов багровых —
Камчатки сумрачный убор.

Пускай приют мой небогатый,
В замену счастья даров,
Рукою *Флора* тароватой
Украсит роскошью цветов!

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

У подгорья студеный ключи шумят,
Льются, бьются и на миг не замолчат,

Такова у красной девицы печаль:
Друга милого покинуть сердцу жаль.

Злые люди отравили счастья дни,
О любви моей довелись они.

Разлучили с милым другом, развели,
Но забыть его заставить не могли.

В лютom горе утешенье мне одно —
Сесть, задумавшись, под красное окно,

Может, милый друг по улице пройдет,
Грусть от сердца на минуту отведет.

Может, милый на окошко поглядит,
Красну девицу поклоном подарит.

Может, скажет, оглядевшись вокруг:
«Я по-прежнему люблю тебя, мой друг!»

М. А. БЕСТУЖЕВ

Михаил Александрович Бестужев, младший брат декабристов Николая и Александра Бестужевых, родился в 1800 году. Образование он получил в Морском корпусе и в дальнейшем служил в Гвардейском морском экипаже, состоявшем из наиболее образованной части морского офицерства. В 1825 году М. Бестужев перешел в гвардейский Московский полк, где своей гуманностью и товарищеским отношением быстро снискал любовь солдат и низшего офицерства. В том же году он стал членом Северного общества декабристов.

В день восстания 14 декабря М. Бестужев проявил большую отвагу, находчивость и хладнокровие. Именно он по существу начал восстание, выведя на Сенатскую площадь Московский полк. Когда к вечеру 14 декабря ряды восставших дрогнули, М. Бестужевым была построена на льду Невы колонна солдат с намерением овладеть артиллерией Петропавловской крепости и поставить под обстрел Зимний дворец.

На следствии М. Бестужев проявил большое мужество, подчеркивал свое презрение к победившей власти, что вызвало особый гнев Николая I, приказавшего заковать его в кандалы. В каземате М. Бестужев изобрел азбуку пере-

стукивания. Его приговорили к пожизненной каторге, сокращенной затем до тринадцати лет. М. Бестужев отбывал каторгу в Чите и Петровском заводе; с 1839 года вместе с братом Николаем находился на поселении в Селенгинске, Иркутской губернии.

В Сибири М. Бестужев занимался этнографическим изучением бурятского населения, записывал бурятские сказки, стремился рационализировать местное сельское хозяйство.

После амнистии 1856 года М. Бестужев остался в Сибири и только в 1867 году переехал в Москву, где умер в 1871 году от холеры.

Литературным творчеством М. Бестужев занимался и до, и после восстания. Он много писал в прозе, в Сибири написал ряд не дошедших до нас морских повестей, имевших большой успех у его товарищей. Здесь же им были написаны воспоминания («Мои тюрьмы»), принадлежащие к числу лучших произведений декабристской мемуарной литературы. Единственный из всех декабристов, писавших о тюрьмах и каторге, М. Бестужев коснулся в записках судебных каторжных и ссыльных рабочих, к которым отнесся с глубоким сочувствием и симпатией.

Из поэтических произведений М. Бестужева сохранилась замечательная песня «Что ни ветер шумит...», где с большим лиризмом и высоким трагическим напряжением воссоздана гибель Черниговского полка и его вождя, С. И. Муравьева-Апостола. Это стихотворение М. Бестужева стало одной из популярнейших песен декабристов.

ПЕСНЯ

На голос: «Уж как пал туман на синё море...»

Что ни ветер шумит во сыром бору —
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним Черниговцы идут грудью стая,
Сложить голову за Россию-мать!

И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилась воля-солнышко —
Смертна ночь легла в поле бранное...
Как на поле том бранный конь стоит,
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь, мой конь! скачи в святой Киев-град:
Там товарищи, там мой милый брат.

Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: цепей я нести не мог...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!»

1835

В. Л. ДАВЫДОВ

Василий Львович Давыдов родился в 1792 году в Москве, в семье, известной своей просвещенностью. Его родственниками были герой Отечественной войны генерал Н. Н. Раевский, близкие друзья Пушкина Александр и Николай Раевские, поэт-партизан Денис Давыдов.

Во время Отечественной войны 1812 года Давыдов получил два ранения. Некоторое время он состоял адъютантом при Багратионе, затем участвовал в походах во Францию. В 1820 году, в чине полковника, он вышел в отставку и поселился в селе Каменка Киевской губернии.

На юге Давыдов вступил в Союз благоденствия и вскоре выдвинулся в ряды руководителей тайного общества. В Киеве и в селе Каменка в его доме происходили заседания общества. На одном из таких заседаний присутствовал Пушкин, гостивший в Каменке у Давыдова в конце 1820 и начале 1821 года. Давыдов полностью разделял республиканскую и демократическую программу Пестеля, участвовал в составлении плана царевубийства. В 1823 году вместе с С. Г. Волконским он стал во главе Каменской управы.

Арестованный в январе 1826 года, Давыдов был привезен в Петербург и заключен в Петро-

павловскую крепость. На допросах он держался с большим достоинством. Сначала его приговорили к смертной казни, затем — к пожизненной каторге, которую он отбывал в Чите и Петровском заводе. В 1839 году его перевели на поселение в Красноярск. В ссылке Давыдов не потерял свойственной ему твердости духа, много читал, занимался изучением истории французской и английской революций. Умер он 25 октября 1855 года в Красноярске, за несколько месяцев до амнистии.

До 1826 года Давыдов стихов почти не писал. Но в Сибири, по свидетельству его товарищей по каторге и поселению, он создал много басен и сатирических экспромтов, пользовавшихся известностью в кругу декабристов. М. Бестужев в воспоминаниях сообщил, что Давыдов и А. П. Барятинский составили рукописный сборник своих стихов под названием «Плоды тюремной хандры». Поэтом по призванию Давыдов не был, но его сатирические стихи отличались остротой и выражали взгляды не только их автора, но многих деятелей движения, сохранивших в «каторжных норах» ненависть к деспотизму. По отзывам современников, лучшим произведением Давыдова была не дошедшая до нас целиком сатирическая поэма о Николае I — «Николосарос». Здесь печатаются сохранившиеся от нее отрывки.

**<ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ
«НИКОЛОСАРОС»>**

1

Он добродетель страх любил
И строил ей везде казармы;
И где б ее ни находил,
Тотчас производил в жандармы.

2

...По собственной его вине
При нем случилось возмущенье,
Но он явился на коне,
Провозглашая всепрощенье.
И слово он свое сдержал...
Как сохранилось нам в преданьи,
Лет сорок сряду — всё прощал,
Пока все умерли в изгнаньи.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник включены избранные произведения тех поэтов-декабристов, которые не представлены в малой серии «Библиотеки поэта» отдельными книгами (как К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский).

Произведения А. А. Бестужева печатаются по «Полному собранию стихотворений», подготовленному для второго издания большой серии «Библиотеки поэта»; произведения В. Ф. Раевского — по его «Стихотворениям» в малой серии «Библиотеки поэта», под ред. В. Г. Базанова (Л., 1952, с учетом уточнений и дополнений, предложенных Ю. Г. Оксманом в «Литературном наследстве», т. 60, кн. 1, М., 1956). Произведения остальных поэтов печатаются по новейшим публикациям, первопечатным изданиям и рукописям.

Произведения каждого поэта расположены в хронологическом порядке. В ряде случаев включенные в сборник произведения не поддаются точной датировке; в частности, это относится к ранним стихотворениям В. Ф. Раевского. Даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком; даты первой публикации (в тех случаях, когда не установлена дата написания) указаны в угловых скобках.

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Песнь воинов перед сражением. *Хищный тать* и *Новый Ксеркс* — Наполеон. Ксеркс (ум. 465 до н. э.) — персидский царь-завоеватель, неудачно воевавший с Грецией. *Старец вождь* — М. И. Голенищев-Кутузов (1745—1813). *Батый* (ум. 1255) — татарский хан, основатель Золотой орды, владычество которой было сброшено русскими в XV в. *Сарматы* — здесь: поляки. *Шведов рок*. Имеется в виду поражение шведов в Полтавской битве (1709). *Жуковский в струны загремит* и т. д. Имеется в виду патриотическое стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов», посвященное героям Отечественной войны 1812 г.

Глас правды. *Сатурн* (римск. миф.) — бог времени. *Сын персти слабый и надменный* и *Тиранин как гордый дуб упал*. В обоих случаях речь идет о Наполеоне. *Мочарх* — Александр I; к нему же относятся обращения: «тебя», «тебе».

Послание Николаю Степановичу Ахматову. *Ахматов* — прапорщик, самый младший из сослуживцев Раевского. *Фортуна* (римск. миф.) — богиня судьбы и счастья. *Зоилы* — гонители таланта, от ставшего нарицательным имени греческого критика Зоила (IV—III вв. до н. э.), отличавшегося завистливостью и мелочностью. *Колосс надменный* — Наполеон. *Цирцея* — волшебница, обратившая в свиней спутников Одиссея в «Одиссее» Гомера; в переносном смысле —

обольстительница. *Пенаты* (римск. миф.) — боги-хранители единства и целостности семьи; в переносном смысле — домашний очаг.

К моим пенатам. *Пенаты* — см. выше. *Лары* (римск. миф.) — боги-хранители дома и семьи. *Крезус* — Крез (VI в. до н. э.), лидийский царь. См. примечание к следующему стихотворению. *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны.

Послание Петру Григорьевичу Приклонскому. Военно-судная комиссия, судившая Раевского, заподозрила политический призыв в заключительном стихе («Не время *ú* моря *гд-годы* ожидать»). *Приклонский* — член организованного Раевским в 1816 г. дружеского кружка. *Богиня быстроногая* — Фортуна. См. стр. 402. *Солон дал Крезу наставленье*. Имеется в виду рассказ греческого историка Геродота о прославленном своей мудростью афинском законодателе Солоне (VI в. до н. э.). Странствуя в рубице после ухода из Афин, Солон встретился с лидийским царем Крезом, обладателем несметных сокровищ. Крез мнил себя счастливейшим из людей и попросил Солона подтвердить это, но Солон ответил, что вынести суждение о счастье человека можно лишь после его смерти. Крез вспомнил этот мудрый ответ в плену у персов и, идя на казнь, пересказал слова Солона персидскому царю *Киру*. Последний пришел в восхищение от мудрости Солона и помиловал Креза. *Велизариий* (VI в.) — византийский полководец; заподозрен-

*

НЫЙ в заговоре, был, по преданию, ослеплен и посажен в темницу. *Нерон* Клавдий Тиберий (37—68) — римский император, отличавшийся жестокостью и крайним деспотизмом. *Август* (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император, покровительствовавший поэтам. *Херил* (IV в. до н. э.) — бездарный греческий драматург. *Пиндар* (ок. 518 — ок. 446 до н. э.) — греческий поэт-одописец. *Беатус* (лат.) — нарицательное имя глупца («блаженненький»).

Мое прости друзьям. Написано по поводу временного выхода Раевского в отставку. *Кисловский* — офицер, член дружеского кружка, основанного Раевским в 1816 г. *Приклонский* — см. стр. 403. *Марс* (римск. миф.) — бог войны.

Г. С. Батенькову («Хотя глас дружества молчанью твоему...»). О *Батенькове* — см. стр. 353—356. Стихотворение написано, по-видимому, после назначения Батенькова в 1816 г. инженером путей сообщения в Тобольск. Батеньков с увлечением занимался философией, астрономией и математикой. *Невтон* — Ньютон. *Гершель* Вильям (1738—1822) — английский астроном. *Эйлер* Леонард (1707—1783) — швейцарский математик, механик и физик, долго живший в России. *Лагранж* Жозеф-Луи (1736—1813) — французский математик и механик. *Вакх* (греч. миф.) — бог вина и веселья. *Руссо и Тимона невольню оправдал* и т. д. Раевский несколько

произвольно сближает с Тимоном французского писателя-просветителя XVIII в. Руссо, у которого радикальная критика буржуазных отношений перерастала в осуждение цивилизации. Тимон (V—IV вв. до н. э.) — афинский гражданин, резко обвинявший своих современников в упадке нравственности и живший уединенной жизнью. Стал прототипом мрачного человеконенавистника. Изображен Шекспиром в драме «Тимон Афинский».

«О милая, прости минутному стремленью...» *Лауры пламенный певец* — итальянский поэт Франческо Петрарка (1304—1374).

«Нет, нет, не изменюсь свободною душою...» *Цирцея* — см. стр. 402.

Подражание Горацию. *Гораций Флакк Квинт* (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Филомела* — соловей. Согласно греческому мифу, афинская царевна Филомела была превращена богами в соловья. *Ганимед* (греч. миф.) — прекрасный мальчик, похищенный богами на небо и подававший им нектар и амброзию, напиток и пищу богов; олицетворение веселья и наслаждения. *Марсовы поля* — поля битвы.

Путь к счастью. *Пенаты* — см. стр. 403. *Лукулл* (106—56 до н. э.) — римский полководец, прославившийся богатством и роскошью. *Зоил* — см. стр. 402.

Послание Г. С. Батенькову («Когда над родиной моей...»). *Батеньков* — см. стр. 353—356. *Тиран стремительной стопой* и т. д. Имеется в виду отступление Наполеона из Москвы. *Атропа гибельным резцом* и т. д. Речь идет о десяти штыковых ранах, полученных Батеньковым в бою у Монмираля в январе 1812 г. Атропа — мойра, одна из трех богинь судьбы в греческой мифологии. *Гиперборейские берега* — Сибирь. Гипербореями в древней Греции именовались мифические обитатели крайнего севера. *Где луч учения горит*. Имеется в виду томская масонская ложа «Восточное светило», членом которой был Батеньков. *Лары* — см. стр. 403. *Архимед* (287—212 до н. э.) — греческий математик. *Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ и математик. *Кант Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ. *Гершель* — см. стр. 404.

Сатира на нравы. Рассматривалась в ходе следствия Военно-судной комиссией, усмотревшей в сатире политические намеки. *Властитель и тиран* — Наполеон. *Секвана* — древнее название реки Сены, на берегах которой расположен Париж. *Ир* — нищий, персонаж «Одиссеи» Гомера. *Юпитер* (римск. миф.) — верховное божество древних римлян. *Умный наш певец* — И. А. Крылов. *Эпоха началась* и т. д. Речь идет об обновляющем воздействии на русское общество патриотического подъема 1812 г.

Элегия I («Раздался звон глухой...»). Рассматривалась в ходе следствия Военно-судной

комиссией, справедливо усмотревшей в элегии политическую направленность. *Убийца покровен правительства рукою*. Вероятно, имеется в виду оставшееся безнаказанным убийство крестьянской девушки неким помещиком Ширковым. Об этом же убийстве говорится и в рассуждении «О рабстве крестьян».

Элегия II («Шумит осенний ветр...»). Подобно предыдущему, это стихотворение рассматривалось Военно-судной комиссией. Защищаясь, Раевский отрицал наличие в элегии политической мысли, определив ее как «элегию к осени»: «Писавши в такое мрачное время, имел и мысли мрачные». *Прометеев огонь* — см. стр. 417.

Смеюсь и плачу. Подражание сатире Вольтера «Жан, который плачет, и Жан, который смеется»; ее структуру Раевский использовал для обличения русской крепостнической действительности. Стихотворение рассматривалось Военно-судной комиссией, усмотревшей в нем идеи и выражения, близкие к рассуждению В. Ф. Раевского «О рабстве крестьян». *Луна, бунчук* — знаки власти наместника султана. *À rebours* (франц.) — наоборот (карточный термин). *Фортуна* — см. стр. 402. *Армидины сады* — сады волшебницы Армиды (героини поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»), в которые она завлекла участника крестового похода рыцаря Ринальдо. *Сократ* (469—399 до н. э.) — греческий философ. Его учение было признано развращаю-

щим юношество; по приговору суда он принял яд. *Овидий* — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт, сосланный императором Августом и умерший в изгнании. *Сенека* Луций Анней (ок. 6 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ, политический деятель и писатель; покончил с собой по приказанию Нерона. *Лукреций* — Тит Лукреций Кар (ок. 99—55 до н. э.), римский философ и поэт, автор философской поэмы «О природе вещей». По преданию, покончил жизнь самоубийством. *Тасс* (Тассо) Торквато (1544—1595) — итальянский поэт; после многочисленных столкновений с придворными кругами был посажен в сумасшедший дом. Умер за несколько дней до назначенного триумфа — увенчания лавровым венком в Капитолии. *Камознс* Луис (1525—1580) — португальский поэт, автор недостаточно оцененной современниками патриотической поэмы «Лузиады». Претерпев многочисленные гонения, умер в госпитале для нищих. *Галилей* Галилео (1564—1642) — итальянский физик, механик, астроном; подвергался жестоким преследованиям со стороны церкви. *Как гордый Александр Херила другом звал.* Речь идет о бездарном греческом драматурге, снискавшем покровительство Александра Македонского. *Как конь Калигулы в сенате заседал.* Римский император Калигула (12—41), отличавшийся жестокостью и самодурством, произвел своего коня в консулы и ввел его в сенат. *Как в Мексике, в Перу, в Бразилии, Канаде и т. д.* Речь идет о кровопролитных колонизаторских войнах

XVI—XVII вв. *Астрея* (греч. миф.) — богиня справедливости. *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — бездарный поэт-графоман; сам скупал свои нерасходившиеся произведения. *Глазунов* Иван Петрович (1762—1831) — издатель и книготорговец. *Скотинин* <-Старов>. Имеется в виду полковник С. Н. Старов, сослуживец Раевского; отличался крайне низким культурным уровнем, был высмеян Пушкиным, с которым затеял дуэль. В рукописи стих обрывается на слове «Скотинина»; чтение «Скотинина-Старова» предложено Ю. Г. Оксманом. *Гераклит* (ок. 530—470 до н. э.) — древнегреческий философ, один из главных представителей античной диалектики. За пессимистический характер отдельных положений своей философской системы был прозван «плачущим». *Демокрит* (ок. 460—370 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, прозванный «смеющимся»; антагонист Гераклита; в основе его учения — атомистическое объяснение мира и утверждение причинной необходимости всего происходящего в природе. *Страшным* назван, вероятно, за свой атеизм и механический материализм. Согласно учению Демокрита, из атомов состоит даже «душа».

К друзьям в Кишинев. Написано в Тираспольской крепости и обращено к А. С. Пушкину, декабристам М. Ф. Орлову и К. А. Охотникову и к кишиневскому знакомому Пушкина и Раевского, И. П. Липранди. Раевский с большой точностью воссоздает ход следствия — шан-

таж, лживость свидетелей, собственную твердость. *Геба* (греч. миф.) — дочь Зевса, богиня вечной юности; вместе с *Ганимедом* (см. стр. 405) подавала богам нектар, напиток, дарующий бессмертие и вечную юность. *Вакх* — см. стр. 404. *Тирас* — греческое название реки Днестр. *Феб*, или Аполлон (греч. миф.) — бог солнца, света, искусств. *Эреб* (греч. миф.) — самая мрачная часть *Тартара* (царства мертвых), где происходил суд над душами умерших. *Но пусть счастливейший певец* и следующие строки обращены к А. С. Пушкину. *Флегетон* (греч. миф.) — огненная река в царстве мертвых. *Альбион* — древнее название Англии. *Амфион* (греч. миф.) — сын Зевса, своей игрой на цитре приводивший в движение деревья и скалы. *Бейрон* — Байрон. *Скажите от меня Орлову* и т. д. Намек на отказ Раевского дать показания о существовании тайного общества и принадлежности к нему декабриста М. Ф. Орлова. *Горит денница на востоке*. Имеется в виду греческое восстание 1821 г. против владычества Турции. *Валкальный звон* — по скандинавской мифологии, торжественный звон во дворце бога Одина в Валгалле (Валкалле), где после смерти обитали храбрые воины.

Певец в темнице. Написано в Тираспольской крепости и обращено к А. С. Пушкину, который, по свидетельству современников, отнесся к стихотворению с большим вниманием. В особенности поразили Пушкина стихи 49—52 («Как

истукан, немой народ» и т. д.). По воспоминаниям И. П. Липранди, Пушкин сказал: «После таких стихов не скоро же увидим этого спартака». *Книга Клии* — история. Клио (греч. миф.) — муза истории. *Борецкая* Марфа — новгородская посадница, в 1470—1478 гг. возглавившая сопротивление Новгорода московскому великому князю Ивану III. *Вадим* — легендарный вождь новгородцев в восстании против власти Рюрика, упоминаемый в «Повести временных лет» (древнейшей части русской летописи). Упоминание о нем относится к IX в.

На смерть моего скворца. *Мой пелисон*. Раевский воспользовался преданием о французском писателе Поле Пелиссоне-Фонтанье (1624—1693), который в одиночном заключении приручил паука: *И был свидетель Абеон*. Раевский неточно использует античный миф. Абеона (греч. миф.) — богиня-покровительница детей при их первом выходе из дому. *Так, верю я, о жрец науки* и т. д. Речь идет о «переселении душ», одной из основных идей Пифагора (ок. 580—500 до н. э.), греческого математика и философа-идеалиста.

Послание к К<омаро>ву. Обращено к Николаю Ивановичу Комарову (1796—1853), товарищу Раевского по Московскому университетскому благородному пансиону, члену Союза благоденствия. В 1820 г. Раевский был введен Комаровым в тайное общество. В следствии по

делу декабристов Комаров сыграл предательскую роль, что осталось неизвестно Раевскому. *Муки Тантала*. В переносном смысле — нестерпимые мучения от сознания близости желанной цели и невозможности ее достигнуть. Тантал — см. стр. 425. *Миних* Бурхард-Христофор (1683—1767) — русский фельдмаршал, государственный деятель; был сослан в Сибирь. *Меншиков* Александр Данилович (1670—1729) — виднейший государственный деятель эпохи петровских преобразований, при Петре II сосланный в Тобольскую губернию. *Ты тягость бытия одну минуту знал*. Комаров, привлеченный в 1826 г. к следствию по делу декабристов, вскоре был освобожден. *Лары* — см. стр. 403. *Зефир* — легкий теплый ветер; в греческой мифологии — бог западного ветра. *Клиш крепкие скрижали* — исторические повествования. См. стр. 411. *Крон* (греч. миф.) — бог времени. *Химера* (греч. миф.) — чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы, хвостом дракона; в переносном смысле — несбыточная мечта, фантазия.

«Она одна казалась мне мила...»
Обращено к жене — Евдокии Моисеевне Середкиной (1811—1876). *Аврора* (римск. миф.) — богиня утренней зари.

Дума Стихотворение написано во время пребывания Раевского на Туранских минеральных водах в Иркутской губернии. *Икаугун* — один из шести Туранских источников.

Предсмертная дума. В 1838—1846 гг. Раевский тяжело болел: «девять лет ожидал смерти», — писал он в 1848 г. Г. С. Батенькову. *Мои темницы*. Имеется в виду собственная судьба Раевского, а также название знаменитой книги «Мои темницы» (1833) итальянского революционера Сильвио Пеллико, десять лет пробовавшего в тюрьме.

<К дочери>. Обращено к старшей дочери — Александре Владимировне Раевской, в 1848 г. вышедшей замуж. Поэтическая «исповедь» декабриста представляет собой напутствие дочери и — шире — молодому поколению, которое должно продолжить дело отцов. *Хвала кимвальная* — пышно звучащая, но пустая похвала (перефразировка библейского выражения «кимвал бряцающий»; кимвал — древний музыкальный инструмент).

А. А. БЕСТУЖЕВ

Подражание первой сатире Буало. Сатира французского поэта Н. Буало (1636—1711) Бестужевым сокращена и приспособлена к русским нравам. *Петропольские* — петербургские. *Дамон, Клит, Граблев, Нарцисс, Грей, Библис, Злорад, Персий, Вралев, Клит, Трусов* — здесь: условные имена. *Иван Каин*. Имеется в виду популярное в конце XVIII и в начале XIX в. жизнеописание вора и сыщика Ваньки

Каина. *Лаиса* (V в. до н. э.) — греческая гетера; ее имя стало нарицательным для обозначения женщины легкого поведения. *Катоном* *рядится отеческой земли* и т. д. Здесь соединены черты Катона Младшего (95—46 до н. э.), римского народного трибуна, врага Юлия Цезаря, и Катона Старшего (234—149 до н. э.), римского государственного деятеля, писателя и оратора; оба прославились неподкупностью убеждений. *Цинический* — здесь от названия античной философской школы циников, презиравших земные блага. *Обуховская больница* — больница для умалишенных в Петербурге. *Росский Тит* — Александр I. Тит (39—81) — римский император и полководец, провозглашенный в римской историографии образцом кротости. *Дельфийские оливы*. Имеется в виду мирное процветание искусств. Дельфы — город в древней Греции, центр культа Аполлона (бога солнца, света, искусств); оливы — символ мира. *Эрмий* или Гермес (греч. миф.) — бог изобретений, дорог, промышленности, торговли; изобретатель лиры и букв. Изображался с золотым жезлом счастья в руке. *Наш Август* — Александр I. Август — см. стр. 404. *Меценат* (I в. до н. э.) — римский государственный деятель, советник Августа, прославившийся гуманностью и независимостью взглядов. Оказывал поддержку поэтам Вергилию, Горацию и др. Имя Мецената стало нарицательным для обозначения покровителя наук и искусств. *И лучший здесь поэт, честь века и народа* и т. д. Имеется в виду В. А. Жуковский, незадолго перед тем вступивший в при-

дворную службу. *Аполлон* или *Феб* — см. стр. 410. *Фортуна* — см. стр. 402. *Дедал* — здесь: лабиринт, от имени Дедала, легендарного древнегреческого механика и архитектора, строителя лабиринта на острове Крит. *Фемид* (греч. миф.) — богиня правосудия. *Нинона* — Нинон де Ланкло (1615—1705), французская куртизанка. *Веста* (римск. миф.) — богиня целомудрия. *Вавилон* — столица древнего государства в Месопотамии; согласно библейской легенде, развращенность жителей привела Вавилон к гибели.

К некоторым поэтам. *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт. *Глупениус* — условное литературное имя. *Княжнин* Яков Борисович (1742—1791) — драматург и поэт. *Мевий* (I в. до н. э.) — завистливый и бездарный римский поэт, преследовавший Вергилия. *Пермесская колыбель* — здесь: литература, от древнегреческого названия ручья (Пермесс), посвященного музам. *Питомцы Фебовы и девяти сестриц* — поэты. Девять сестриц — девять муз, считавшихся в греческой мифологии покровительницами различных родов поэзии и искусства. *Парнасские горы* — двухвершинная гора в Греции, почитавшаяся местопребыванием Аполлона; здесь — поэзия. *Бутят* — от глагола «бутить» — заваливать яму, ров. *Геликон* — гора в Греции, почитавшаяся местопребыванием муз; в переносном смысле — место поэтического вдохновения. *Автор Душеньки* — Ипполит Федорович Богданович (1743—1803). «Душенька» — поэма Богдановича. *Костров*

Ермил Иванович (1752—1796) — поэт-одописец и переводчик.

Михаил Тверской. Сюжет взят из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, где приводится летописный рассказ о прощании с сыном Константином и казни в Орде тверского князя Михаила Ярославовича (1318). *Узбек* — имя татарского хана.

<Эпиграмма на Жуковского>. Пародия на стихотворение Жуковского «Певец». В эпиграмме высмеиваются окрашенная мистикой «кладбищенская» фантастика баллад Жуковского и придворная служба поэта, в 1817 году приглашенного учителем русского языка к немецкой принцессе Шарлотте (жене великого князя Николая Павловича). Эпиграмма имела широкое хождение и дошла до нас в разных вариантах.

Череп. Об этом стихотворении А. Бестужева с восхищением отзывался Ф. М. Достоевский: «Как хорошо! И очень глубоко: *памятник безгробный*».

Финляндия. Посвящено генерал-губернатору Финляндии Арсению Андреевичу Закревскому (1783—1865), проявлявшему внимание к Бестужеву и другим декабристам во время их заключения в крепости «Форт Слава» (Роченсальм) в 1826—1827 гг.

Тост. Прометей (греч. миф.) — титан-бог-борец, похитивший огонь с Олимпа и принесший его людям. *Бог ланит*. Имеется в виду Вакх (см. стр. 404). *Нектар* (греч. миф.) — напиток богов.

В день именин Ал. Ив. М...й. Адресат не установлен.

Шебутуй. Летопад — поток лет (словообразование Бестужева).

Часы. Валтасар (VI в. до н. э.) — последний вавилонский царь. Согласно библейской легенде, перед падением Вавилона, во время царского пира на стене появились огненные слова, предвещавшие гибель Валтасара.

Эпиграмма («Люблю я критика Василья...»). По всей вероятности, направлена против критика В. Т. Плаксина (1796—1869).

<Из повести «Аммалат-Бек»>. Эти стихи были высоко оценены Белинским: «...В них так много чувства, так много оригинальности, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими». *Азраил* — по верованию магометан, ангел смерти.

Поэтам Архипелага нелепостей в море пустозвучия. В письме к Н. А. Полевому от 1 января 1832 г. из Дербента **Бестужев**

писал: «Надо бы подарить сережки и сестрице, нашей поэзии (она же, бедняжка, право, дура бессережная), да та беда, что для ее испанских титулов, С. Шевырев, С. Кугушев, С. Трилунный, etc, etc, etc, нет у меня места: это совершенно Крысий архипелаг нелепостей в море пустозвучия. Как читаешь раздирающие жизнь (а нередко и ухо) их стихотворения, так и хочется сказать: <далее следовал текст стихотворения>. Впрочем, в Шевыреве водятся иногда мысли, в Трилунном — чувства, но это так редко или так ветхо! Прочих поэтов не помню даже имен; они все, кажется, берут напрокат стоптанные туфли Пушкина».

Андрей, князь Переяславский. Бестужев сообщал издателю «Московского телеграфа» Н. А. Полевому об «Андрее, князе Переяславском»: «Он написан был в 1827 году, в Финляндии, где у меня не было ни одной книги; написан был жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке, по ночам. Чернилами служил толченый уголь...» В крепости «Форт Слава» (Финляндия, Роченсальм) Бестужев вместе с некоторыми другими декабристами находился с августа 1826 г. до октября 1827 г. Черновая рукопись двух написанных глав была им передана на волю; без ведома Бестужева обе главы были вскоре опубликованы (анонимно), что вызвало его крайнее неудовольствие. Авторство Бестужева стало известно в печати в 1832 г., хотя слухи об этом ходили и

ранее. Повесть была задумана в пяти главах, написаны первая и вторая и два отрывка из пятой. Бестужев неоднократно указывал на недоработанность всего текста. В поэме рассказывается о борьбе младшего сына киевского князя Владимира Мономаха, *Андрея Переяславского* (1102—1141), прозванного Добрым, с киевским князем, крупнейшим представителем черниговской династии, Всеволодом II Ольговичем (ум. 1146). В 1139 г. Всеволод осаждал Переяславль, но был разбит войсками Андрея Переяславского. В поэме упоминаются удельные князья, принадлежавшие к двум враждовавшим группировкам — Мономаховичи (братья Андрея Переяславского — Ярополк, Вячеслав) и Ольговичи (братья Всеволода — Мстислав, Святослав). Часть имен вымышленна.

Глава первая. *Гулит* — от старинного «гулить»: нежить, ласкать. *Даниил* Романович (1201—1264) — галицко-волынский князь, выдающийся политический и военный деятель. *Всеволод* — князь Всеволод Ольгович; см. выше. *Князь-Володимира сыны* — удельные князья, сыновья Владимира Мономаха (1053—1125). *Глебовская война* — по-видимому, имеются в виду междоусобные войны, разжигавшиеся первым минским князем Глебом Всеславичем (ум. 1119) в 1106—1119 гг. *Яр песок* — чистый, сверкающий песок. *Когда военной славы щит Сменял на блюдо чечевицы*. Намек на библейский рассказ об Исаве, продавшем право первородства своему брату Иакову за чечевичную похлебку. *Праздник*

✱

Павла и Петра — церковный праздник апостолов Павла и Петра (29 июня ст. стиля).

Дума Святослава. *Святослав* (ум. 1165) — брат киевского князя Всеволода Ольговича; см. выше.

**Агитационные песни, написанные
А. А. Бестужевым совместно
с К. Ф. Рылеевым**

Инициатива создания агитационных песен принадлежала К. Ф. Рылееву. В конце 1823 г. им был поставлен перед Северным тайным обществом вопрос о необходимости распространения «песен и пародий», популяризирующих революционные идеи. Песни приобрели широкую известность в кругах передового дворянства, а также среди солдат и матросов. «Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображалась в них простыми словами, но верными красками», — писал декабрист Н. А. Бестужев.

«Ах, где те острова...» Предназначалась в основном для распространения в среде дворянской интеллигенции, которой были понятны намеки на политических и литературных деятелей. *Pucelle* — запрещенная в России антирелигиозная поэма Вольтера «La Pucelle d'Orléans» («Орлеанская девственница»). *Бестужев-драгун* — А. А. Бестужев, служивший в драгунском полку. *Князь*

чудодей — великий князь Константин Павлович, главнокомандующий русскими войсками в Польше. Был известен самоуправством и бешеным нравом. *Булгарин Фаддей* Венедиктович (1789—1859) — литератор, в то время общавшийся с декабристами; после 1825 г. стал агентом III Отделения. *Танга* — управлявшая домом Булгарина тетка его жены. *Магницкий* Михаил Леонтьевич (1778—1855) — член Главного правления училищ; душитель просвещения, организатор разгрома Казанского университета. *Мордвинов* Николай Семенович (1754—1845) — адмирал, государственный деятель, пользовавшийся популярностью в декабристских кругах. *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — литератор, до 1821 г. настроенный либерально; после привлечения к следствию в связи с восстанием Семеновского полка и особенно после восстания декабристов перешел на реакционно-охранительные позиции. Ходили слухи, что он был высечен в полиции. *Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный деятель, в прошлом либеральный реформатор; в начале 1820-х годов, напуганный репрессиями, пытался сблизиться с Аракчеевым и придворно-клерикальными кругами. *Измайлов* Александр Ефимович (1779—1831) — журналист и баснописец, известный беспорядочным образом жизни.

«Ты скажи, говори...» *Как в России цари давят.* Речь идет об убийствах царей Петра III и Павла I. *А жена пред дворцом* и т. д. Низвер-

жение Петра III в 1762 г. было осуществлено его женой Екатериной II при помощи гвардии. *Как курносый злодей* и т. д. Имеется в виду пятилетнее царствование Павла I, убитого в 1801 г.

«Ах, тошно мне...» Текст песни варьировался и пополнялся новыми строфами в течение 1823—1825 гг. В частности, Бестужевым были добавлены стихи о военных поселениях. В начальных строках использована популярная песня Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне». *Без синюхи* — без взятки (синюха — пятирублевая ассигнация). *Под царским орлом* — в кабаках, вывески которых украшались двуглавым орлом. *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834) — всесильный любимец Александра I, свирепый исполнитель его реакционных мероприятий, организатор военных поселений и жестокой муштры в армии.

«Царь наш — немец русский...» Направлено против Александра I. Песня создавалась под непосредственным воздействием сатирического стихотворения Пушкина «Сказки. *Noël*» («Ура! В Россию скачет кочующий деспот...»). Формула «немец русский» выражает характерную для декабристов трактовку самодержавия как власти, чуждой русским традициям. Между русским и немецким дворами существовали тесные родственные связи (начиная с Петра III в Рос-

сии воцарилась Голштинская династия), и, главное, сами принципы государственного управления рассматривались декабристами как ненациональные. *Мундир прусский*. Здесь и далее высмеивается тяжело обходившаяся народу фрунтомания, насаждавшийся в армии «пруссский дух». *Граф Аракчеев* — см. стр. 422. *Волконский* Петр Михайлович (1776—1852) — начальник Главного штаба (был уволен в отставку в конце 1823 г.). *Губернатор в Або* — генерал-губернатор Финляндии А. А. Закревский. *Потанов* Алексей Николаевич — дежурный генерал Главного штаба, известный своим невежеством и самодурством. *Трусит он масонов*. Намек на запрещение масонских обществ в 1822 г.

Подблюдные песни. Создавались преимущественно А. А. Бестужевым; доля участия К. Ф. Рылеева была невелика. В основу положены народные «подблюдные» песни, исполнявшиеся во время новогодних гаданий.

«Вдоль Фонтанки-реки...» Песня обращена к солдатам гвардии и намекает на восстание Семеновского полка в 1820 г. Предназначалась также для распространения среди солдат Южной армии, куда было переведено много бывших семеновцев. *Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки*. На набережной Фонтанки в Петербурге находились казармы гвардейских полков — Измайловского и Семеновского. *Князьки-сор-*

ляки — братья Александра I, великие князья Николай и Михаил. Первый был шефом Измайловского, второй — Московского полка.

П. И. КОЛОШИН

К артельным друзьям. Ранее приписывалось поэту А. И. Мещевскому. Посвящено членам петербургской «Священной артели» (см. биографическую заметку, стр. 303—305). Стихотворение подвергалось цензурному запрету.

П а р о х о д. Посвящено декабристу Александру Осиповичу Корниловичу (1800—1834), писавшему на темы русской истории, собравшему ценные исторические материалы об эпохе Петра I (печатались в «Северном архиве» в 1822—1824 гг.).

Н. И. ЛОРЕР

Наполеон. *Аннибал* или Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель. *Батый* — см. стр. 402. *Герострат* — грек, сжегший в 356 г. до н. э. храм Артемиды в Эфесе, чтобы прославиться и увековечить свое имя.

Александр Александровне Капнист. Этим стихотворением открывается альбом, пода-

ренный Лорером старшей дочери декабриста А. В. Капниста, А. А. Капнист (1845—1920). Альбом писан рукой Лорера и содержит ценные материалы по истории декабризма (отрывки из мемуаров, письма, рассказы, стихи).

«Всё, что знавал, всё, что любил...» Этими стихами завершается текст «Записок» Лорера.

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Тюремная песнь. Написана на третьем году одиночного тюремного заключения. Философская поэма, состоящая из 50 строф. По своему стилю близка к ломоносовской традиции. В рукописи имеется послесловие автора: «Это была полная, законченная песнь. Не было средств записать ее. Составленная на память, невозвратно забыта. Здесь представляются отрывки. Есть и другие песни, но изменяет во многом воспоминание. Здесь только ответ на вопрос — как можно человеку жить в тесном заключении, одному, почти четверть века, в цветущие лета жизни». *Венера* (римск. миф.) — богиня любви и красоты. *Тантал* (греч. миф.) — сын Зевса; за оскорбление богов был низвергнут в подземное царство, где, стоя в воде под плодовыми деревьями, обречен был терзаться от жажды и голода. См. также стр. 412.

Н. А. ЧИЖОВ

Воздушная дева. *В тверди* — в небесах.

Сибирские цветы. *Флора* (римск. миф.) — богиня цветов и юности.

М. А. ВЕСТУЖЕВ

Песня («Что ни ветер шумит во сыром бору...»). Написана в Петровском остроге к десятилетней годовщине восстания Черниговского полка (29 декабря 1835 г.); тогда же была впервые исполнена на традиционном обеде декабристом А. И. Тютчевым вместе со «Славянскими девами» А. И. Одоевского. Сам М. А. Бестужев впоследствии ошибочно относил написание песни к 1829—1830 гг. Песня имела огромный успех в декабристской среде. *Муравьев* — Сергей Иванович Муравьев-Апостол (1796—1826), возглавивший восстание Черниговского полка.

В. Л. ДАВЫДОВ

<Отрывки из поэмы «Николосарос»>. Отрывки из несохранившейся сатирической поэмы о Николае I, которую Н. А. Бестужев характеризовал как «прекрасную едкую шутку». *Николосарос* расшифровывается как «Николай, самодержец российский». *При нем случилось возмущенье*. Речь идет о восстании декабристов.

СЛОВАРЬ

Архонты — верховные правители древних Афин.

Бить — тонкая проволока, употреблявшаяся для златотканых работ.

Боскет — маленькая рощица, группа деревьев.

Бостон — карточная игра.

Бояны (баяны) — поэты; от имени легендарного древнерусского поэта Бояна, упоминаемого в «Слове о полку Игореве».

Вежды — веки.

Визирь (везирь) — высший правительственный сановник в странах Ближнего и Среднего Востока при феодализме.

Вотще — напрасно, тщетно.

Выжлица — гончая собака.

Выя — шея.

Глагол — слово, речь.

Гольцы — высокие горы, не покрытые растительностью.

Гридни — члены княжеской дружины, княжеские телохранители.

Гридни́ца — помещение, в котором жила княжеская дружина.

Денница — рассвет, утренняя заря.

Десница — правая рука; рука.

Длань — рука, ладонь.

Днесь — ныне, теперь, сегодня.

Доезжачий — старший псарь, распорядившийся собаками во время охоты.

Желна́ — черный дятел.

Зеницы — глаза, зрачки.

Златница — золотая монета.

Кабарга — дикая коза.

Камка — шелковая цветная ткань с узорами.

Кика — головной убор замужней женщины.

Ланиты — щеки.

Ловитва — охота.

Медяница — вид ящерицы.

Наполье — поля, пашни.

Однорядка — долгополый кафтан.

Опашень — летняя верхняя мужская одежда.

Оркан — ураган.

Персть — земля, прах.

Перуны — молнии или гром; по имени Перуна — бога грома и молнии у древних славян.

Полдневные — южные.

Полночные — северные.

Порфира — царская пурпуровая мантия.

Пострел — название травы.

Рамена — плечи.

Руны — древние германские и скандинавские письмена.

Сайдак — чехол для лука; лук и колчан со стрелами.

Сатрап — правитель в древней Персии; в переносном смысле — всемогущий вельможа-деспот.

Скрижали — доски или таблицы с религиозными письменами; в переносном смысле — хранилище каких-либо идей, описания памятных событий и т. п.

Скудель — глина, глиняный сосуд.

Спагис (спаги) — солдат французской конницы, рекрутировавшийся из жителей Алжира.

Стремянной (стремянный) — конюх-слуга.

Тать — разбойник, вор.

Тысяцкий — военачальник в древней Руси.

Уздени — феодалы-дворяне Кабарды и Дагестана.

Улус — стойбище кочевников.

Ферез (ферязь) — женское платье типа сарафана.

Фиал — чаша, кубок.

Хоругвь — войсковое знамя; полотнище с изображениями Христа, святых и т. п., употреблявшееся в крестных ходах.

Цевница — свирель.

Чекан — ручное оружие, стержень с топориком и молоточком на конце.

Шестопёр — род булавы с наконечником в форме пучка из шести перьев стрелы.

Ясельничий — смотритель конюшен.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Поэтическое наследие декабристов. <i>Вступительная статья И. Семенко</i>	5

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Биографическая заметка	67
Песнь воинов перед сражением	70 402
Плач негра	73
Глас правды	75 402
Послание Николаю Степановичу Ахматову	77 402
К моим пенатам	80 403
Послание Петру Григорьевичу Приклонскому	82 403
Мое прости друзьям	86 404
Г. С. Батенькову («Хотя глас дружества молчанью твоему...»)	92 404
«О милая, прости минутному стремленью...»	95 405

¹ Первая цифра обозначает страницу стихотворения, вторая (курсивом) — страницу примечания.

«Нет, нет, не изменюсь свободною душою...»	96 405
«Так ложною мечтой доселе ослепленный...»	97
Подражание Горацию	98 405
Путь к счастью	100 405
Послание Г. С. Батенькову («Когда над родиной моей...»)	102 406
Сатиры на нравы	105 406
Элегия I	107 406
Элегия II	110 407
Смеюсь и плачу (<i>Подражание Вольтеру</i>)	413 407
К друзьям в Кишинев	116 409
Певец в темнице	122 410
На смерть моего скворца	126 411
Послание к К<омаро>ву	128 411
«Она одна казалась мне мила...»	137 412
«Не с болюю, но с радостью душевной...»	140
«Когда ты был младенцем в колыбели...»	141
Дума	142 412
Предсмертная дума	146 413
<К дочери>	147 413

А. А. БЕСТУЖЕВ

Биографическая заметка	159
Подражание первой сатире Буало	162 413
К некоторым поэтам	168 415
Михаил Тверской	171 416
<Эпиграмма на Жуковского>	173 416

Саатырь (<i>Якутская баллада</i>)	174
Череп	180 416
Финляндия (<i>А. А. З<акревско>му</i>)	182 416
Тост	184 417
В день именин Ал. Ив. М...й	187 417
Шебутуй (<i>Водопад Станового хребта</i>)	190 417
Часы	193 417
Сон	195
Оживление	198
Дождь	199
К облаку	200
Разлука	201
Осень	203
Приписка к богатому надгробию в бедности умершего поэта	205
Эпиграмма («Люблю я критика Василья...»)	206 417
<Из повести «Аммалат-Бек»>	
1. <Старинная песня кабардинцев>	207 417
2. Смертные песни <кабардинцев>	208 417
<Эпиграф к первоначальной редакции 3-й главы повести «Аммалат-Бек»>	
Поэтам Архипелага нелепостей в море пустозвучия	212 417
Ответ	213
«Я за морем синим, за синею далью...»	214
Андрей, князь Переяславский. <i>Повесть</i>	
Глава первая. Путь	215 418
Глава вторая. Охота	248 418
Отрывок из 5-й песни поэмы «Андрей, князь Переяславский»	283 418
Дума Святослава	285 420

Агитационные песни, написанные
А. А. Бестужевым совместно
с К. Ф. Рылеевым.

«Ах, где те острова...»	288	420
«Ты скажи, говори...»	290	421
«Ах, тошно мне...»	291	422
«Царь наш — немец русский...»	295	422

Подблюдные песни

1. «Вдоль Фонтанки-реки...»	298	423
2. «Уж вы вейте веревки на барские головки...»	299	423
3. «Как идет кузнец да из кузницы. Слава!...»	299	423

П. И. КОЛОШИН

Биографическая заметка	303	
К артельным друзьям	306	424
Пароход. А. О. К<орнилови>чу	310	424

Н. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Биографическая заметка	315	
Бессмертие	317	

П. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Биографическая заметка	325	
Лисица-секретарь	327	

Брага. <i>Басня</i>	329
Кляча, дрова и дровни	331

Н. И. ЛОРЕР

Биографическая заметка	335
Наполеон	338 424
Александре Алексеевне Капнист	340 424
«Всё, что знал, всё, что любил...»	341 425

Н. А. БЕСТУЖЕВ

Биографическая заметка	345
Мартышка и бритва. <i>Басня</i>	348
К улетевшему гению	349

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Биографическая заметка	353
Одичалый	357
Тюремная песнь <Отрывки из поэмы>	364 425

Н. А. ЧИЖОВ

Биографическая заметка	371
Воздушная дева. <i>Якутская фантазия</i>	373 426
Нуча. <i>Якутский рассказ</i>	377
Журавли	383
Сибирские цветы	384 426
Русская песня	386

*

М. А. БЕСТУЖЕВ

Биографическая заметка	389
Песня («Что ни ветер шумит во сыром бору...»)	391 426

В. Л. ДАВЫДОВ

Биографическая заметка	395
<Отрывки из поэмы «Николосарос»>	397 426
Примечания	401
Словарь	427

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский (зам. главного
редактора)*

ПОЭТЫ-ДЕКАБРИСТЫ

Редактор *И. В. Исакович*

Художник *Л. С. Хижинский*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 3/III 1960 г. Подписано
к печати 20/VI 1960 г. Бумага 84×108^{1/84}
Печ. л. 67^{1/8} (11,28). Уч.-изд. л. 13,64.
Тираж 50 000 (1-й завод 20 000).

Заказ № 520.

Цена 5 р. 10 к.

С 1/I 1961 г. цена 51 к.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

СОБИРАЙТЕ «БИБЛИОТЕКУ ПОЭТА»

«Библиотека поэта» превратилась в подлинную энциклопедию русской поэзии за все время ее существования, в обширный свод памятников национальной поэтической культуры.

**Книги
серии «Библиотека поэта»
продаются
во всех книжных
магазинах «Союзкниги»,
а также высылаются
наложенным платежом.**

Заказы направлять по адресу:
Москва, Книга — почтой, 5-я Черемушкинская, 14.
